

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ФГАОУ ВО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
ПАРАБЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2015

УДК 908:39(571.16)(082)
ББК 26.891:63.5я43
Р 764

Редактор – д.и.н. О.М. Рындина

Рецензент – к.и.н. А.Н. Баловнева

Российские немцы в этнокультурной палитре Томского
Р 764 Севера: Парабельский район: Сборник статей. – Томск: Изд-во
Том. ун-та, 2015. – 130 с.

ISBN 978-5-7511-2356-7

Представлены статьи участников совместной этнографической экспедиции Томского государственного университета и Российско-немецкого дома в Парабельский район с целью изучения этнической истории и культуры российских немцев. Публикация основана на полевых материалах, систематизация которых воссоздаёт семейные хроники и через них – историю депортации народа, его адаптацию к суровым условиям Нарымского края, вклад в развитие Парабельского района и бытовые традиции. В обобщающих статьях выявляются тенденции, характеризующие процесс формирования, развития и современного состояния этнолокальной диаспоры – российских немцев Парабельского района.

Для краеведов, этнологов, историков, музеологов и всех интересующихся историей Томского края.

УДК 908:39(571.16)(082)
ББК 26.891:63.5я43

*Материалы для сборника собраны и опубликованы при финансовой поддержке
АОО «Международный союз немецкой культуры»*

ISBN 978-5-7511-2356-7 © Томский государственный университет, 2015
Томский областной Российско-немецкий дом, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 4 по 14 июля 2014 г. проходила этнографическая экспедиция в Парабельский район Томской области. Она стала продолжением полевых этнографических сборов, начатых в 2013 г. и охвативших Александровский район. Цель обеих экспедиций – изучение истории депортации российских немцев в Нарымский край и их социокультурной адаптации к сложным условиям Томского Севера. Экспедиции проводятся в формате сотрудничества Томского областного Российско-немецкого дома с кафедрой музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета и финансируются Международным союзом немецкой культуры. Парабельская экспедиция проводилась в рамках исследовательского проекта «Немцы Томского Севера». Организационное руководство экспедицией со стороны Российско-немецкого дома осуществляла заместитель директора Лариса Алексеевна Глинкина, научное со стороны Томского государственного университета – доктор исторических наук Ольга Михайловна Рындина.

Участниками экспедиции стали студенты 1–3-го курсов кафедры музеологии, культурного и природного наследия ТГУ Вероника Ефремова, Светлана Кретова, Мария Чарышова, Анастасия Махнёва, Ай-Бес Кыргыс, Всеволод Ситников, Владислав Попов, а также представители РНД и активисты самоорганизации российских немцев Юлия Фаллер, Анастасия и Виталий Шмидты, Владислав Кнауб. Специфику парабельской экспедиции придало участие гражданина Германии Феликса Шмида – студента Свободного университета Берлина. В круг его научных интересов входят вопросы политических репрессий. География экспедиционных сборов включила в себя с. Парабель и близлежащие населённые пункты – Нарым, Прокоп и Шпалозавод, где работали выездные группы.

Методика сбора информации осталась той же, что была в 2013 г.: путём беседы получали информацию, на основе которой воссоздавалась семейная хроника, начальной точкой отсчёта в которой стала жизнь в Поволжье. Исторические реалии, таким образом, проявлялись на пересечении судеб десятков российских немцев, представляющих два-три поколения. Для них Нарымский край стал и местом печали и скорби, и малой родиной, с которой они срослись и которую не собираются покидать. Особое внимание уделялось изучению этнической культуры, цементирующей любой этнос. У российских немцев Парабельского района она оказалась во многом утраченной и сохранилась главным образом на символическом уровне, т.е. как память о традициях. Этнографическая информация выявлялась на основе опросников, используемых и в предыдущей экспедиции, что обеспечило преемственность в фиксации материала и его исследовательскую сопоставимость. Важная роль в экспедиции отводилась фотофиксации материала. За создание экспедиционного видеоряда, как и в александровской экспедиции, отвечала Юлия Фаллер. По итогам экспедиции ею была подготовлена фотовыставка, переданная в дар жителям Парабели. Отдельное спасибо Ксении Минаковой, которая осуществила профессиональный перевод текстов с немецкого языка и, как представитель этноса российских немцев, выступила экспертом в некоторых вопросах.

В этнографической экспедиции чрезвычайно ответственным моментом является установление доверительных отношений с представителями изучаемого этноса, а также определение круга информаторов, располагающих максимальными сведениями по изучаемой теме. Благоприятным фактором, способствующим быстрому и эффективному решению означенных задач, стало сотрудничество с Центром немецкой культуры Парабельского района в лице его трёх сменявших друг друга руководителей – Фёдора Фёдоровича Райса, Лидии Яковлевны Кокуркиной и Екатерины Адамовны Денисюк. Они встретили нас, познакомили с центром, нарисовали картину современной жизни немецкой диаспоры с присущими ей проблемами, помогли составить маршруты обходов, настроили должным образом наших собеседников, сами выступили в роли информаторов. Куратором всей экспедиционной группы стала Екатерина Адамовна Денисюк, со всей ответственностью и с заметным волнением выполнявшая функции принимающей стороны, ведь наша экспедиция – её первое крупное мероприятие, проведённое в статусе руководителя

центра. Большое спасибо всему триумvirату руководителей Центра немецкой культуры за тёплый и радушный приём и поддержку.

Основным результатом обработки и систематизации материала, зафиксированного на диктофоны, фотоснимки и в виде рукописей, можно с полным правом назвать подготовку и издание настоящего сборника. Он служит логическим тематическим продолжением предыдущего сборника, посвящённого немцам Александровского района. Каждая статья в настоящем сборнике посвящена истории отдельной семьи, депортированной в Нарымский край. Искренняя благодарность всем нашим собеседникам-информаторам, отложившим свои дела в горячую летнюю пору, согласившимся погрузиться памятью в мучительно тяжёлое прошлое и подробно, искренне отвечавшим на наши непростые вопросы. Представляемый сборник – это материализованная частичка общей благодарности всем принимавшим нас российским немцам Парабельского района, дань уважения их жизненной стойкости и достоинству.

Адресуем слова благодарности и представителям Администрации Парабельского района – Дмитрию Георгиевичу Бондаренко, заместителю главы районной администрации по социальным вопросам, и Ольге Александровне Москалевой, главному специалисту районного отдела культуры, без участия и помощи которых бытовая составляющая экспедиции не была бы организована безукоризненно, а исследовательская программа не была бы выполнена в полном объёме. Надеемся на дальнейшее сотрудничество между Российско-немецким домом в лице его директора Александра Владимировича Гейера и Томским государственным университетом в лице директора института искусств и культуры, заведующего кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Эдуарда Исааковича Черняка и благодарим их за внимание и деятельное отношение к совместному проекту.

О.М. Рындина

ЮДОЛЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ПАРАБЕЛИ*

Среди ёмких и образных старокнижных слов встречается и «юдоль», означающее долину, а в переносном смысле – место страданий и скорби. Юдолью для многих российских немцев в годы депортации стал Нарымский край, включавший в себя и Парабельский район. Сюда была направлена часть потока вторичного переселения, призванного, согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1942 г., обеспечить рабочими руками рыболовство и рыбоперерабатывающую отрасль Сибири. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край переселялись 15 тысяч человек¹, из них в Парабельский район – 2 тысячи человек². Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории района. Сведения, полученные в ходе бесед с современными представителями диаспоры, и послужили основой для воссоздания процесса депортации и последующей адаптации этнотерриториальной группы к новым природно-климатическим, хозяйственным и социокультурным условиям.

Механизм депортации, предусмотренный постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области», предполагал переселение целых колхозов, как компактных единиц населения, на новые места. Хотя реализовать задуманную схему не удалось, тем не менее при депортации учитывалось место проживания немцев в республике. По крайней мере, это подтверждают собранные экспедици-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

¹ Герман А.А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – С. 433.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 582. – Л. 37.

онные материалы: если среди переселенцев в с. Александровское преобладают жители Кукукского кантона, то в Парабели – Красноярского. Чаще других здесь фигурирует название деревни Роледер указанного кантона, упоминаются также Раскатовка и Шефер. Изредка встречаются семьи, депортированные из городов, Энгельса и Бальцера.

О жизни в Поволжье сегодня сохранились скудные сведения, основанные главным образом на воспоминаниях родителей. В них доминируют идиллические настроения: жизнь в колхозах рисуется как «хорошая», «обеспеченная», «в достатке». Колхоз непременно характеризуется как «богатый», располагавший всем в изобилии: *«Поля имел большие, не было видать им конца и края. С них собирали много зерна, целые горы»*. Земля, как главный гарант достатка, в Поволжье такая, что на ней *«всё родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же выросло»*. Ответственная работа в таком колхозе расценивалась как неременная добродетель: *«Там никто без работы не сидел, все работали»*. Среди мужских профессий указаны кузнецы, столяры и плотники, сапожники, портные. Женщины также работали в колхозе, среди них встречались и представительницы редких по тем временам профессий и должностей, например бригадир тракторной бригады. Семейная память бережно хранит сведения о трудовых подвигах родственников в Поволжье: спасение колхозного стада свиней во время пожара и награждение за это орденом «Знак почёта», включение в делегацию для участия во Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства.

Поскольку родители много работали в колхозе, забота о домашнем хозяйстве, как правило небольшом, ложилась на плечи бабушек и дедушек. Они же воспитывали внуков. Семьи в Поволжье были большими, от четырёх детей и более, а нравы в них строгими: *«К родителям обращались исключительно на «Вы», с раннего возраста их (детей. – О.Р.) приобщали к работе, учили не воровать и не убивать»*. Большую роль играло религиозное воспитание: *«В семье все молились и приучали к этому детей»*. Их образование включало посещение не только светских, но и церковных школ. Даже в условиях секуляризации церковью сохранялась возможность проведения коллективных молитв, с этой целью собирались в культовых зданиях во внерабочее время. Языком внутрисемейного общения служил исключительно немецкий, и старшие поколения плохо понимали порусски. Нормой социального общежития служили хождения в гости

к родственникам, друзьям: *«Хоть жили и неблизко, но вечерами встречались, чтобы посидеть, поговорить»*. Существовала традиция выбора невест в соседних селениях, во многом обусловленная тем, что в одной деревне, особенно небольшой, основную часть населения составляли родственники.

В целом, образ жизни в Поволжье вобрал в себя исключительно положительные воспоминания. Боле того, они подверглись мифологизации, превратившей родной край в место покоя и благоденствия. Причиной произошедшей мифологизации стала необходимость в психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте. Механизмом психологической защиты для этноса и стало создание мифа о жизни в Поволжье, лишённой невзгод, тревог и волнений. Такая память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем. По указанной причине в коллективной памяти оказались стёрты трагические страницы. Они, как исключение, проступают в индивидуальных воспоминаниях о *«тяжёлых годах, когда на Волге свирепствовал голод»*, о раскулачивании, разрушавшем семьи.

Гранью, расколовшей жизнь на две половины, стала весть о депортации, явившаяся для всех полной неожиданностью. Некоторые даже восприняли её как дезинформацию: *«Отец, услышав о документе, продолжал стайку строить: сначала не верил, что был издан такой указ»*. Постигшая народ беда воспринималась как катастрофа вселенского характера. На это указывают воспоминания о знамени, очевидцами которого стали жители деревни Роледер: *«Вся деревня видела знамение на небе – картину погрузки сотен людей в поезд, но в тот момент значения его не поняли»*.

Об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», узаконившем депортацию, узнавали из разных источников – газет, сообщений милиционеров, односельчан. Сведения о времени, предоставленном на сборы, разнятся: от 24 часов до нескольких дней, соответственно, и возможность подготовиться к дороге также различалась. Согласно постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г., разрешалось брать с собой в дорогу личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие – всего не более 1 тонны. За оставленные дома и скот была обещана компенсация, однако лишь однажды была зафиксирована информация о выплате компенсации за скот.

Старались взять с собой в дорогу как можно больше еды, тем более что было разрешено заколоть по одной свинье. Спешно солили и коптили сало, сушили сухари, пекли выпечку. В сундуки и наскоро сколоченные ящики укладывали одежду и вещи: котлы, небольшие железные печки, прялки, швейные машинки, даже музыкальные инструменты. В ходе сборов рождались слухи о том, что *«вмешалось начальство и переселение отменили»*. Однако действительность не заставила себя долго ждать: прибыли «военные», начали оформлять документы, осматривать вещи, грузить на телеги или машины, отправлять на железнодорожные станции. Разъяснений по поводу того, куда, зачем и на какой срок вывозят, не давали. Слухи ходили самые разные. Трагизм расставания с родным домом подчёркивает повторяющийся образ ревущей скотины, почувствовавшей что-то неладное: *«Вечером, когда уезжали, подошло время дойки, и стоял страшный рёв скотины, а на всю деревню оставалась одна женщина. Она бегала от коровы к корове, не зная, что делать»*. Личностными символами расставания стали недозревшие в саду яблоки, ещё кислые, которых немного собрали в дорогу, спевшие на бахче арбузы, которые срывали уже по дороге на станцию.

Дальнейший путь предстоял по железной дороге, в «телячьих» вагонах, абсолютно не приспособленных для перевозки людей. Поскольку основная дорога – Транссиб – «была занята войной», везли окольным путём, через Казахстан. Везли долго, около полумесяца. На станциях поезд делал редкие и короткие остановки, во время которых люди старались набрать воды. Один раз в день полагалась горячая пища. От скученности, духоты и нехватки воды начали умирать старики и дети, родившиеся в дороге. Ни о какой медико-санитарной помощи речь в воспоминаниях не идёт. Чтобы не потеть друг друга, молодые люди выходили замуж, женились. По прибытии в Новосибирскую область переселенцев выгружали на станциях и развозили по колхозам.

Летом – осенью 1942 г. началась вторичная депортация – перемещение немцев внутри Сибирского региона. В Нарымский край депортированных доставляли на пароходах, и белый пароход стал для многих людей символом неволи, горечи и страданий. Пароход делал короткие остановки, причаливая к берегу. Случалось, что во время остановок на берегу оставались члены семьи, пытавшиеся раздобыть еду, и воссоединение происходило через некоторое время. В месте назначения на берег высаживали всех, женщин и детей.

Взрослых мужчин среди переселенцев практически не было, так как их к тому времени забрали в трудовую армию.

По постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б) определялся порядок обеспечения переселенцев работой, жильём, пищей, однако на местах жизнь плохо согласовывалась с положениями документа. Так, в августе 1942 г., т.е. ко времени прибытия переселенцев, Нарымский окружком ВКП(б) констатировал срыв мероприятий по хозяйственному устройству, обеспечению жильём и должным медицинским обслуживанием, снабжению продуктами «вселяемых в округ переселенцев» и постановил усилить работу в данном направлении. Принятые к исполнению меры включали в себя, во-первых, строительство домов «простейшего типа», чтобы к 25 ноября, т.е. наступлению зимы, полностью обеспечить жильём прибывших переселенцев. Во-вторых, максимально приблизить торговые сети к местам расселения «вновь прибывшего контингента» и увеличить завоз в округ продовольствия и промышленных товаров. В-третьих, обеспечить завоз необходимого количества медикаментов в районы округа¹. Как показывает собранный полевой материал, решение всех вышеизложенных проблем по существу было переложено на плечи самих депортированных.

Цель вторичной депортации в качестве основного занятия депортированного населения предполагала рыболовство и рыбообработку, однако они плохо согласовывались с хозяйственными навыками российских немцев, занимающихся земледелием, животноводством и ремёслами. Одна из немецких женщин заявила, что *«раньше рыбу в глаза не видела, не то чтобы ловить её»*. Ей ответили, что *«со временем научится»*. Рассогласованность хозяйственных занятий в местах исхода и депортации проявилась и в ментальной сфере – в формировании психологической установки на неприятие насаждаемых видов деятельности: *«Какие немцы рыбаки – в степи родились»*. В итоге в рыбной отрасли Парабели, судя по опросам, трудилось не так уж много депортированных. Вместе с тем работа на рыбозаводе давала, хотя и небольшой, но заработок, позволявший поддерживать семью. По этой причине немецкие девушки устраивались туда даже раньше положенного возраста, так как предприятие шло навстречу. По возможности рыбозавод предоставлял и жильё. Остались в рыбообрабатывающей промышленности единицы из пе-

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 582. – Л. 170–172.

реселенцев, научившись прекрасно разбираться во всех тонкостях сортировки и обработки рыбы.

Наиболее массовым занятием, прежде всего для немецких женщин, в годы Великой Отечественной войны стали лесозаготовки, на которых валили деревья с помощью ручной пилы, обрабатывали стволы, тянули брёвна в прямом смысле, «как лошади». Зимой работали по пояс в снегу, в межсезонье – мокрые насквозь. На заготовку леса отправляли и беременных женщин. Если роженицу не успевали доставить в больницу, то роды принимали на месте пожилые женщины. Дисциплина поддерживалась строго, и за опоздание на 5 минут могло последовать наказание, вплоть до порки вожжами. Сезонные работы немцев на лесозаготовках продолжались и 1950-е годы, но проходили уже в других условиях. На станах открывали клубы, в которых *«показывали кино и устраивали танцы. Девушки танцевали вальс и краковяк, а парни главным образом наблюдали, выслушивая избранниц... Молодые люди приходили в женский барак, за это начальник лесопункта... называл их “куриными петухами”. Тех парней, которые оказывались в бараках девушек после 12 часов ночи, гонял сторож-фронтовик и разбирал товарищеский суд, он мог назначить штраф в размере 50 руб.»*. Лесозаготовительные участки становились центрами знакомств, встреч и создания новых семейных пар.

В целом, немецкое население Парабели трудилось в разных сферах – разнорабочими, конюхами, кузнецами, трактористами, скотниками, доярками в колхозах, на шпалозаводе и кирпичном заводе, в сфере бытового и медицинского обслуживания, воспитания и образования. На протяжении трудовой жизни приходилось не раз менять и место, и род деятельности. Немецкие переселенцы брались за разную работу, но если брались, то выполняли её качественно, на совесть. В каждой немецкой семье хранятся благодарственные письма, грамоты, медали за добросовестный труд. Примечательно, что во время беседы хозяева о них сами никогда не вспоминают, считая награды производными от главного – ответственного отношения к делу.

Самой насущной заботой в первые годы жизни в Парабельском крае оставалось пропитание, тем более что переселенцам на новом, необходимом месте приходилось рассчитывать лишь на свои силы. На лесозаготовках полагался ежедневный хлебный паёк: 200–300 граммов хлеба на работающего и по 100 граммов на детей. Чтобы под-

держат ребятшек, матери отдавали им свою долю, а сами питались чем придётся. В колхозе на трудодни выдавали немного зерна, гороха, картошки, муки. На рыбзаводе выплачивали зарплату, но с учётом всех выплат оставалось 5–6 рублей, а ведро картошки стоило 300–350 рублей.

Для того чтобы не умереть с голоду и сохранить прежде всего детей, все привезённые из Поволжья скарб, одежда и утварь ушли в обмен на продукты питания. Расставались с самыми необходимыми для домашних занятий предметами, например швейными машинками. Измождённые на работе, истощённые от постоянного недоедания матери в свободное от работы время нанимались к местным жителям обрабатывать огороды, копать картошку, доить коров и в качестве платы за труд получали продукты. Дети становились няньками, ходили по дворам и просили подаяние. *«Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента... нередко прогоняли и называли «фашисткой», но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем... чаще и ходила».* Весной перекапывали поля с картошкой, пытаясь найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепёшки. Ещё одним способом избежать голодной смерти стал активный сбор летом дикоросов, прежде всего лебеды и крапивы, и употребление их в пищу. Порой незнание особенностей местной флоры оборачивалось трагическими последствиями: гонимые голодом, мать с дочерью *«пошли в лес, собирали грибов, отварили их, съели и – умерли».*

Питание перестало быть первейшей жизненной заботой лишь после окончания войны. Возвращались из трудармии мужчины, семьи начали обзаводиться личным хозяйством. И хотя уплачивали за него значительные налоги, всё же на столе появилась нормальная пища – картошка, запечённая в русской печи с небольшим количеством молока, и хлеб. В Парабели картошка стала абсолютной доминантой на огороде и в пищевом рационе, принципиально изменив его по сравнению с традиционным поволжским. Эту перемену отметили сами носители немецкой культуры: в Поволжье *«разводили фруктовые сады, а вот картошку почти не сажали. Только раз в неделю готовили блюда из картошки, а в основном варили из фруктов супы, вареники с вишней и многое другое».*

Обменяв привезённую одежду на продукты питания и не имея возможности купить новую, немецкие женщины и дети ходили в чём придётся. Радостью становились платья, сшитые из старых списан-

ных простыней, «шахтёрские ботинки» с пришитыми к ним матерью голенищами из мешка: *«Ходить в них было очень хорошо, тепло, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась»*. Из-за отсутствия зимней обуви нередко были случаи обморожения ног. Традиционная немецкая одежда осталась лишь в воспоминаниях: *«Бабушка всегда ходила дома в платье и фартуке и повсюду возила с собой узелок “на последний час” с новым ситцевым платьем»*. Запомнились и юбки, подбитые для объема ватой.

Для размещения переселенцев должны были быть построены, согласно партийным директивам, «простейшие дома», о которых никто из наших собеседников не вспомнил, очевидно, по той причине, что в Парабели и её окрестностях их просто не существовало. Основным видом первичного жилья стала «землянка» – символ адаптации к суровому Нарымскому краю. Опросы показали, что речь следует вести о полуземлянке, исходя из конструктивных особенностей строения. Оно представляло собой *«вырытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым атрибутам мебели относились скамейки, сделанные своими руками»*. Зимой окна затягивали «бычьим пузырьём». Сооружались полуземлянки преимущественно женскими и детскими руками, как правило, на несколько семей.

Первым пристанищем переселенцев также становились бараки с общей железной печкой и тонкими перегородками, часто в виде занавесок, между семейными помещениями. В бараках заводили знакомства, иногда заканчивавшиеся женитьбой, т.е. переходом за другую перегородку. Размещали по прибытии в клубах, коровниках, которые вычищали сами переселенцы и устанавливали в них «жестянки» – железные печки. Подселяли и в русские семьи. Как правило, о них немцы вспоминают с чувством благодарности: первоначальное недоверие и даже враждебность, ведь шёл второй год войны и с фронта приходили похоронки, сменялись со временем осознани-

ем общей беды и общего врага. Переселение в 24-квартирные бараки с коридорной системой и отдельными комнатами для семей казалось чудом. Это было уже «цивилизированное жильё».

Некоторым семьям через год-два давали дом, но чаще им обзаводились, когда из трудармии возвращались главы семей. С помощью родственников сооружали срубное однокамерное жилище, состоявшее из комнаты и кухни. *«Мебели было немного: скамейка, стол, своеобразная вешалка из прибитой к стене палки с гвоздями для одежды, прикрытой занавеской. Позже в квартире появилась деревянная кровать с настилом из досок. Кровать украшали наволочки и свесы с кружевной отделкой, выглядывавшие из-под покрывала. Постельные принадлежности накрахмаливали»*. На окна вешали занавески из накрахмаленной марли. В 1950-е гг. переселялись в более просторные дома, которые состояли уже из двух комнат, построенные своими руками. В 1970-е гг. активизировалось жилищное строительство на селе, в массовом порядке начали возводить двухквартирные дома с приусадебными постройками, в которые и переселились все немецкие семьи в Парабели.

В настоящее время в селе сохранился лишь один дом, построенный Иваном Христиановичем Шмидтом в 1954 г. Он срублен из «кедра или ёлки», с ним соединены срубные сени с крыльцом под односкатной крышей. Четырёхскатная крыша крыта шифером. Внутренняя планировка состоит из двух спален, зала, кухни и коридора. Параллельно дому, в ряд, расположены две стайки, в которых раньше держали коров с телятами. На приусадебном участке стоят старая и новая срубные бани, а также дощатый «кильдым» – сарай.

Немаловажную роль в процессе адаптации к новым условиям, идёт ли речь об отдельном человеке или группе народа, играет психологический фактор. Налаживанию отношений переселенцев с местным населением препятствовало незнание или плохое знание русского языка. Дети оказались намного пластичнее в языковом отношении и постепенно переходили на русский язык, общаясь на нём со своими местными сверстниками. Хоть и бились с ними смертным боем за обидное прозвище «фашист», но всё же играли вместе. Ускоряло процесс окончательного перехода на русский язык резкое сокращение сферы общения с родителями: *«Когда родители уходили на работу, дети ещё спали, а когда возвращались – они уже спали, поэтому общение со взрослыми было минимальным»*. В результате немецкий язык для молодых поколений депортированных

немцев превращался в культурный реликт, и сегодня уровень владения им ограничивается, как правило, знанием отдельных слов и выражений, хотя встречаются и носители диалектного варианта немецкого языка.

Несмотря на активное размывание немецкой культуры, исчезновение многих традиций на бытовом уровне, в немецких семьях сохранялись нравственные устои предыдущих поколений. Это касается прежде всего глубокой религиозности. Переселенцы принадлежали к лютеранскому или католическому вероисповеданию. С собой женщины привезли молитвенные книги на немецком языке, нередко напечатанные готическим шрифтом. И в Парабели обязательной стала молитва как минимум перед едой и после неё. Молитвы заучивали на родном языке и дети. Невозможность окрестить детей в веру родителей стала для них тяжёлым моральным бременем. Компромисс между верой и конфессиональными традициями был решён в пользу первой: крестить стали по православному обряду. Сомнения дочери по этому поводу мать разрешила так: *«Какая разница, какая вера, ведь Бог-то один, не задумывайся и крестись»*.

Незыблемыми и в Парабельском крае оказались каноны семейного общения, и прежде всего уважение к старшим. К родителям обращались на «Вы», и в присутствии взрослых дети старались не проявлять себя. *«Когда старшие сидели с гостями за столом, нельзя было крутиться вокруг, иначе потом “уши будут, как фари”»*. В тяжелейших условиях пробивалось стремление детей к учёбе даже ценой здоровья. *«Екатерина очень хотела учиться. Она бегала в школу в ботинках на босу ногу даже в 40-градусный мороз. Мать просила не пускать её в школу, чтобы дочь не отморозила ноги»*. Прививалась в семье и чистоплотность. Постели и печи уделялось особое внимание: они всегда должны были быть чистыми. По субботам непременно убирали не только в доме, но и мели улицу напротив него. Родители становились для детей примером рачительности, реализуя в домашнем хозяйстве принцип безотходной технологии, когда «всё пускалось в дело».

Самым стойким этническим маркером традиционной немецкой культуры оказалась пища. Как только появилась возможность, она вновь стала востребованной. У каждой семьи обнаруживаются свои гастрономические предпочтения, но существуют и общенациональные блюда немецкой кухни.

К ним относятся прежде всего мучные блюда. Среди них на первом месте стоит пирог с посыпкой – «ривелькухе». Сейчас его пекут с вареньем и джемом. Часто готовили и «кребли» – перевитые полоски из теста, обжаренные в масле. И сегодня популярен «нудель-суп» – куриный суп с лапшой домашнего приготовления. Зафиксированы различные варианты приготовления «штруделя»: кусочки рулета тушатся вместе с сухофруктами или с картошкой и морковью. Подают блюдо со сметаной. Особое пристрастие российских немцев к рулетам отметили сами хозяйки: *мама «утром часто потолчёт картошку, добавит яйцо, муку, выкатает всё, свернёт в рулет, нарежет и обжарит на масле. Получался такой вкусный завтрак»*. Подавали на стол и треугольные вареники с творогом. К ежедневным блюдам относились «галушки с картошкой»: *«Крошили картошку в кастрюлю с водой, солили. Замешивали на воде с содой густое тесто, затем отделяли от него кусочки-галушки ложкой и опускали в воду с кипящей картошкой. Когда всё сварится, воду сливали и выкладывали на сковороду с предварительно поджаренным на масле луком. Это блюдо стало любимым для всей многонациональной колхозной бригады»* на лесозаготовительном стане.

Помимо мучных блюд, российские немцы Парабели отдавали предпочтение и капусте. На зиму её квасили в бочках. На служила начинкой для пирогов. Из неё готовили популярное блюдо, которое называли по-разному – «краутен» и «крикельте». Это тушённая с мясом капуста, поверх которой при приготовлении кладут кусочки рулета.

К мясным блюдам немецкой кухни отнесены колбасы домашнего приготовления. Их начинали ливером или мясным фаршем с помощью особого приспособления – трубки, прикрепляемой к мясорубке. Колбасы отваривали, коптили, томили в русской печке. Сохранился рецепт приготовления сала по-немецки: его *«неделю выдерживали в рассоле. На железные листы клали палочки, на них – сало и ставили томиться в русскую печь»*. Своеобразно блюдо из брюшины. Готовили его так: *«Кусочки мяса солили, перчили, раскладывали на листе теста и, обернув им, ставили томиться в русскую печь. Когда блюдо было готово, тесто отдавали скотине, а мясо в холодном виде на блюде подавали на стол»*.

Обрядовая сфера немецкой культуры оказалась серьёзно выхолощенной в условиях военного времени и послевоенной атеистической государственной политики. Всё же она сохранилась, сфокуси-

ровавшись вокруг двух праздников – Рождества и Пасхи. Главным праздником и по сей день считается Рождество – «святой праздник». Подготовку к нему начинали заранее, с 23–24 декабря: убирали в доме, ставили ёлку даже во время войны. Вечером 24 декабря, в канун праздника, к детям являлись два традиционных персонажа – Крискинди и Пельцникель. Хотя их имена расплылись в памяти наших собеседников: первая ассоциируется с небесным ангелом, а второй – с Йогель-Могелем или Санта-Клаусом, функции персонажей проступают вполне отчётливо. Крискинди в белом одеянии и белой фате, скрывающей лицо, дарит подарки послушным детям, а Йогель-Могель в вывернутой шубе и козлиной маске, с рогами, наказывает непослушных.

Рождество и Новый год сливались в один праздничный цикл, во время которого было принято славить, или колядовать. Мальчики и девочки (детям постарше стыдно было заниматься этим) ходили группой или поодиночке по домам и по-немецки декламировали специальные стихи-благопожелания. В качестве ответного подарка они получали выпечку, которую складывали в специальную сумку. Хозяйки накануне пекли фигурное печенье в виде куколок и выкладывали его на белое полотенце, постеленное на кровати. На рождественский и новогодний столы старались поставить «ривелькухе» и блюдо из тушёной капусты.

Пасха особенно памятна детям: им клали подарки в рукавицы, повешенные возле печки, или шапки, оставленные под кроватью. В качестве слабого намёка на пасхального кролика, приносящего подарки, в воспоминаниях фигурируют овечьи «ядрышки», разбросанные на полу возле рукавиц и шапок как материальные следы его присутствия. В послевоенное время возобновилась традиция красить яйца и печь пасху.

Из семейной обрядности только свадебная обнаруживает черты этнической специфики. В военное и послевоенное время свадьбы либо не праздновали совсем, либо они сводились в сверхскромному застолью. Примерно с конца 1950-х гг. их начинают устраивать с немецкими нюансами. К ним можно отнести прежде всего детали наряда жениха и невесты. Для невесты желателен пышный веночек из бумажных цветов, обработанных воском. Секрет его изготовления был известен некоторым женщинам. Венки, сделанные ими, превращались в семейные реликвии: «*Выходить замуж в этом венке стало семейной традицией*». Дополнением к венку служила длинная

фата. Костюм жениха украшала длинная лента, завязанная бантом. Свадебное застолье предполагало немецкие блюда. Браки старались заключать с представителями своего народа, но нередко наблюдались и отступления от этого правила.

Решив на парабельской земле главную задачу – выжить, сбереечь детей, – немецкие переселенцы сохранили, пусть и в значительно усечённом варианте, свою этническую культуру. Адаптация к новым условиям проходила мучительно, и у первых поколений так и не завершилась полностью. Им не удалось примириться с Нарымским краем психологически. Образно это неразорванное состояние с прошлым рисует пронзительная картина, воссозданная одним из наших собеседников. *«Когда пароход, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврьд, ежегодно ощущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьём».* Последующие поколения российских немцев, родившиеся уже на парабельской земле, именно её считают наилучшей: *«Такая красота вокруг – лес, река, и всё есть: ягоды, грибы, рыба, звери. Идёшь по посёлку – тебя все знают, говорят: «Здравствуйте!», улыбаются. И жить радостно».* Новые поколения российских немцев вписали в историю Парабельского района немало славных страниц, но это тема уже другой статьи.

Felix Schmid

DEPORTATIONEN UND SONDERSIEDLUNGEN IN PARABEL UND NARYM

Die Geschichte der Deutschen im Parabelsker Rayon ist eng verbunden mit einer längeren Geschichte der Verbannungen in dieses Gebiet. Beinahe seit dem Beginn der Besiedlung von Narym wurden die abgelegene Lage zur Verbannung politischer Feinde genutzt, unter anderem waren Dekabristen, Teilnehmer der polnischen Aufstände sowie einige Sozialisten und Revolutionäre, wie beispielsweise Josef Stalin und Jakov Sverdlov.

Bereits unter den Zaren wurden Versuche unternommen, das unwirtliche Gebiet wirtschaftlich zu erschließen, besonders in Verbindung mit den Stolypinschen Reformen. Die Kombination beider politischer Interessen – Politische Bestrafung und ökonomische Entwicklung – führte jedoch erst unter der Sowjetmacht zur Ausbildung eines umfassenden administrativen Systems. Im Rahmen der Gulags wurden ab den großen Kampagnen der Entkulakisierung Millionen von Menschen in entlegene Gebiete der Sowjetunion verschickt, um dort unter Aufsicht von so genannten «Sonderkommandanturen», also unter Aufsicht des NKWD, zu leben. In Westsibirien wurde zu diesem Zweck eigens der so genannte «Narymer Kreis» geschaffen, ein Gebiet im Norden des heutigen Tomsker Oblastes, in das ein großer Teil der Sondersiedler transportiert werden sollten.

Bereits 1930 kamen die ersten Transporte von ehemaligen Kulaken in der Umgebung von Narym an. In der chaotischen Phase der Entkulakisierung waren jedoch weder die Administration noch die Infrastruktur vorbereitet auf eine solche Menge von Zuwanderern. Menschen wurden einfach wild an verschiedenen Punkten ausgesetzt, wo sie sich selbst überlassen wurden. Aufgrund von mangelhaften Kartenmaterial waren dies teilweise Orte, die für eine Besiedlung vollständig ungeeignet waren. Dementsprechend hart war das Schicksal der Sondersiedler zu der damaligen Zeit: Es kam zu massiven Fluchtwellen, obwohl das Gelände

größtenteils nur sehr schwer zugänglich war, Flüchtlinge wurden von NKVD-Surchtrupps auf der Stelle erschossen und nicht wenige starben auf dem Weg an Entkräftung. Wer blieb, musste sich mit unerträglichen Bedingungen vor Ort abgeben, viele wohnten jahrelang in mit Planen überdachten Erdlöchern (so genannte «Semljankas»).

Wer die brutalen Winter Sibiriens unter diesen Umständen überlebte, musste mit primitivsten Mitteln Aufbauarbeit leisten: Die Sondersiedler errichteten Häuser und Ställe, legten Straßen und Eisenbahntrassen an, fällten Bäume, fingen Fisch und gingen auf die Jagd. Dennoch war das gesamte Projekt aus ökonomischer Sicht weitestgehend unrentabel: Die Kolchosen hatten in schlechten Jahren nicht einmal genug Lebensmittel, um sich selbst zu versorgen, die strenge Einhaltung des Sonderregimes stand sinnvoller ökonomischer Tätigkeit oft im Wege, weiterhin kam es zu Unterschlagung von Lebensmitteln und Geld durch die örtlichen Behörden, NKWD-Mitarbeiter machten Jagd auf flüchtige Sondersiedler, benutzten diese als persönliche Diener und behandelten diese mit einer beinahe grenzenlosen Grausamkeit.

Dennoch gelang es den Sondersiedlern, bis zum Ende der 30er Jahre zumindest eine gewisse Infrastruktur aufzubauen. Bis zu diesem Zeitpunkt hatten sich die repressiven Aktionen meistens gegen soziale Kollektive gerichtet. Je bedrohlicher jedoch die außenpolitische Situation wurde, desto stärker wurden vermeintliche «Kollaborateure» aus den westlichen – und auch aus den östlichen Grenzgebieten vertrieben. Im Westen betraf dies insbesondere Polen und Deutsche, im Osten Harbin-Chinesen und Koreaner.

Eine neue Welle von Deportationen begann mit der Besetzung des Baltikums und Bessarabiens 1940. Esten, Letten, Litauern, Moldawiern, Ukrainern und Weißrussen kamen auf diese Weise in den Narymer Kreis. Ihre rechtliche Lage als «Verbannte» unterschied sich eigentlich von der der Sondersiedler, im Prinzip waren ihre Lebensumstände aber ebenso schrecklich.

Während im Juni 1941 diese Transporte aus dem Baltikum, Moldawien, der Westukraine und Weißrussland in Richtung Sibirien rollten, begann der Angriff der deutschen Wehrmacht auf die Sowjetunion. Dieser Angriff war für den stalinistischen Repressionsapparat Anlass, eine jahrhundertalte Geschichte endgültig zu beenden: Die Geschichte der Deutschen im europäischen Teil Russlands, vor allem an der Wolga.

Die ethnische Gruppe, die wir heute Russlanddeutsche nennen, existierte bis 1941 in dieser Form überhaupt nicht. Erste Kontakte zwischen

Russen und Deutschen gibt es bereits seit dem Beginn der Kiewer Rus, eine dauerhafte Ansiedlung von Deutschen auf dem Gebiet des Russischen Reiches erst circa seit der Zeit Ivans IV., insbesondere in den großen Städten Russlands, wo sie als Spezialisten arbeiteten. 1763 erließ Katharina II. ein Manifest, das deutsche Siedler für die Aufbauarbeit in den neu eroberten Gebieten an der Wolga und in der Ukraine anwerben sollte.

Die deutschen Siedler errichteten eigene Dörfer, brachten ihren lutheranischen und katholischen Glauben mit und praktizierten ihre eigene Kultur, zu der unter anderem traditionelle Kleidung, die Pflege der deutschen Sprache, spezielle Festtage und Speisen gehörten. Andererseits lebten auch Deutsche in den Städten des Imperiums und im Baltikum, die sehr stark an die Kultur der imperialen Verwaltung angepasst waren, in der viele von ihnen hohe Posten eigenommen hatten.

Nach der bolschewistischen Revolution wurde 1918 die Republik der Wolgadeutschen gegründet, in der die Deutschen eine gewisse kulturelle Autonomie besaßen, beispielsweise gab es deutsche Zeitungen und der Schulunterricht wurde auf Deutsch abgehalten. All dies verschwand mit dem Abtransport nach Sibirien. Die Deportation stellt in der Selbstwahrnehmung der Deutschen einen wichtigen Einschnitt dar: Auch wenn sich die wenigsten heutigen Überlebenden an das Leben an der Wolga erinnern können, ist ein großer Teil von ihnen der Meinung, sie hätten damals ein gutes Leben geführt. Tatsächlich war das Wolgagebiet bereits vor 1941 von mehreren Hungersnöten getroffen worden, die Entkulakisierungskampagnen hatten auch dort ihre Opfer gefordert und die kulturelle Eigenständigkeit der Deutschen war bereits erheblich eingeschränkt worden. Man muss jedoch verstehen, dass diese Entbehrungen im Vergleich zu dem, was die Deutschen in Sibirien erwartete, als weniger bedeutend wahrgenommen wurden. Außerdem ist es möglich, dass die Deportation den Deutschen als Gruppe die Möglichkeit einer Identifizierung gab – waren sie bis 1941 noch voneinander getrennte Gruppen, die kulturell relativ wenig verband, entstand die Identität als «Russlanddeutscher» erst durch das gemeinsame Schicksal der Deportation und Sondersiedlung.

Manche Deutsche traf die Deportation vollkommen unvorbereitet, daher hatten sie nur wenig Zeit, ihre Sachen zu packen, in manchen Fällen lediglich eine halbe Stunde. Andere hingegen hatten deutlich länger Zeit, einige ordneten ihren Haushalt, bevor sie abfuhr, da sie glaubten, bald wieder zurückzukehren. Auch konnten sie deutlich mehr Gepäck mitnehmen, die Mutter von Lidia Friedrichvna Glik

beispielsweise hatte ihre Singer-Nähmaschine mit nach Sibirien nehmen können. Der Transport fand in Güter- oder Viehwägen statt, die Versorgungslage während des Transportes war beinahe durchweg katastrophal, nicht wenige starben bereits auf der Reise, in extremen Fällen mussten schwangere Frauen auf der Fahrt gebären, wobei die Neugeborenen nicht selten beinahe umgehend starben.

Ein großer Teil der Deutschen wurde zunächst in die Gegend von Novosibirsk verbracht und von dort aus weiterverteilt. Andere wurden nach Kasachstan oder nach Krasnojarsk verschickt. Der Großteil der Deutschen, die heute im Parabelsker Rayon leben, kam 1942 in dieses Gebiet. Ziel dieser Umsiedlung war der Ausbau des Fischfangs und der Fischverarbeitung, dies sollte zur Unterstützung der Front dienen. Auffällig ist, dass viele von ihnen ursprünglich aus der gleichen Gegend an der Wolga kamen, beispielsweise aus dem Krasnojarsker Rayon der Saratower Oblast'. In vielen Fällen wurden die arbeitsfähigen Männer 1942 in die Trudarmija eingezogen und stießen erst später wieder zu ihren Familien, falls sie die Strapazen überlebt hatten.

Insgesamt war die Idee, die Deutschen für die Entwicklung der Fischverarbeitung im Narymer Kreis einzusetzen, nicht sonderlich gut durchdacht. Sowohl die klimatischen als auch die kulturellen Bedingungen in Sibirien waren durchgängig anders als die an der Wolga, für das Überleben in diesem Sumpfbereich und die Arbeit im Fischfang waren die Deutschen, die zuvor in Steppengebieten oder teilweise sogar in Städten gelebt hatten, denkbar schlecht vorbereitet. Dementsprechend versuchten die lokalen Behörden, besser geeignete Arbeiten für die Deutschen zu finden.

Nach ihrer Ankunft wurden die deutschen Familien auf verschiedene Siedlungen aufgeteilt, wo sie entweder bei örtlichen Familien einquartiert wurden oder sich Semljankas gruben. In vielen Fällen wurden sie einfach am Ufer ausgesetzt und sich zunächst selbst überlassen.

Die Beziehung zur örtlichen Bevölkerung gestaltete sich unterschiedlich: Viele berichten, dass sie als «Faschisten» beschimpft wurden, andere erinnern sich nicht an solche Beleidigungen. Trotz dieser Schwierigkeiten versuchten Teile der örtlichen Bevölkerung, den Deutschen zu helfen. Dennoch war die Versorgungslage, insbesondere während der Kriegsjahre, äußerst schwierig, viele mussten sich teilweise von Kräutern und Gras ernähren, viele tauschten die wenigen Habseligkeiten, die sie mitbringen durften, gegen Lebensmittel.

Bis die Deutschen 1955 aus der Sondersiedlung befreit wurden, mussten sie sich einmal im Monat bei der Kommandantur melden. Das Regime war äußerst streng, vor allem, wenn die hungernden Menschen versuchten, an Lebensmittel zu kommen. In solchen Fällen drohte eine Lagerstrafe oder das Gefängnis, in einigen Fällen hetzten die NKWD-Mitarbeiter Hunde auf die hungernden Familien. Weiterhin wurden die Kommandanten dazu angehalten, die Sondersiedler wie Menschen zweiter Klasse zu behandeln, nach dem Großen Vaterländischen Krieg wurden die Auflagen soagr verschärft, so dass die Sondersiedler den Bereich ihrer Kommandantur nicht verlassen durften. Solche und andere Auflagen machten nicht nur das Leben der Sondersiedler zur Hölle, sie standen auch der ökonomischen Tätigkeit im Wege. Auf diese Weise ob siegte der paranoide Wunsch, Aufstände, Verschwörungen und Sabotageakte zu verhindern sowohl über die Menschlichkeit als auch über die ökonomische Vernunft.

Ein Großteil der Deutschen arbeitete in den Kolchosen, wo sie äußerst schwierige Arbeit verrichten mussten, selbst Frauen und junge Mädchen mussten beispielsweise im Winter Holz fällen. Andere arbeiteten als Fischer, Bauarbeiter und anderen Berufen in der Kolchose. Viele Deutsche arbeiteten auch in Fischfabriken, in den ersten Jahren erhielten sie selbst jedoch keinen Anteil von der Produktion, viele litten daher unter Hunger.

Obwohl Kinder grundsätzlich in die Schule gehen sollten, war dies teilweise mit Schwierigkeiten verbunden. Galina Friedrichovna beispielsweise konnte im Winter nicht in die Schule gehen, da sie keine Schuhe hatte. Dies war scheinbar kein Einzelfall. Wie viele deutsche Kinder ging sie daher bereits sehr früh in der Kolchose arbeiten, um ihre Familie unterstützen zu können, sie hütete eine Herde Kühe, melkte und versorgte sie.

Neben den Deutschen wurden während des Krieges auch Angehörige anderer Nationalitäten in die Sondersiedlung verschickt, mit denen die Deutschen ihr Schicksal teilten. Die Beziehungen zu diesen Menschen werden größtenteils als freundlich geschildert, allerdings gab es auch Fälle von Konflikten: Evgenija Gotlibovna Deeva (geborene Miller) erzählte, dass die Letten, die in einer Semljanka neben ihrer Wohnung lebten, von ihnen Nahrungsmittel gestohlen hätten.

Die meisten deutschen Familien waren bis zu ihrem Abtransport entweder katholisch oder lutheranisch gewesen. Den Glauben in Sibirien zu praktizieren, stellte sich als schwierig heraus, da es einerseits keine

Kirchen gab, andererseits weder der katholische noch der lutheranische Glaube offiziell erlaubt waren. Daher blieb die Religionsausübung, falls sie überhaupt stattfand, auf einen privaten Kreis beschränkt und der Glaube wurde oft nicht bewusst an die Kinder weitergegeben. Bei vielen lutheranischen Familien wurden jedoch bis heute die Gebetsbücher aufgehoben, in denen die Eltern zur Zeit der Sondersiedlung noch gelesen hatten, auch regelmäßige Gebete vor dem Schlaf oder jeden Sonntag hatte es gegeben. Insgesamt hing die Handhabung der Religion von der einzelnen Familie ab, unter Umständen hatten einige ihren Glauben bereits in der alten Heimat nicht mehr praktiziert. Andererseits trauten sich viele Eltern wahrscheinlich nicht, ihre Kinder unter den Umständen der Sondersiedlung im Glauben zu erziehen, da eine Bestrafung durch die Kommandantur jederzeit möglich war.

Andere mit der Religion verbundene Rituale und Bräuche blieben jedoch erhalten, wie beispielsweise das Feiern von Weihnachten bereits am 24. Dezember, wobei das für die Deutschen typische «Christkind», eine einem Engel ähnliche Figur in einem weißen Kleid und blonden Locken auftrat, das braven Kindern Geschenke brachte. Andererseits gab es auch eine Figur, die böse und unartige Kinder bestrafen sollte. Beides sind typische Elemente der deutschen Kultur, die auch in Deutschland bis heute praktiziert werden.

In Verbindung mit diesen Ritualen blieben auch einige Elemente der deutschen Sprache erhalten. Im allgemeinen beherrschen heute nur noch wenige der in Parabel lebenden Deutschen die deutsche Sprache, selbst wenn sie noch mit den Eltern Deutsch geredet hatten, ging dieses Wissen über die Zeit verloren. Es stellt sich hier die Frage, ob dieser Effekt der Deportation beabsichtigt worden war. Sicherlich spielten einige Merkmale der Ansiedlung eine begünstigende Rolle: Die kompakte Siedlungsstruktur von Deutschen, die es sowohl an der Wolga als auch im Nordkaukasus und der Ukraine gegeben hatte, wurde aufgelöst, die Deutschen wurden daraufhin auf verschiedene Siedlungen aufgeteilt, so dass sichergestellt wurde, dass es in keiner Siedlung eine deutsche Mehrheit gab. Dies ist sicherlich auf das Misstrauen gegenüber den Deutschen zurückzuführen, da die Staatsmacht der Ansicht war, dass die Deutschen als Gruppe der Sowjetmacht gegenüber feindlich eingestellt war. In kleineren Gruppen waren sie, so die Logik, leichter zu kontrollieren. Mögliche staatsfeindliche Bewegungen unter ihnen sollten so früh erkannt und verhindert werden. Hier ist anzumerken, dass die Praxis der großflächigen Verteilung von Personen einer nationalen oder sozialen

Gruppe das übliche Vorgehen darstellte. Auch die deportierten Balten, Moldawier und Ukrainer sowie später die Kalmyken wurden auf diese Weise verteilt. Aus Berichten über die Stimmung unter den Sondersiedlern wurde es als verdächtig interpretiert, wenn Deutsche sich untereinander auf Deutsch unterhielten, da sie hierdurch unbemerkt staatsfeindliche Propaganda hätten schüren können. Somit war die Benutzung der deutschen Sprache in der Öffentlichkeit wohl tabuisiert, die eigene Identität als Deutscher wurde wahrscheinlich so gut wie möglich verborgen.

Die meisten Kinder der Sondersiedler lernten relativ schnell Russisch, da sie auf der Straße mit Spielkameraden oder in der Schule nur Russisch sprechen durften beziehungsweise konnten. Bereits in dieser Generation kam es zu gemischten Ehen, innerhalb derer dann nur noch Russisch gesprochen wurde. Doch selbst wenn in den 50er Jahren Deutsche untereinander heirateten, unterhielten sie sich innerhalb der Familie bald ausschließlich auf Russisch. Unter Umständen hat dies auch mit dem Verlust der traditionellen Kultur zu tun: Verschwanden die althergebrachten deutschen Riten und Gegenstände aus dem Alltag der Menschen, so verschwanden ihre Bezeichnungen mit ihnen. Diese neue Lebensrealität in Sibirien präsentierte sich den Menschen ausschließlich auf Russisch, sämtliche Begriffe und Bezeichnungen, mit denen sie jeden Tag auf der Arbeit und im Alltag umgeben waren, waren russische Begriffe und Bezeichnungen. Daher war es wohl schlichtweg einfacher, auf Russisch über diese Dinge zu reden und nur diejenigen Dinge auf Deutsch zu bezeichnen, die ausschließlich der deutschen Kultur angehörten, wie beispielsweise bestimmte Speisen, Gebete, Tänze und ähnliches.

Die meisten heutigen Überlebenden berichten, dass ihre Eltern zu Hause noch Deutsch gesprochen hätten. Daher verstehen meisten die Älteren bis heute noch ein wenig Deutsch, sind aber nicht in der Lage, zu sprechen, da es ihnen vollständig an Praxis fehlt. Dies liegt auch daran, dass sich die Deutschen als kompakte Gruppe inzwischen komplett aufgelöst haben, spätestens seit den 60er Jahren sind deutsch-russische Ehen mehr der Regelfall als die Ausnahme. Gleichzeitig wurde nach dem Ende der Sondersiedlungen zumindest die offizielle Diskriminierung von Deutschen zu einem gewissen Teil eingestellt, so dass Deutsche beispielsweise Posten in der Partei oder in der Verwaltung erlangen konnten. Dieses Integrationsangebot wurde wahrscheinlich auch deswegen angenommen, da es wohl kaum eine andere Wahl gab – bis auf die Auswanderung, die aber erst ab den 80er Jahren verstärkt möglich war.

Unter Umständen kann man auch so das Verschwinden der deutschen Sprache und Kultur zum jetzigen Zeitpunkt erklären: Diejenigen, die ihren Platz in der sowjetischen Gesellschaft nicht gefunden hatten oder sich eine bedeutende Verbesserung ihrer Situation in Deutschland erhofften, wanderten aus. Diejenigen hingegen, die sich den gesellschaftlichen Bedingungen in Sibirien angepasst hatten, die sich ein neues, eigenes Leben aufgebaut hatten, entschieden sich wahrscheinlich eher dafür, zu bleiben.

Die Leistung der Deutschen beim Aufbau im Parabelsker Rayon ist nicht zu bestreiten. Tatsächlich leisteten die Ressourcen aus Sibirien einen Beitrag dazu, dass der Krieg gegen das faschistische Deutschland, für das die Russlanddeutschen angeblich spioniert hatten, gewonnen werden konnte. Dies kostete allerdings einen gewaltigen Preis: Von den Fischkonserven, die die Deutschen aus Parabel und Narym an die Front schickten, bekamen sie selbst keinen Bissen ab, Lebensmittel wurden also aus einer Region abgezogen, in der ein großer Teil der Bevölkerung – nicht nur die Deutschen, sondern auch andere Sondersiedler sowie die einheimische Bevölkerung – an extremen Entbehrungen und Hunger litten. An die Front wurden warme Kleidung und Geldspenden geschickt, während Kinder ohne Schuhe in Semljankas hausen mussten, da ihre Eltern das letzte Hemd gegen ein paar Kartoffeln eintauschen mussten.

Insofern ist es verständlich, wenn einige der Überlebenden heute der Meinung sind, die Deportation und das Sonderregime seien nur Mittel gewesen, um die Deutschen zu vernichten. Die katastrophale Situation ergab sich aber aus Faktoren, die typisch für die brutale Kommandowirtschaft des Stalinismus waren: Die zentrale Planung der Ansiedlung ignorierte vollständig die lokalen Realitäten. Für den Aufbau einer Infrastruktur und die Versorgung der Deportierten wurde so wenig Geld wie möglich aufgewendet, das teilweise von den Sicherheitsorganen zweckentfremdet wurde. Es gab vor Ort weder genügend passende Unterkünfte für die Deutschen, noch wurden sie in ihrer Selbstversorgung irgendwie unterstützt. All dies bedeutete letzten Endes, dass das Überleben sowohl während des Krieges als auch in den ersten Nachkriegsjahren nicht mehr als eine reine Glückssache war. Wenn man die sowjetische Führung wohl nicht beschuldigen kann, dass sie einen umfassenden Vernichtungsplan gegen die Deutschen hatten, so muss man doch feststellen, dass der Tod einer großen Zahl von ihnen in Kauf genommen wurde.

Genauso wenig kann man beurteilen, ob die nachhaltige Schwächung der deutschen Kultur, die eine unmittelbare Folge der Deportation und der

Sondersiedlung war, in dieser Weise vorausgesehen und geplant war. Einerseits ist es möglich, dass durch die Propaganda des Zweiten Weltkrieges tatsächlich eine erhöhte Feindschaft gegenüber den Deutschen ausgelöst hat, die die Wiedererrichtung der Wolgadeutschen ASSR unmöglich machte. Außerdem versuchten auch die Kolchosleiter die Deutschen an Ort und Stelle zu halten, da sie als gute und zuverlässige Arbeitskräfte galten, was gegen die Wiedererrichtung der ASSR sprach. Andererseits wurden die Deutschen gegenüber der Bundesrepublik Deutschland als Faustpfand benutzt, mit Hilfe dessen Diplomatie gemacht werden konnte. Letzten Endes konnte sich die deutsche Identität und Kultur in Sibirien kaum halten, während auf dem Gebiet der Kasachischen SSR die deutsche Kultur zu einem gewissen Grade überlebte, beispielsweise wurde dort eine deutschsprachige Zeitung herausgegeben.

Dass heute noch so viele Menschen deutscher Abstammung im Parabelsker Rayon leben, zeigt aber, dass die Deutschen trotz erheblicher Schwierigkeiten und Diskriminierung ein Teil der Gesellschaft geworden sind. Sie haben einen erheblichen Beitrag zur ökonomischen Entwicklung des Rayons geleistet- auch wenn ein großer Teil der aufgebauten Betriebe mittlerweile nicht mehr existiert.

Von den großartigen Plänen, die die Sowjetmacht für den Narymer Kreis geschmiedet hatte, bleiben daher viele Ruinen zurück. Dennoch war die Arbeit der Sondersiedler nicht umsonst: Die Infrastruktur, die vor Ort aufgebaut wurde, war die Grundlage für die heute ökonomische Nutzung des Gebietes, insbesondere durch die Öl- und Gasförderung.

Dieser Erfolg rechtfertigt aber in keiner Weise das brutale und grausame System, dem alle Sondersiedler in den 30ern, 40ern und 50ern unterworfen waren. Weder die Sonderkommandaturen noch das gesamte repressive System waren alternativlos. Wenn heute der Parabelsker Rayon eine lebenswerte Heimat für Deutsche, Russen und alle anderen Bewohner ist, dann ist dies der Verdienst der einzelnen Menschen, die ihre gesamte Kraft und manchmal auch ihr Leben einsetzen mussten, um zu überleben und für ihre Nachkommen eine lebenswerte Zukunft zu ermöglichen. Der paranoide und gewaltbereite Geheimdienstapparat, der das System der Sondersiedlung leitete, war bei dieser Aufbauarbeit eher hinderlich gewesen.

Феликс Шмид

ДЕПОРТАЦИИ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ В ПАРАБЕЛИ И НАРЫМЕ*

История немцев в Парабельском районе тесно связана с длительной историей ссылок в этот край. Чуть ли не с самого начала появления села Нарыма его удалённым местоположением пользовались с целью высылки сюда политических врагов – декабристов, участников политических восстаний, а также некоторых социалистов и революционеров, например Иосифа Сталина и Якова Свердлова.

Уже в царское время предпринимались попытки извлечь экономическую выгоду из этого сурового края, в особенности во время столыпинских реформ. Однако объединение указанных политических интересов – наказание политических врагов и экономическое развитие региона – лишь при советской власти привело к формированию обширной административной системы. В рамках больших акций по раскулачиванию миллионы людей ссылали в отдалённые уголки Советского Союза, где они жили под надзором так называемой спецкомендатуры, иными словами НКВД. В Западной Сибири для этих целей создали так называемый Нарымский округ – зону в северной части современной Томской области, куда отправили большую часть спецпоселенцев.

Уже в 1930 г. в окрестности Нарыма прибыла первая волна бывших кулаков. Из-за хаотичного характера процесса раскулачивания к такому большому количеству переселенцев оказались не готовы как администрация, так и инфраструктура. Людей просто высаживали в разных местах по дороге, где они были предоставлены сами себе. По причине некачественного картографического материала часто это были места, абсолютно непригодные к заселению. Тяжела была судьба спецпоселенцев в то время. Многие обращались в бегство, хотя местность большей частью была

* В статье сохранена авторская трактовка событий, даже если она не во всём согласуется с историческими данными (*прим. ред.*)

почти непроходимой, беглецов поисковые группы НКВД расстреливали на месте, не меньше их погибало по дороге от изнеможения. Кто оставался, должен был свыкнуться с невыносимыми условиями на местах, многие годами жили в ямах, укрытых брезентом (так называемых землянках).

Те, кто переживал суровые сибирские зимы в таких условиях, должны были с помощью самых примитивных средств обустроить свой быт: спецпоселенцы строили дома и сараи, прокладывали дороги и железнодорожные пути, валили лес, ловили рыбу и ходили на охоту. Тем не менее весь проект оказался чрезвычайно нерентабельным с экономической точки зрения: в неурожайные годы в колхозах не хватало продуктов для обеспечения собственных нужд, строгое соблюдение спецрежима зачастую препятствовало разумной организации хозяйств, кроме того, местные власти присваивали себе продукты питания и деньги, сотрудники НКВД охотились на беглых спецпоселенцев, использовали их в качестве личных слуг и обращались с ними почти с безграничной жестокостью.

Всё же спецпоселенцам удалось до конца 1930-х гг., по меньшей мере, выстроить определённую инфраструктуру. До этого времени репрессивные меры чаще всего были направлены против социальных групп. Однако чем опаснее становилась внешнеполитическая ситуация, тем активнее ссылались предполагаемые «коллорационисты» из западных и восточных пограничных областей. На западе эти меры коснулись поляков и немцев, на востоке – китайцев из Харбина и корейцев.

Новая волна депортаций началась в 1940 г., с захвата Прибалтики и Бессарабии. Эстонцы, латыши, литовцы, молдаване, украинцы и белорусы попали таким образом в Нарымский округ. Их правовое положение в качестве «ссылных» отличалось от положения спецпоселенцев, однако на практике условия жизни были в такой же степени ужасными.

Когда в июне 1941 г. эшелоны из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии двигались в Сибирь, вооружённые силы фашистской Германии напали на Советский Союз. Это нападение стало для сталинского репрессивного аппарата поводом окончательно поставить точку в многовековой истории немцев в европейской части России, прежде всего на Волге.

Этнической группы, которую мы сегодня называем российскими немцами, до 1941 г. вообще не существовало. Первые контакты ме-

жду русскими и немцами датируются временами становления Киевской Руси. Однако селиться на территории Российской империи немцы стали лишь во времена правления Ивана IV, прежде всего в крупных городах России, где они работали в качестве специалистов. В 1763 г. Екатерина II издала манифест, согласно которому немецкие поселенцы приглашались для освоения новых земель на Волге и Украине. Немецкие колонисты возводили свои деревни, привезли с собой лютеранскую и католическую веру и свою культуру – традиционную одежду, особые праздники и блюда, немецкий язык. С другой стороны, немцы проживали и в городах империи, и в Прибалтике, которые очень сильно были адаптированы к культуре правящего сословия, в котором многие из них занимали высокие посты.

После большевистской революции в 1918 г. была основана Область немцев Поволжья, где немцы имели определенную долю культурной автономии, например, выходили газеты на немецком языке и преподавание в школе осуществлялось на немецком языке. Всё это исчезло, когда их отправили в Сибирь. Депортация стала важным переломом в самовосприятии немцев: несмотря на то, что немногие из доживших до настоящего момента могут воспроизвести в памяти свою жизнь на Волге, большая часть из них считает, что тогда у них была хорошая жизнь. До 1941 г. в Поволжье было несколько вспышек голода, акции раскулачивания и там потребовали жертв, а культурную самостоятельность немцев существенно ограничили. Однако следует понимать, что эти лишения восприняли как менее значимые по сравнению с тем, что ожидало немцев в Сибири. Кроме того, возможно, что депортация дала немцам как группе возможность самоидентификации: если до 1941 г. они представляли собой разрозненные группы, которые в культурном плане были мало связаны, то общая судьба – депортация и спецпоселение – способствовала возникновению новой идентичности – «российский немец».

Многих немцев депортация застала врасплох, у них было очень мало времени, чтобы собрать вещи, зачастую всего полчаса. У других, напротив, было больше времени, некоторые успели до отъезда привести в порядок своё хозяйство, так как верили, что скоро вернуться обратно. Они также смогли взять с собой больше багажа, например мать Лидии Фридриховны Глик взяла с собой в Сибирь швейную машинку «Зингер». Людей везли в грузовых вагонах и вагонах для перевозки скота. Снабжение было почти повсюду катастрофическим, немало людей умирало уже в пути. Беременные жен-

щины должны были рожать прямо в дороге, причём дети нередко умирали почти сразу после рождения.

Большую часть немцев сначала доставили под Новосибирск и оттуда распределяли дальше. Других отправили в Казахстан или в Красноярск. Большинство немцев, которые проживают сегодня в Парабельском районе, прибыли сюда в 1942 г. Целью переселения стало развитие рыболовства и рыбопереработки для оказания помощи фронту. Интересно, что многие из них были родом из одной местности на Волге, например из Красноярского района Саратовской области. Многих работоспособных мужчин в 1942 г. забрали в трудовую армию, они смогли вернуться к своим семьям позже, если выдержали все тяготы и лишения.

В целом, идея задействовать немцев для развития рыбопереработки в Нарымском округе была не очень хорошо продумана. Как климатические, так и культурные условия в Сибири были абсолютно иными, нежели на Волге. Для выживания в этой болотистой местности и рыбного промысла немцы, жившие прежде в степных районах, а некоторые даже в городах, были плохо подготовлены. Поэтому местные власти пытались найти для немцев более подходящую работу.

По прибытии немецкие семьи распределяли по различным поселениям, где они размещались либо у местных жителей, либо в вырытых землянках. Очень часто их просто высаживали на берег и сначала предоставляли самим себе. Отношения с местным населением складывались по-разному. Многие говорят, что их обзывали «фашистами», другие не помнят подобных оскорблений. Несмотря на все сложности, часть местного населения пыталась помочь немцам. Однако снабжение продуктами питания, особенно в военные годы, было чрезвычайно плохим, многим приходилось питаться травами, менять немногие свои пожитки, которые удалось привезти с собой, на продукты.

До 1955 г., когда немцев освободили от режима спецпоселения, они должны были ежемесячно отмечаться в комендатуре. Распорядок был крайне суровым, особенно если голодающие люди пытались достать продовольствие. В таких случаях им грозили лагерь или тюрьма, в некоторых случаях сотрудники НКВД натравливали собак на голодающие семьи. Кроме того, от комендантов требовали обращаться со спецпоселенцами, как с людьми второго сорта. После Великой Отечественной войны предписания ещё более ужесточились:

спецпоселенцы не имели права покидать территорию комендатуры. Эти и другие предписания не только превращали жизнь спецпоселенцев в ад, но и препятствовали экономической деятельности. Таким образом, параноидальное стремление предотвратить восстания, заговоры и диверсии взяло верх как над человечностью, так и над экономическим здравым смыслом.

Большинство немцев работало в колхозах, где им приходилось выполнять самую тяжёлую работу. Даже женщины и молодые девушки должны были, например, валить лес зимой. Иные работали рыбаками, плотниками в колхозе. Многие немцы работали на рыбозаводах. Однако в первые годы они не получали ничего от произведенной продукции, многие терпели голод.

Хотя дети должны были ходить в школу, это было связано с рядом сложностей. Галина Фридриховна Глик, например, не могла зимой посещать школу, так как у неё не было обуви. И это, по видимому, не единичный случай. Как и многие немецкие дети, она очень рано начала работать в колхозе, чтобы иметь возможность помогать своей семье. Она пасла стадо коров и доила их.

Наряду с немцами во время войны на спецпоселение сослали представителей и других национальностей, с которыми немцы разделили судьбу. Отношения с этими людьми большей частью характеризуются как дружеские, однако случались и конфликты: Евгения Готлибовна Деева (урождённая Миллер) рассказала, что латыши, жившие в землянке недалеко от их квартиры, воровали у них продукты питания.

Большая часть немецких семей до депортации были либо католиками, либо лютеранами. Поддерживать веру в Сибири оказалось сложно, так как не было ни церкви, ни официального разрешения на отправление католического и лютеранского культа. Поэтому отправление религиозных обрядов, если оно вообще имело место, ограничивалось узким кругом, и веру часто передавали детям исподволь. Тем не менее во многих лютеранских семьях молитвенники, которые родители читали ещё во времена спецпоселения, сохранились до настоящего дня. Также практиковали регулярные молитвы перед сном или каждое воскресенье. В целом, религиозный вопрос в каждой семье решался по-своему, некоторые перестали придерживаться своей веры ещё на прежней родине. С другой стороны, многие родители, вероятно, не решились воспитывать своих детей в ре-

лигиозном ключе в условиях спецпоселения, так как в любой момент могло последовать наказание со стороны комендатуры.

Некоторые связанные с религией ритуалы и обычаи сохранились, например празднование Рождества уже с 24 декабря, когда появляется «младенец Христос» – «Christkind», похожий на ангела персонаж в белых одеждах и с золотистыми локонами, приносящий послушным детям подарки. Кроме того, была и другая фигура, которая должна была наказывать плохих и непослушных детей. Оба персонажа являются типичными элементами немецкой культуры, которые существуют в Германии до сих пор.

Вместе с этими ритуалами сохранились и некоторые элементы немецкого языка. В целом, сегодня лишь немногие из проживающих в Парабели немцев владеют немецким языком. Даже если они говорили с родителями ещё по-немецки, со временем эти знания были утрачены. Возникает вопрос, насколько намеренными были такие последствия депортации. Несомненно, некоторые черты колонии, игравшие благоприятную роль, а именно: компактная структура немецких поселений как на Волге, так и на Северном Кавказе и Украине, были ликвидированы. Немцев распределяли по различным населённым пунктам, предварительно убедившись в том, что ни в одном из них они не составляли большинства населения. Такие меры определённо были связаны с недоверием по отношению к немцам, так как государственная власть придерживалась мнения, что немцы враждебно настроены к советской власти. В небольших группах их проще было контролировать. Таким образом намеревались распознавать и препятствовать возможному антигосударственным движениям в их среде. Здесь следует заметить, что практика распределения лиц определенной национальной или социальной группы по обширной территории являлась стандартной процедурой. Таким же образом были распределены депортированные балты, молдаване и украинцы, а позднее калмыки. Из отчётов о настроении среди спецпоселенцев следует, что разговоры немцев между собой на немецком языке расценивались как подозрительные, так как они могли таким образом незаметно вести антигосударственную пропаганду. Поэтому использование немецкого языка в общественных местах было табуировано, немецкую идентичность, насколько это было возможно, скрывали.

Большинство детей спецпоселенцев достаточно быстро выучили русский язык, так как со сверстниками на улице и в школе они могли

и должны были говорить только по-русски. Уже в этом поколении заключались смешанные браки, где впоследствии в семье говорили только по-русски. Даже если в 1950-х гг. немцы заключали браки между собой, общение в семье происходило почти исключительно на русском языке. При известных обстоятельствах это также было связано с утратой традиционной культуры: исчезновение исконных немецких обрядов и предметов материальной культуры из повседневной жизни людей приводит к утрате их названий. Новая реальность в Сибири предстала перед людьми исключительно на русском языке, все понятия и обозначения, с которыми они каждый день сталкивались на работе и в быту, были русскими понятиями и обозначениями. Поэтому было просто-напросто проще говорить об этих вещах на русском языке и называть по-немецки только те вещи, которые принадлежали исключительно немецкой культуре, например определённые блюда, молитвы, танцы и т.п.

Большинство из доживших до настоящих дней ссыльных говорит, что их родители дома ещё разговаривали на немецком языке. Поэтому большинство стариков понимает немного немецкий язык, однако не в состоянии говорить на нем, так как у них абсолютно нет практики. Причиной этого является также тот факт, что компактное проживание немцев было полностью ликвидировано: начиная с 1960-х гг. русско-немецкие смешанные браки стали скорее правилом, нежели исключением. Одновременно с этим после снятия режима спецпоселения была, по крайней мере отчасти, прекращена официальная дискриминация немцев. Немцы, например, смогли занимать руководящие посты в партии и управлении. Это предложение по интеграции было, вероятно, принято ещё и потому, что другого выбора практически не существовало вплоть до выезда, который стал возможен начиная с 1980-х гг. При известных обстоятельствах исчезновение немецкого языка и культуры к настоящему времени можно объяснить так: те, кто не нашёл своё место в советском обществе или надеялся на значительное улучшение своего положения в Германии, покинули страну. Те же, кто, напротив, сумели приспособиться к социальным условиям в Сибири, решили остаться, выстроили новую жизнь.

Вклад немцев в развитие Парабельского района неоспорим. Фактически ресурсы Сибири помогли выиграть войну против фашистской Германии, в интересах которой будто бы шпионили российские немцы. Однако за это пришлось заплатить человеческими жизнями:

к рыбным консервам, которые из Парабели и Нарыма отправляли на фронт, сами немцы даже не притрагивались. Продукты питания изымались и вывозились из региона, где большая часть населения – не только немцы, но и местные жители – страдала от голода и лишений. На фронт отправляли тёплую одежду и денежные пожертвования, тогда как дети должны были ходить босиком и жить в землянках, потому что родители вынуждены были обменивать последнюю рубашку на пару картофелин.

В этой связи становится понятным мнение некоторых из переживших описанные события о том, что депортация и спецрежим были лишь средством уничтожения немцев. Катастрофическая ситуация сложилась из факторов, типичных для жестокой командной экономики сталинизма: централизованное планирование полностью игнорировало истинное положение вещей на местах, в поселениях. На развитие инфраструктуры и снабжение депортированных было выделено крайне мало средств, которые отчасти расходовались не по назначению органами государственной безопасности. На местах не было создано ни условий для размещения немцев, ни принято мер по организации и поддержанию их самообеспечения. Всё это в сущности означало, что выживание как во время войны, так и в первые годы после её окончания было не более чем чистой случайностью. Пожалуй, если и нельзя обвинить советское руководство в том, что у него был обширный план по истреблению немцев, тем не менее на гибель многих из них оно пошло сознательно.

Сложно судить и о том, была ли продолжительная деградация немецкой культуры, явившаяся прямым следствием депортации и режима спецпоселения, предусмотрена и запланирована. С одной стороны, вероятно, посредством пропаганды во время Второй мировой войны действительно разожгли такую ненависть к немцам, которая сделала невозможным восстановление Республики немцев Поволжья. Кроме того, председатели колхозов пытались удерживать немцев на местах, потому что они считались хорошими и надёжными работниками, что свидетельствовало о позиции против восстановления Республики немцев Поволжья. С другой стороны, немцев использовали в качестве разменной монеты, с помощью которой могли вести переговоры с ФРГ. В сущности, немецкая идентичность и культура едва ли смогли сохраниться в Сибири, тогда как в Казахской ССР они в известной степени выжили. Например, там издавалась газета на немецком языке.

Тот факт, что сегодня в Парабельском районе проживает так много людей с немецкими корнями, говорит о том, что немцы стали частью этого общества, несмотря на серьёзные трудности и дискриминацию. Они внесли значительный вклад в экономическое развитие района, даже если большая часть созданных предприятий прекратила своё существование.

От грандиозных планов, которые строила советская власть применительно к Нарымскому округу, остались развалины. Однако работа спецпоселенцев не была проделана напрасно: инфраструктура, которую они создали на местах, внесла вклад в сегодняшний экономический расцвет региона.

Но этот успех ни в коей мере не оправдывает страшную и беспощадную систему, жертвами которой стали спецпоселенцы в 1930–1950-х гг. Ни спецкомендатуры, ни вся репрессивная система не были безальтернативными. Если сегодня Парабельский район является родиной для немцев, русских и представителей других национальностей, то в этом заслуга отдельных людей, которым приходилось прикладывать все усилия и иногда рисковать всем, чтобы выжить и обеспечить потомкам достойное будущее. Параноидальный и готовый к насилию аппарат спецслужб, руководивший системой спецпоселения, был, скорее, препятствием в их созидательном труде.

Перевод Ксении Минаковой

О.М. Рындина

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Самоорганизация немцев Томской области началась в 1990 г. созданием на общественных началах Центра немецкой культуры, который по постановлению главы областной администрации Виктора Мельхиоровича Кресса в 1996 г. получил статус государственного учреждения культуры и стал называться Российско-немецким домом. По его инициативе начали создаваться центры и в районах области. В 1999 г. Центр немецкой культуры возник и в Парабельском районе. Идею его создания поддержал глава районной администрации Николай Васильевич Кобелев. Он выделил из районного бюджета средства на ставку для руководителя центра и помещение – комнату в здании, которое занимал отдел культуры. Средства на создание и поддержание центра поступили и из Германии в рамках реализации программы по поддержке российских немцев в Российской Федерации. Центр стал филиалом Российско-немецкого дома.

Первым председателем Центра немецкой культуры Парабельского района стал Фёдор Фёдорович Райс и возглавлял его десять лет, с 1999 по 2010 г. Будучи выходцем из депортированной семьи, истории которой он посвятил статью¹, председатель не понаслышке знал нужды и чаяния спецпереселенцев и их потомков. Центр начал работу с составления списка немцев, проживающих в Парабельском районе. В ходе этой работы выяснилось, что более 300 жителей района считают себя немцами, около 1 000 человек имеют немецкие корни². В центр из Германии регулярно поступали финансовые средства, на

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

¹ Райс Федор. Сага о сибиряке немецких кровей. История семьи Федора Райса // Неленна лишь память. Судьбы российских немцев Парабельского района. Парабель, 2012. С. 37–39.

² Райс Фёдор Фёдорович. Как все начиналось... История создания Центра немецкой культуры в с. Парабель // Там же. С. 40–42.

которые, в частности, приобретали путёвки в санаторно-курортные учреждения, шла гуманитарная помощь, которую в иные годы получало до 100 человек. При центре организовали курсы немецкого языка, так как в школе преподавали только английский. На волне выезда в Германию число желающих выучить язык было так велико, что пришлось организовать три группы, в которых обучилось около 100 человек. Центр обживался в отведённом ему помещении, провёл в нём евроремонт, обзавёлся мебелью. Вклад немцев в развитие района отразил созданный стенд «Российские немцы. История и современность».

Дальнейшие перспективы центра Фёдор Фёдорович оценивает скептически. Он ездил на форум в Новосибирск, выступал там, предрекая ослабление деятельности центров. Аргументация его позиции сводится к тому, что финансирование со стороны Германии неизбежно сократится, старшее поколение уходит из жизни, а молодёжь уже не знает ни о репрессиях, ни немецкого языка. Российско-немецкий дом в Томске, по его мнению, со временем станет Домом дружбы народов. В Парабели уже проявилась означенная тенденция: предложили изменить название должности – не руководитель филиала Российско-немецкого дома, а руководитель центра национальных культур.

С 1 марта 2011 г. центр возглавила Лидия Яковлевна Кокуркина. Родилась она 14 сентября 1945 г. в селе Новиково Парабельского района в немецкой семье, об истории которой ею написана статья¹. Окончила среднюю школу в Новосельцево, затем биолого-химический факультет Томского педагогического института. Почти всю трудовую жизнь работала преподавателем в школе: сначала в Осиново, затем в Щуке и в Парабели. В 1976–1977 гг. избиралась заведующей отделом культуры в районной администрации, где сменила Фёдора Фёдоровича Райса. Однако вскоре поняла, что это не её стихия. В 2011–2014 гг. возглавляла Центр немецкой культуры. Всегда активно участвовала в художественной самодеятельности – вокал (солистка и участница вокальной группы), народный театр, исполнение народных песен с включением элементов хореографии. В настоящее время всю радость видит в своих сыновьях, Алексее и Викторе, и внучках, Анне и Вере.

¹ Кокуркина (Фрибус) Лидия. Листая памяти страницы. История семьи Фрибус // Там же. С. 33–35.

Главнейшим результатом своей работы в должности руководителя центра Лидия Яковлевна с полным основанием считает подготовку и издание в 2012 г. информационного бюллетеня «Нетленна лишь память. Судьбы российских немцев Парабельского района». Бюллетень стал результатом сотрудничества парабельского центра с местной общественной организацией «Национально-культурная автономия немцев г. Томска». Финансовую поддержку обеспечило МВД Германии в рамках программы по поддержке российских немцев на территории Российской Федерации.

Основу содержания бюллетеня составили воспоминания российских немцев, депортированных из Поволжья в Нарымский край, о выселении, военном и послевоенном времени. Запечатлённая в них боль конкретна, а потому лишена патетики и оттого воспринимается особенно остро. Представлены в издании и биографии немцев, внесших большой вклад в развитие Парабельского района. Запечатлена на страницах бюллетеня и история создания районного Центра немецкой культуры, ставшего ядром этнической диаспоры. Несомненным достоинством издания стал большой видеоряд, вобравший в себя бережно хранимые фотографии из семейных альбомов, фотохронику современной жизни народа. Художественность, образность представленным материалам придали публикации тщательно подобранных стихов.

Идея бюллетеня зародилась у Лидии Яковлевны в 2008 г., после ухода из жизни в 97-летнем возрасте матери – Лидии Давыдовны Фрибус. Когда ей исполнилось 80 лет, дочь серьёзно подумывала о переезде в Германию, написала в Новосибирск, собирала документы. Пришла к маме, объяснила ей, что тех, кому за 80 лет, в Германию пропускают без «карантина», предоставляют им квартиру и машину. Лидия Давыдовна, в свою очередь, спросила: «А как же внук Алексей? А я что – дочь Гитлера?» – переезд пришлось отложить.

После этого Лидия Яковлевна решила записать историю жизни матери, но как-то всё не хватало времени закончить начатое. Сделать это стало долгом для дочери после смерти матери. Писалось со слезами на глазах. В разговорах со знакомыми вырисовывалась та же картина: родители ушли, а горькая память об их трудной судьбе осталась. И возвращение к этой памяти без слёз невозможно. Полгода шла неустанный работа в Парабели, на Шпалозавде по сбору материала о судьбах родственников и родителей депортированных немцев. Многие поначалу отказывались рассказывать: кто не хотел

тревожить улёгшуюся боль, кто боялся за внуков. Приходилось уговаривать (и по телефону, и в очной форме) поделиться семейными хрониками. Тяжело шёл сбор сведений и в моральном плане: рассказы о пережитом волновали до глубины души и не давали возможности успокоиться в дне настоящем.

Беседы с односельчанами Лидия Яковлевна записывала вчерне, затем расшифровывала и переписывала текст, обрабатывая его стилистически. Часто советовалась с Фёдором Фёдоровичем Райсом. Так появлялись статьи. Затем были придуманы структурировавшие их рубрики. Фотографии приносили дети авторов. Просмотр номеров местной газеты давал дополнительный материал, особенно хорошо передавали общий настрой опубликованные в них стихи. Макет бюллетеня сделала корреспондент районной газеты Маргарита Чупченко, верстал – главный редактор Михаил Гордиевский.

Тираж в 250 экземпляров разлетелся мгновенно. Их получили все авторы, районные библиотеки, музеи, в том числе и школьные, 10 экземпляров отправили родственникам в Германию. Презентация бюллетеня прошла в Парабели¹ и в Российско-немецком доме. Похожие издания осуществлены в Томском и Кургаском районах, но у каждого есть и своя специфика. В целом, поднят и зафиксирован огромный пласт краеведческого материала, запечатлевший историю российских немцев на томской земле.

За годы работы немецкого центра сложился устойчивый годовой цикл мероприятий. Коллективно отмечают День защитника Отечества 23 февраля и Международный женский день 8 Марта. Создаются команды, например «Золотой возраст», проводятся соревнования. Часто в роли ведущей на праздниках выступает Лидия Яковлевна. 1 Мая возле здания администрации района проходит презентация национальных культур, где обязательно представлена и немецкая. Особым вниманием у участников праздника пользуется стол с немецкой выпечкой, а в 2002 г. они оформили «Немецкий дворик», привнёсший в праздник частичку народного быта.

Совместно с клубом «Ветеран», возглавляемым ныне Федором Фёдоровичем Райсом, проводятся Дни старшего поколения. Всех ветеранов обязательно поздравляют по телефону. Устраиваются вечера-встречи, на которых «дети войны» и ветераны делятся своими

¹ *Петровская* Марина. «Нетленна лишь память» // Нарымский вестник.– 2013. – 6 марта.

воспоминаниями о пережитом, а молодое поколение не только внимает, но и рассказывает о судьбах своих родителей. На вечерах звучат стихи, исполняются музыкальные номера, обязательно вручаются подарки и организуется чаепитие¹. Результатом объединённых усилий двух организаций в 2013 г. стало празднование важного в истории российских немцев события – 250-летия со дня издания Екатериной II Манифеста, «дозволяющего» иностранцам поселяться в России на выбранных ими территориях и «дарующего» им особые права. На встречу к немцам Парабельского района приехали представители Центра изучения немецкого языка им. Гёте из Германии и Австрии. Собравшиеся вспоминали военное лихолетье, славные дела российских немцев в Парабельском районе в послевоенный период и в современности, минутой молчания почтили память ушедших из жизни «детей войны».

Рождество, приходящееся на 25 декабря, и Новый год немцы также отмечают сообща, украшая в центре ёлку, устраивая застолье с немецкой выпечкой. Сценарий пишется заранее. Это обычно возлагается на Лидию Яковлевну, а серьёзную помощь ей оказывает Екатерина Адамовна Денисюк.

Особым днём – днём памяти и скорби – является 28 августа. Это день, когда был опубликован в 1941 г. указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В этот день немцы собираются у памятника жертвам политических репрессий, открытого 28 августа 2005 г., возлагают к нему цветы, венки. От имени центра обязательно выступают Фёдор Фёдорович Райс и все желающие. В помещении центра устраивается чаепитие с домашней и покупной выпечкой. Особенным выдался этот день в 2011 г. Центр немецкой культуры как филиал Российско-немецкого дома провёл межрегиональное мероприятие «Сильные духом», носившее мемориальный характер. На него собрались российские немцы, проживающие в Каргасокском, Парабельском, Колпашевском, Шегарском, Томском районах Томской области и в Кемеровской области. Каждый из 28 участников получил возможность рассказать историю своей депортированной семьи как назидание подрастающим поколениям. Рассказы сопровождались

¹ *Внимание* детям войны // Нарымский вестник. – 2011. – 25 марта; *Иванова* Лариса. Они рано повзрослели // Там же. – 2011. – 6 мая.

показом фотографий из семейных альбомов и перемежались выступлениями фольклорного коллектива парабельского центра¹.

День 30 октября посвящён памяти репрессированных народов. Жители Парабели собираются у памятника, где выступают с речами руководители села, звучат воспоминания очевидцев трагических событий.

Важным направлением в работе Лидии Яковлевны стали меры по поддержанию здоровья и лечению парабельских немцев, и прежде всего ежегодное распределение путёвок в лечебно-оздоровительный комплекс «Прометей».

С 1 мая 2014 г. руководителем центра немецкой культуры стала Екатерина Адамовна Денисюк. Она активно участвовала во всех его начинаниях, и активисты выдвинули её кандидатуру на должность руководителя центра. Кандидатуру поддержали прежние руководители – Фёдор Фёдорович Райс и Лидия Яковлевна Кокуркина, а также заведующая отделом культуры районной администрации Ирина Петровна Фокина.

Приоритеты в своей деятельности Екатерина Адамовна расставляет следующим образом. Во-первых, узнать получше людей: чем живут, к чему стремятся, о чём мечтают. По её мнению, сегодня люди охладели к общественной жизни. Их нужно объединять и спланировать. С этой целью в районной газете «Нарымский вестник» ежемесячно печатаются поздравления с днём рождения, адресованные немцам района. Во-вторых, привести документацию в соответствие с реалиями дня, прежде всего уточнить списки немцев в Парабельском районе. К сожалению, у центра нет современного компьютера, что существенно тормозит работу по документообороту. В-третьих, необходима пропаганда народного творчества немцев. Именно в этом Екатерина Адамовна видит главное направление по оживлению немецкой культуры. Среди немцев района развиты обработка дерева, вышивка, вязание – их традиционные художественные занятия, но об этом практически никто не знает. Важной составляющей современного народного творчества она считает и художественную самодеятельность. Сама является активной участницей ансамбля «Русская душа», который исполняет русские песни в современной обработке.

¹ Чупченко Маргарита. Понять и простить // Нарымский вестник. – 2011. – 2 сент.

Особую озабоченность у Екатерины Адамовны вызывает состояние немецкого языка. Раньше при центре действовали курсы по его изучению, но в настоящее время их нет. В центре имеется достаточное количество литературы на немецком языке, но в школе изучают только английский, поскольку нет преподавателя немецкого языка, так что читать молодёжь собранную литературу не может. Желание изучать язык обостряется при решении переехать на жительство в Германию, и в этом случае парабельские немцы проходят тесты по родному языку в Новосибирске.

Финансирование центра тоже оставляет желать лучшего. Из местного бюджета оплачивается лишь должность его руководителя. С 2002 г. в одной комнате с сотрудниками немецкого центра разместили и представителей общества «Колта куп», призванного заботиться об интересах селькупов – коренного малочисленного народа Томской области. Екатерина Адамовна сокрушённо заметила, что селькупы гораздо лучше представляют свою культуру через народные ремёсла и их обществу уделяется больше внимания. Существенным источником финансирования центра является помощь Российско-немецкого дома, но и она в последнее время сокращается.

Думается всё же, что, несмотря на неутешительные тенденции, функционирование центра не прекратится. Во-первых, потому что его возглавляют люди, искренне болеющие за сохранение немецкой культуры и идентичности на парабельской земле. Во-вторых, потому что существует мощный координирующий центр в виде Российско-немецкого дома, коллектив которого молод, полон новых планов и уверенно смотрит в будущее. В-третьих, потому что многонациональная история и культура Парабельского района уже немислимы без немецкой составляющей, хорошо знакомой односельчанам и уважаемой ими.

В.В. Попов

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ СЛАЩЕ КОНФЕТ (о Вяловой (Роледер) Розе Ивановне)

В семейном доме в Саратовской области росло 3 детей. Роза Ивановна родилась в нём в 1938 г. Ее мать, Роледер Роза Андреева, родилась в 1908 г., а отец, Роледер Иван Данилович, – в 1912-м. Родители росли сиротами, и им с детства приходилось работать: мама нанималась няней и следила за соседскими детьми, а повзрослев, работала в «Заготзерно», грузила мешки, папа пас скот. У Розы Ивановны было два брата, но судьба их сложилась печально. Старшего брата звали Иваном, тогда модно было так называть детей, а младшего – Виктор. После депортации в Тару старшего брата забрали в трудармию, а младший отравился какой-то травой, потому что приходилось питаться тем, что можно было найти в лесу.

По приезде в Тару, по смутным воспоминаниям Розы Ивановны, их сначала поселили в дом, где уже жила женщина с 3 ребятишками. Потом родителей взяли в трудармию: маму отправили на шахту в Воркуту, а отца – в Голдовский совхоз на Урале, где он работал трактористом. В 5 лет Розу Ивановну отдали в детский дом. Отношение к ним в детском доме было плохое, так как воспитатели и учителя детского дома грубо обращались с детьми. В детском доме Роза Ивановна заболела трахомой и чесоткой. Эти болезни она привезла на Урал. Одним из самых ярких воспоминаний военных лет для Розы Николаевны стал чёрный хлеб, который тогда казался ей слаще конфет и был самым вкусным из того, что она ела в детстве.

Мама Розы Николаевны вернулась с работ на шахте на костылях, забрала дочь из детского дома, и им пришлось «ходить по миру». В 1948-м мать с дочерью переехали из Тары на Урал, к отцу в Голдовский совхоз. Поселили их в барак, который не был приспособлен для жилья и находился в ужасном санитарном состоянии. В бараке они отгородились ширмой от других семей. Родители общались между собой и с дочерью на немецком языке, и Роза Ивановна до сих пор помнит несколько слов. «Во-первых, это названия пищи: всякие

там “кребсы”, “ривелькухе”, а также “Крискен”. Названия я точно не помню, но что-то вроде Божьего ангела». Семья Роледер была дружной, хоть Розу иногда бранили, но исключительно по делу. О родителях Роза Ивановна вспоминает только хорошее: «У меня, вот, родители непьющие были. Тогда всех пьющих презирали, а женщин тем более. Это в последние годы алкаши развелись да тунейдцы». Отец Розы Ивановны за трудовые заслуги в совхозе получил «Героя труда», а в 1973 г. ушёл на пенсию.

Хоть родители были сиротами и не отмечали в детстве немецких праздников, всё же мама Розы Ивановны знала рецепты немецкой выпечки: умела испечь пирог «ривелькухе», приготовить «кребли» – лепёшки из пресного теста, заведённого на простокваше. Ещё она варила борщ, тушила капусту с мясом, пекла плюшки, пирожки с капустой.

Родители Розы Ивановны были верующими, принадлежали к католической вере, но она не помнит, чтобы они читали молитвенные книги. Несмотря на запреты, в семье праздновали католическое Рождество 25 декабря. Ничего особенного в тот день не происходило, лишь мама накрывала стол и ставила на него обычные каждодневные блюда. Не чувствовался дух Рождества, который обычно присутствовал в Саратове. Роза Ивановна не ходила колядовать на Новый год, хотя её подруги участвовали в этом. На Пасху тоже ничего особенного не готовили и яйца не красили, не было и подарков от кролика.

Роза Ивановна вспоминает, что папа нашёл брата в 1956 г., но при каких обстоятельствах, не уточнила. Они прожили вместе 2 года, а потом брат переехал в Казахстан. Там много родственников по линии отца и матери. После 1956 г. семья переехала в Парабель. Здесь Роза Ивановна пошла в вечернюю школу, где и познакомилась со своим будущим мужем. Это произошло в 1958 г. По воспоминаниям Розы Ивановны, жених за ней особенно не ухаживал, да и какие могли быть ухаживания, ведь шёл 1958 г. Тогда все бедно жили, и не только в Парабели. Свадьбу не справляли, так как не было денег, чтобы накрыть стол для гостей. Свекровь запрещала Розе Ивановне готовить немецкую пищу – говорила, что не будет её есть.

Семья у Розы Ивановны Вяловой получилась большая – 5 детей и она с мужем. Везло больше на сыновей: Евгений (1959 г. р.), Лена (1962 г. р.), Павел (1964 г. р.), Георгий (1967 г. р.), Владимир (1970 г. р.). В настоящее время у Розы Ивановны 9 внуков

и 12 правнуков. Вспоминая прошлое, она заключает, что жили бедно, но не жалуется на судьбу, так как тогда не только в Парабели, а и по всей России так жили. От родителей особой помощи не было: «Сама детей растила и сама воспитывала». Детей Роза Ивановна записала как русских, поскольку они «ни грамма не знают немецкий язык».

У Розы Ивановны был двоюродный брат, который жил в Германии и с которым она часто созванивалась. Несмотря на долгую и хорошую жизнь в Германии, его всё равно тянуло сюда. Сама Роза Ивановна и не собиралась уезжать из Парабели, так как здесь её Родина, и здесь она родилась.

Felix Schmid

LIDIA FRIEDRICHOVNA GLIK

Wurde 1938 im Saratowsker Oblast, Krasnojarsker Rayon, geboren, ihr Mädchenname war Walter.

Ihr Vater hieß Friedrich Jogannowitsch, allerdings erinnert sie sich daran, dass sie ihn nur Fjodor Iwanowitsch nannten. Nach ihrer Auskunft hatte er keine Schule besucht, sprach aber Russisch. Die Mutter, Dorota Kasparovna, sprach ebenfalls Russisch und arbeitete bei der Post. Ihr Bruder, Rudolf Friedrichowitsch Walter, war 1932 geboren worden, außerdem hat sie eine jüngere Schwester, Jekatarina, Jahrgang 1940. Diese lebt ebenfalls in Parabel und heißt mit Nachnamen mittlerweile Markus.

1941 wurde ihre Familie ausgesiedelt nach Bogatovo, Krasnojarkser Kraj, von dort aus ein Jahr später in den Turchansker Rayon am Jenissej. Der Vater, Friedrich Jogannowitsch, wurde hingegen in die Trudarmija eingezogen und stieß erst später wieder zu seiner Familie

Von 1949 bis 1958 lebten sie in einer Kolchose am Jennisej. In ihrer Erinnerung war das Leben dort sehr hart, sie lebten in Semljankas. Dort ging sie für vier Klassen in die Schule. Lidia Friedrichovna ging für ein Jahr in ein Internat, dann entschied sie sich aber dafür, in die Kolchose arbeiten zu gehen, wo sie Kühe melkte. Während ihrer Zeit im Turchansker Rayon war sie auch Mitglied des Komsomol geworden.

Sie erinnert sich daran, dass die Deutschen als Faschisten beschimpft wurden. Dennoch gab es sowohl dort als auch später in Parabel auch Gesten der Hilfeleistung seitens der Bevölkerung.

Nach dem Umzug nach Parabel wohnte die Familie zunächst in einem Mehrfamilienhaus. Lidia Friedrichovna arbeitete auch in Parabel auf der Kolchose, wo sie genau so schwere Arbeit verrichten musste wie die Männer, unter anderem bei der Holzverarbeitung. Bei der Arbeit auf der Kolchose lernte sie ihren späteren Mann, Pavel Iwanowitsch kennen, der ebenfalls in der Kolchose arbeitete. Dieser hatte bereits ein Kind von

einer anderen Frau, weswegen die Eltern Lidia Friedrichovnas zunächst gegen die Eheschließung waren. Weiterhin, so erinnert sich Lidia Friedrichovna, hätten ihre Eltern während der Zeit im Tuchansker Rayon gesagt, sie solle lieber einen Deutschen nehmen, während sie in Parabel ihr umgekehrt geraten hätten, sich einen Russen auszusuchen. Obwohl die Eltern eigentlich gegen die Ehe waren, überließen sie Lidia Friedrichovna die Entscheidung. Die Tochter von Pavel Ivanowitsch aus erster Ehe hielt den Kontakt aufrecht, obwohl sie mit ihrem Vater wenig sprach.

Pavel Ivanowitsch war Bauarbeiter, er errichtete mit Hilfe von Friedrich Jogannowitsch und seinen eigenen Eltern für die Familie ein Haus. Zunächst lebten alle Familien zusammen in dem neu errichteten Haus, Friedrich starb jedoch bald, die Mutter folgte 1973. Pavel Ivanowitsch war nicht nur ein erfahrener Bauarbeiter, sondern auch in der Lage, Möbel herzustellen, wie beispielsweise eine Kommode im Wohnzimmer. Das Haus verfügt über einen Keller, in ihm lagert Lidia Friedrichovna bis heute Vorräte. Weder das Haus selbst noch die Komposition der Gebäude lässt auf einen typischen deutschen Einfluss schließen.

Die Familie hielt über lange Zeit eigenes Vieh, bis heute bestellt Lidia Ivanovna ihren Garten.

Die Familie Walter war eigentlich lutheranisch. Die Mutter las jeden Sonntag in ihrem deutschen Gebetbuch und betete für die Kinder vor dem Schlafengehen. Die Religion aktiv auszuüben war jedoch nicht möglich, da es keine Gemeinde gab. Dennoch erinnert sich Lidia Friedrichovna noch an einige Gebete, die sie aufsagen kann, beispielsweise einen Teil des „Vater Unser“. Sie machte sich diese Gewohnheit der Mutter zu eigen, heute besucht sie regelmäßig die orthodoxe Kirche.

Auch war der Sonntag stets ein besonderer Tag, an dem die Mutter Allen besondere Kleidung anzog.

Lidia Friedrichovna kann sich noch daran erinnern, dass Katholiken und Lutheraner auf verschiedene Weise Deutsch sprachen. In der Kolchosa arbeitete sie mit einer Katholikin zusammen und hatte sich an ihren Akzent gewöhnt. Ihre Schwester bemerkte, dass sie anders sprach, nicht mehr wie die Lutheraner, deren Akzent sie als «härter» empfand, den katholischen hingegen «weicher».

Die Familie Glik hingegen war katholisch, die Eltern von Pavel Ivanowitsch brachte Heiligenbilder mit und betete mit Rosenkränzen. Lidia Friedrichovna erinnert sich, dass die katholische Verwandtschaft, wenn ein Mitglied der Familie gestorben war, am Totenbett deutsche Lieder sang.

Pavel Ivanovitsch selbst betete jedoch nicht.

In der Familie war die Zeit zwischen Weihnachten und Neujahr eine längere Phase der Ruhe, die nach der Erinnerung von Lidia Ivanovna am 23. Dezember begann. Zu diesem Anlass wurden Geschenke verteilt, die vom Christkind kamen (Lidia Ivanovna konnte sich noch an den deutschen Satz «S' Christkindl kummt» erinnern). Das Christkind ist eine engelgleiche Figur in einem weißen Kleid mit blonden Locken. Weiterhin gab es eine bösertige Figur, die die bösen Kinder bestrafen sollte. Auch das traditionelle «Schießen» an Neujahr gab es nicht, Lidia Ivanovna erinnerte sich jedoch daran, dass es am Jenissej eine solche Tradition gab, wenn das Eis des Flusses taute.

Eine besondere Osterfeier hingegen gab es nicht, es gab keine Hühner und somit auch keine Eier. Auch eine besondere Fastenzeit hat es nicht gegeben.

Eine besondere traditionelle Kleidung gab es in der Familie nicht, jedoch hatte die Mutter ihre Singer Nähmaschine mit nach Sibirien gebracht, mit der sie Kleidung für die Familie nähte. Besondere Aufmerksamkeit legte die Mutter auf das Bett und den Ofen gelegt, beide mussten stets sauber sein. Auch einige traditionelle Rezepte wurden in der Familie weitergegeben, wie beispielsweise Riebelkuchen oder eine besondere Form von Galuschki.

Auch an andere kulturelle Traditionen kann sich Lidia Friedrichovna kaum erinnern, allerdings sagt sie, dass ältere Russlanddeutsche in Parabel dies durchaus noch konnten, beispielsweise gab es einige Lieder und Tänze, die sie aufführten, wie beispielsweise die von ihr so genannte «Hopsa-Polka».

Mit ihrem Mann war Lidia Friedrichovna noch einmal an der Wolga, um die Heimat zu sehen. Obwohl Lidia Friedrichovna keine Erinnerungen mehr an die Zeit an der Wolga hat, musste sie weinen, als sie sich dort umsah. Ihr Mann habe allerdings keine solche Reaktion gezeigt.

Lidia Friedrichovna hat keinen Wunsch, nach Deutschland auszuwandern, sie ist der Ansicht, dass Russland ihre Heimat ist, weil all ihre Kinder noch hier sind. In den 90ern hatte eine russische Nachbarin sie gefragt: «Warum fährst du nicht in dein Deutschland?» Lidia Friedrichovna antwortete darauf: «Das ist nicht mein Deutschland, genau-sogut ist es auch dein Deutschland!»

Dennoch hat sie einige Verwandte in Deutschland, die ihr Russisch jedoch mittlerweile fast vollständig vergessen haben.

Die Kinder von Lidia Friedrichovna haben allesamt Russen geheiratet, niemand in der Familie spricht mehr Deutsch.

Феликс Шмид

ЛИДИЯ ФРИДРИХОВНА ГЛИК

Родилась в 1938 г. в Красноярском районе Саратовской области. Девичья фамилия – Вальтер. Её отца звали Фридрихом Йоганновичем, однако она помнит, что называли его исключительно Фёдором Ивановичем. Насколько ей известно, он не учился в школе, однако говорил по-русски. Мать, Дорота Каспаровна, также говорила по-русски и работала на почте. Брат Лидии, Рудольф Фридрихович Вальтер, родился в 1932 г. Кроме того, у неё есть младшая сестра Екатерина, родившаяся в 1940 г. Она также проживает в Парабели и носит фамилию Маркус.

В 1941 г. семью Лидии выслали в Богатово Красноярского края, оттуда год спустя – в Турханский край на Енисее. Отца Фридриха Йоганновича забрали в трудовую армию, он присоединился к семье позже.

В период с 1949 по 1958 г. семья жила в колхозе на Енисее. По воспоминаниям Лидии, жизнь там была очень тяжёлой, жили в землянках. Там она закончила четыре класса школы, год жила в интернате, после чего решила работать в колхозе, где доила коров. В это время, проживая в Турханском крае, она вступила в комсомол.

Она вспоминает, что немцев обзывали «фашистами». Однако как там, так и позднее в Парабели они также получали помощь со стороны местного населения.

После переезда в Парабель семья жила сначала в многоквартирном доме. В Парабели Лидия Фридриховна тоже работала в колхозе, где ей приходилось выполнять тяжёлую работу наравне с мужчинами, среди прочего и по переработке древесины. Работая в колхозе, она познакомилась со своим будущим мужем – Павлом Ивановичем Гликом, который работал там же. У него уже был ребёнок от другой женщины, в связи с чем родители Лидии сначала были против их брака. По воспоминаниям Лидии Фридриховны, когда они жили в Турханском районе, родители говорили, что ей лучше выйти замуж за немца, тогда как в Парабели, наоборот, советовали найти себе

русского. Хотя родители выступали против брака, они оставили за Лидией Фридриховной право решать свою судьбу. Дочь Павла Ивановича от первого брака поддерживала контакт с супругами, хотя и мало общалась с отцом.

Павел Иванович был строителем, при содействии Фридриха Йоганновича и своих родителей он построил дом. Поначалу в новом доме семьи жили вместе. Однако вскоре Фридрих Йоганнович умер, за ним в 1973 г. последовала мать. Павел Иванович был не только опытным строителем. Он также умел изготавливать мебель, как, например, комод в гостиной. В доме есть подвал, в котором Лидия Фридриховна до сих пор хранит припасы. Ни сам дом, ни композиционное решение не говорят о типично немецком влиянии. Долгое время семья держала скот, сейчас Лидия Ивановна работает на огороде.

Семья Вальтер была протестантской (лютеранской). Мать каждое воскресенье читала немецкий молитвенник и молилась за детей перед сном. Активно исповедовать свою веру не было возможности, так как не было прихода. Тем не менее Лидия Фридриховна помнит некоторые молитвы, может прочесть их наизусть, например «Отче наш». Она переняла этот обычай у матери и регулярно ходит в православную церковь. Воскресенье всегда было особенным днем, когда мать одевала детей в лучшую одежду.

Лидия Фридриховна помнит, что католики и протестанты по-разному говорили по-немецки. В колхозе она работала вместе с одной католичкой и привыкла к её акценту. Сестра Лидии заметила, что она стала говорить по-другому, не так, как лютеране, чей акцент она считала более «твёрдым» по сравнению с более «мягким» у католиков.

Семья Глик была католической. Родители Павла Ивановича имели иконы и молились с чётками. Лидия Фридриховна вспоминает, что родственники-католики пели немецкие молитвы, если умирал кто-то из членов семьи. Сам Павел Иванович молитв не читал.

В семье время между Рождеством и Новым годом было периодом «покоя», который начинался 23 декабря. На Рождество обязательно вручались подарки, которые приготовил младенец Христос (Лидия Фридриховна помнит предложение «S' Christkindl kummt» на немецком). Младенец Христос – это фигура, похожая на ангела, в белом одеянии и с золотистыми кудрями. Кроме того, существовал ещё злой персонаж, который должен был наказывать плохих ребя-

тишек. Не было традиционной «стрельбы» на Новый год, однако Лидия Фридриховна припоминает, что подобная традиция была на Енисее, когда на реке таял лёд.

Особенного пасхального торжества не было: не было кур и, соответственно, яиц. Не соблюдали и особенный пост.

Традиционной одежды в семье не носили, однако мать привезла с собой в Сибирь швейную машинку «Зингер», на которой шила одежду для всех членов семьи. Особое внимание она уделяла кровати и печи, которые всегда должны были содержаться в чистоте. В семье был ряд традиционных рецептов, которые передавались из поколения в поколение, например «ривелькухе» или особый вариант галушек. Лидия Фридриховна едва ли может припомнить иные культурные традиции. По её мнению, старшее поколение российских немцев в Парабели их ещё знало и практиковало, существовали песни и танцы, которые они исполняли, например так называемая «Гоп-полька».

Со своим мужем Лидия Фридриховна ещё раз побывала на Волге, чтобы увидеть родные места. И хотя у Лидии Фридриховны не сохранилось воспоминаний о жизни на Волге, она плакала, когда оказалась там. Реакция её мужа не была такой.

Лидия Фридриховна не собирается эмигрировать в Германию. Она считает, что Россия является её родиной, потому что все её дети живут здесь. В 1990-х гг. одна русская соседка спросила её: «Почему ты не едешь в свою Германию?» – на что Лидия Фридриховна ответила: «Это не моя Германия! Она такая же моя, как твоя». Тем не менее у неё есть родственники в Германии, которые уже почти полностью забыли русский язык. Все дети Лидии Фридриховны создали семьи с русскими, и никто в семьях больше не говорит по-немецки.

Перевод Ксении Минаковой

А.И. Махнёва, М.Ю. Чарышова

ГЕРОИЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ*

(о Дюковой (Пауль) Лидии Павловне)

Данный рассказ затронет историю двух женщин из немецкой семьи Пауль. О ней нам поведала Лидия Павловна Дюкова – несмотря на нелегкую судьбу, человек жизнерадостный и открытый, дружелюбный, но с твердой волей. Лидия и её сестра Мария родились в деревне Роледер Красноярского района Саратовской области соответственно в 1938 и 1940 годах.

Мама, Отилия Ивановна Клик (1912 г.р.), – человек с незаурядной судьбой. Она имела необычную для женщины профессию тракториста, даже возглавляла бригаду. Её отличали решительность и смелость: во время пожара она вместе с молодым рабочим Иваном спасла около трёхсот свиней. Вскоре обоих вызвали в Москву. Так как отсутствие затянулось на два месяца, в деревне решили, что их посадили. К счастью, трагические предсказания не оправдались. За мужество, проявленное во время пожара, Отилию Ивановну наградили золотыми часами и орденом «Знак почёта», повысили в должности: она стала старшим механиком. Когда герои вернулись в родное село, односельчане встречали их с духовым оркестром. Колхоз выделил семье большой и хороший дом с тремя или четырьмя комнатами. Справили новоселье, гости пришли с подарками, в том числе и с красивой посудой.

Отец, Павел Пауль, работал кузнецом в колхозе. Семья вела личное хозяйство. Жили хорошо. Война резко изменила привычное течение жизни. Отца забрали в трудармию, и больше Отилия Ивановна и дочери его не видели. Из трудармии он вернулся к тётке, которую депортировали в Новосибирскую область, там женился на молдаванке и обзавёлся новой семьёй, в которой воспитывалось четверо детей.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

Лидия и Мария остались на полном попечении матери, и заботу об их судьбе она считала своим главным долгом. Отилия Ивановна, будучи «потайным милиционером», никогда не «сдавала» своих односельчан. Напротив, заранее предупредила многих о депортации, благодаря чему люди успели собраться в дорогу или вообще уехать в другое место. Стоит отметить, что Отилии предлагали остаться в Поволжье, но она отвергла это предложение, сказав, что поедет вместе со всеми.

Сослали семью Пауль в село Маршанское Каргатского района Новосибирской области, где она прожила год. Мать ничего не успела взять с собой, даже одежды для детей. В Новосибирске её хотели определить на работу механиком, а девочек обещали устроить в круглосуточный детский сад. Отилия Ивановна не согласилась. Когда же ей пригрозили, что могут отправить на Север, ответила: «Я ничего не боюсь, лишь бы с детьми не разлучали». Вторая волна депортации забросила семью Пауль в деревню Лапин Бор Парабельского района. Здесь немцев поселили в коровник, который они сами вычистили, установили «жестянки», т.е. железные печки. Перегородок никаких не было, а в помещении проживало несколько семей. Мать Лидии и Марии работала в колхозе разнорабочей, а сёстры, ещё совсем маленькие дети, оставались одни. За работу Отилия Ивановна получала картошку, немного муки, из которой пекла хлеб и лепешки.

Через полгода семью отправили в Парабель. Отсюда на лодке перевезли на расположенный неподалёку, за рекой Полой, остров. Жили в полуземлянке на берегу реки. Сначала выкопали яму, затем установили опорные столбы, соорудили стены с небольшим окошком и двускатную крышу из досок и веток. Проживали в строении 5–6 семей, каждая размещалась на своих полатах, покрытых соломенными матрасами и подушками, набитыми травой. Пол посыпали песком, чтобы было чисто, а если волны от парохода захлёстывали полуземлянку, девочки начинали рыть канавки, чтобы отвести воду¹. Когда «домик» был полностью затоплен, жильцов перевели в баню. В банный день сестры сидели на завалинке в любое время года: («дождь – не дождь») и ждали, когда освободится помещение. Так продолжалось, пока мать с детьми не пожалела Елизавета Тимофеевна Переметина, работавшая в бухгалтерии. Она предложила напи-

¹ *Нетленна* лишь память: Судьбы российских немцев Парабельского района /авт. проекта Л. Я. Кокуркина; ред. текста М. Чупченко. – Парабель: [Б. и.], 2012. – С.18.

сать письмо в Москву, так как Отилии Ивановне как орденоносцу полагалась квартира. Трижды отправляли письма, и однажды пришёл ответ: «немедленно предоставить квартиру». После такого ответа семье Пауль был выделен дом на улице Пионерской (ныне Комсомольской). Отилия Ивановна предложила пожить в нём знакомой семье Шпетер, хотя дом состоял лишь из одной комнатки и кухни.

Отилию Ивановну хотели оформить на рыбозавод механизатором, но она отказалась и пошла работать на перевоз, а в свободное время помогала шофёрам ремонтировать машины. На перевозе платили хорошо, мать с дочерьми «приоделись, приобулись», жизнь стала налаживаться. Беда пришла неожиданно: мать оговорили и обвинили в краже картошки, затем посадили в яму, где она пробыла около двух суток. У неё случился сердечный приступ, после чего её положили в больницу, а затем отпустили.

Часть трудовой жизни Отилии Ивановны прошла на рыбозаводе, здесь её наградили медалью «Ветеран труда». В 50 лет она ушла на заслуженный отдых, и ей начислили пенсию в размере 10–15 рублей.

С рыбозаводом оказалась всецело связана и трудовая деятельность её дочери, Лидии Павловны. После пятого класса она устроилась рыбообработчицей, через некоторое время её перевели в Басмазово, где поселили в русскую семью Дюковых. Когда сын хозяев, Алексей Егорович Дюков, вернулся из армии, молодые люди познакомились и поженились. На вечерки Лидия Павловна не ходила – так уставала на работе, что просто не хватало сил. Алексей и стал её избранником. Его мать отнеслась к выбору сына отрицательно, а Отилия Ивановна – положительно. Свадьбы как таковой не справляли: время было тяжёлое. В новой семье родились две дочери: Любовь (1958 г.р.) и Валентина (1960 г.р.). Вскоре после рождения старшей дочери семья переехала в Парабель.

Супруги работали на рыбозаводе: Алексей Егорович – рыбаком, Лидия Павловна – рыбообработчицей. Она вынимала и обрабатывала икру осетров, сортировала, замораживала, солила и коптила разную рыбу: осетров, которых она обрабатывала за смену от 40 до 60 штук, стерлядей, муксунов, чебаков, язей. Лидия Павловна вспоминает, что очень боялась осетров, которые были размером с человека, и однажды рыба ударила хвостом с такой силой, что она буквально отлетела в сторону, однако быстро пришла в себя, потому что сама была «забиякой». Сорок три года Лидия Павловна занималась раз-

делкой рыбы, из них три года не вошли в общий трудовой стаж, так как она в это время считалась «малолеткой». За свой многолетний труд награждена медалями «Ударник IX пятилетки», «Ударник X пятилетки», «Ударник XII пятилетки» и «Ветеран труда».

В семье не обходилось и без праздников, отмечали Рождество, Новый год, 1 Мая. Лидия Павловна вспоминает, что в Сибири, как и в Поволжье, на Новый год и Рождество ставили ёлку, детям дарили подарки – конфеты и печенье, ходили по домам ряженые. Ребятишки в возрасте 8–10 лет собирались, ходили по селу, стучали в окна, славили. Кто приглашал войти в дом, кто прогонял. Тех хозяев, которые приглашали войти, поздравляли по-русски, в ответ получали подарки в виде конфет, печенья и сушек. Веселились все вместе: и русские, и немцы. На праздники пекли пирог □ «кухе», пампушки, готовили блюда из капусты, варили супы с мясом, курицей, крупой и лапшой. Так как Отилия Ивановна постоянно работала, на Рождество сёстры пекли печенье сами. Стряпать их научила русская подружка, а «кухе» – баба Клара (Шпетер), проживавшая вместе с ними. Любимыми же блюдами Лидии Павловны и по сей день остаются блюда из тушёной и свежей капусты.

Самые яркие воспоминания связаны с празднованием Нового года, когда мать дарила девочкам подарки. Детская память запечатлела такого праздничного персонажа, как Крискинди. Лидия Павловна помнит о том, как спрашивала у мамы: «А платье нам она принесёт?» – на что мать отвечала: «Получим деньги – и купим сами». Так и произошло. Отилия Ивановна, получив зарплату, купила ткань и сшила дочерям платья.

Теперь каждый год 15 апреля, в день рождения Отилии Ивановны, родные ходят на кладбище, но водку ни в коем случае не берут. Приносят с собой еду, причём сами к ней не притрагиваются: печенье, конфеты оставляют на предварительно убранной могилке. Сейчас бабушку ходят поминать и внуки.

Отилия Ивановна с дочерьми разговаривала только по-немецки, с сестрой Лидия Павловна до сих пор общается только на этом языке. Как она говорит: «Не будем забывать родной язык». В Германии она побывала по туристической путёвке, но переезжать туда не собирается, поскольку Парабель считает и всегда будет считать своей второй Родиной.

А.И. Махнёва, М.Ю. Чарышова

БЕЛЫЙ ПАРОХОД СУДЬБЫ*

(о Карлове Льве Александровиче)

Нам удалось встретиться и побеседовать с интересным человеком, ветераном труда Львом Александровичем Карловым. Он родился 27 мая 1937 г. в городе Бальцер Саратовской области в большой и дружной немецкой семье. Его мать, Екатерина Андреевна Карлова, в девичестве Штейр (1903 г.р.), работала на швейной фабрике. Об отце, Александре Генриховиче Карлове (1901 г.р.), известно очень мало. В семье росло пятеро детей: старший брат Александр и младшие – Фрида, Владимир и Элла. Родители имели большое хозяйство, и их дом казался детям уютным и радостным.

О нагрянувшей вместе с войной депортации Лев Александрович почти не помнит, так как во время выселения ему было всего четыре года. Это страшное событие произошло в 1941 г., после выхода указа о немедленной депортации немцев из Поволжья. Лев Александрович вспоминает, что отец, услышав о документе, «продолжал стайку строить: сначала не верил, что был издан такой указ». Детская память накрепко запечатлела фрагменты, связанные с депортацией, – белый пароход и землянка. Сначала семью Карловых вывезли в село Отрок Идринского района Красноярского края. Вскоре отца, Александра Генриховича, забрали в трудовую армию. После войны он вернулся с подорванным здоровьем и в 1947 г. умер. Первую зиму семья жила в землянке, затем на квартире. Мать, Екатерина Александровна, в это время работала и воспитателем в детском саду, и дояркой в колхозе.

В селе Отрок Лев Александрович окончил среднюю школу и в 1955 г. поступил в Томский автодорожный техникум, где проучился до марта 1958 г. По распределению попал в Парабель, но вскоре был призван в армию и служил на Дальнем Востоке. После

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

службы, в 1961 г., вернулся в Парабель, устроился на работу по специальности. В 1962 г. его кандидатуру утвердили на должность начальника Дорожно-ремонтного строительного управления¹. Эту хлопотную и ответственную должность он занимал на протяжении тридцати лет. По сути, почти всю свою трудовую жизнь Лев Александрович посвятил северным дорогам области. И не без основания он считает, что в его время за дорогами следили лучше. За долгий и добросовестный труд награждён медалями «Заслуженный ветеран Томской области», «250 лет дорожной отрасли», «Ветеран труда», «Маршал Советского Союза Жуков», «К 400-летию Томска» и многочисленными грамотами.

Со своей будущей женой, Галиной Ивановной Вяловой (1939 г.р.), Лев Александрович познакомился, когда она работала телефонисткой на почте. Впоследствии она заведовала финансовым отделом в военкомате. Поженились в 1966 г., у них родились два сына: Владимир (1966 г.р.) и Александр (1969 г.р.). Чтобы обеспечить необходимый достаток, семья вела личное хозяйство: держали и коров, и овец, и свиней.

Воспитывать сыновей стало традицией в роду Карловых. У старшего сына Владимира тоже выросли два мальчика – Денис и Данил. Младший сын, Александр Львович Карлов, выбрал редкую и сложную профессию – стал лётчиком. В 1986 г. окончил Парабельскую среднюю школу № 1 и поступил в Рижское лётно-техническое училище гражданской авиации. Учёбу прервала служба в армии, начавшаяся после первого курса. Мечта об авиации не покидала, и, отслужив, Александр продолжил обучение. В 1991 г. он окончил Рижское высшее аэронавигационное училище по специальности «управление движением воздушного транспорта» и получил квалификацию «диспетчера». Свою трудовую деятельность по специальности Александр Львович начал в Парабельском аэропорту Колпашевского авиапредприятия – одного из крупнейших в Западной Сибири. После ликвидации предприятия прошёл путь от слесаря до инженера 1-й категории. В 2003 г. был приглашён в администрацию Парабельского района на должность заместителя главы района по жилищно-коммунальному хозяйству, строительству, промышленности, транспорту и связи. В октябре 2005 г. его карьера на госслужбе продолжилась: он был избран главой администрации Парабельского

¹ *Нетленна* лишь память: Судьбы российских немцев Парабельского района /авт. проекта Л. Я. Кокуркина; ред. текста М. Чупченко. – Парабель: [Б. и.], 2012. – С. 49.

района. В октябре 2010 г. был переизбран на второй срок. Александр Львович является авторитетом для своих односельчан уже многие годы. Нелёгкую ношу руководителя районного масштаба и высокий общественный рейтинг он успешно сочетает с обязанностями семьянина, вместе с женой они воспитывают трёх сыновей: Олега, Леонида и Матвея¹.

Лев Александрович служит для сыновей не только примером сверхответственного отношения к порученному делу, но и внимания к домашним хлопотам. Он многое умеет делать по дому, часто готовит, например холодец и котлеты. В его же памяти с детства и навсегда останется мамин «ривелькухе» – пирог с посыпкой. Лев Александрович считает себя человеком верующим, отмечает православные Рождество и Пасху, на которые готовит праздничные блюда. Не без сожаления отмечает, что в Сибири его семьёй, оставшейся без отца, были восприняты в большинстве своём русские традиции, а немецкие время не пощадило.

В настоящее время Лев Александрович с удовольствием трудится на земле и по праву может гордиться своим приусадебным участком. Наше внимание привлекли красивый и ухоженный палисадник, где благоухали самые разнообразные цветы, большой огород с грядками, теплица, где растут огурцы и помидоры, внушительных размеров деляна с картошкой и ягодные кусты. Самым причудливым элементом двора является небольшой фонтан, украшенный искусственными пальмой, уткой и попугаем. Рядом с ним установлены качели с удобным сиденьем, на котором притягивают взор уютные бархатные подушки. Этот экзотический уголок любовно создан дедом не только для собственного отдыха, но и для внуков и скрашивает летний досуг Льва Александровича после выхода на пенсию.

Лев Александрович произвёл на нас впечатление человека сдержанного и немногословного, но за его лаконичным рассказом угадываются глубокие внутренние переживания и раны, нанесённые нелёгкой судьбой, постигшей всю его семью. Символами этого трагического излома и стали белый пароход и землянка.

¹ *Нетленна* лишь память... С. 50.

О.М. Рындина

СКАЗАНИЕ О КНАУБАХ*

В Сибирь немцев депортировали семьями. Здесь они обживались, со временем дети обзаводились собственными семьями, и род продолжался новыми поколениями. Бывает, потянешь за веточку, а она склонит перед тобой целую ветвь родословного древа. Так в ходе экспедиционных сборов произошло и с семьёй Кнаубов.

Дед Минны Христиановны Кнауб (в девичестве Христенко) по отцовской линии – Филипп Христенсон. Вместе с женой Елизаветой он имел шестерых детей: трех сыновей – Генрих, Яков и Христиан □ и трех дочерей – Софья, Анна и Амалия. Дедушка умер в 1918 г., а бабушка – в голодном 1933-м.

В 16 лет родители отправили сына Христиана в город, позднее переименованный в Энгельс, так как у большой семьи было мало земли. Определили его на учёбу и работу к помещику Думлеру, который вёл торговлю. Из города дед ушёл в армию, служил в Турции писарем, так как имел красивый почерк. За время службы в армии выучил турецкий язык, а всего знал 6 языков – ещё немецкий, русский, украинский, татарский и казахский. Вернувшись из армии, вновь работал у Думлера. Дважды женился, но жёны рано умирали. В первом браке родился сын Яков, во втором – три дочери. Третьей женой стала Амалия Филипповна – мать Минны Христиановны.

Дед и бабушка Минны Христиановны по материнской линии – Филипп и София Хербер. Их дети – Филипп, Готлиб, Готфрид, Розина, Елизавета и Амалия. Деда Минны Христиановны, два Филиппа, дружили: хоть жили и неблизко, но вечерами встречались, чтобы посидеть вместе, поговорить, и не знали, что им суждено стать сватами. Жёны у них были из других мест, из разных деревень, а все родственники – из одной деревни.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

Минна Христиановна Христенсон родилась 4 июля 1925 г. в деревне Шефер Красноярского кантона Республики немцев Поволжья, в семье Христиана Филипповича Христенсона и Амалии Филипповны Хербер. Кроме Минны, родилось ещё 7 дочерей, но выжили лишь Зина, Соня и Ида. Кроме родных детей, в семье воспитывали и приёмного сына – глухонемого Ивана. Его родители уехали в Америку, а его, как больного, не выпустили. Он отбыл в трудармии, жил в Новокузнецке, где и умер в больнице. В Новокузнецке живёт и его сын.

Отец, Христиан Филиппович, работал в то время продавцом в колхозном магазине, а мать была домохозяйкой. Отца обвинили во вредительстве, так как из склада в магазине пропала соль. Его осудили, приговорив к 3,5 годам исправительных работ. Филипп Христианович отбывал наказание в 10 км от родного села. За 3 месяца до окончания срока семью депортировали в Сибирь. Христиана Филипповича забрали в трудармию, тоже сослали в Сибирь, в Кемерово, но с семьёй он так и не встретился. Позднее стало известно, что умер он в 1945 г., в возрасте 62 лет.

В 1940 г. Минна окончила школу с отличием и легко поступила в педтехникум, но долго учиться не пришлось. В декабре 1940 г. вышел указ об оплате за учёбу. С матерью решили, что Минна вернется домой, а по возвращении отца продолжит учёбу. Но война всё расставила по-своему. Минна работала в колхозе. Когда подошло время покоса, её определили учётчицей и послали на поля. Вместе с ней отправили поваром ещё одну девушку – Елизавету. Мужчины поставили себе и им шалаш. День клонился к вечеру, и Лиза предложила Минне навестить знакомых, живших неподалёку. Там им сообщили о решении Сталина выселить немцев. Девушки бегом побежали на стан сообщить новость мужчинам. Те не поверили, сами побежали к знакомым и убедились в правдивости сообщения. Все решили ехать домой, но не через райцентр Красный Яр, а другой дорогой. До родного села тоже дошла страшная весть.

Два семьи, Амалию Филипповну с 4 дочерьми и семью её брата Готфрида, вывозили вместе на трёх подводах. Бабушке Софье было в то время 86 лет, её посадили в кабину машины. Она жила с семьёй сына Готфрида. Привезли на станцию, всех родственников поместили в грузовой вагон-«телятник», без окон. В этом же вагоне оказалась и семья сестры Минны Христиановны – Елизаветы. Поскольку основная дорога «была занята войной», везли окружным путём, через Казахстан. Почти месяц добирались до Новосибирска. В дороге

всякое бывало: рождались, умирали и замуж выходили, чтобы не потерять друг друга. Дочь Готфрида родила девочку и мальчика, они умерли в дороге, в Семипалатинске. Из Новосибирска Минну Христиановну с дочерьми отвезли в деревню Петровка. Там прожили год, а затем всех отправили в Каргат. Из Новосибирска на пароходе неделю везли до Нарыма. Здесь распределяли кого – куда, а остальных завезли на обратном пути в Парабель.

Минна Христиановна заготавливала дрова в Мелькомбинате, на лесозаготовке работала наравне со взрослыми, валила и сплавляла лес. Женщины тянули брёвна, как лошади. Немцев не любили, обзывали «фашистами». Однажды Минна опоздала на 5 минут на работу, за это её выпороли вожжами. Норма хлеба на неё составляла 600 г, матери полагалось 200 г, двум сестрёнкам – 300 г. Всего на семью приходилось 1 кг 100 г хлеба. На рыбозаводе работала 15-летняя сестра Зина, но с её заработка вычитали столько, что и получать было нечего, всего 5–6 рублей в месяц, а ведро картошки стоило 300–350 руб. Мать всё, что можно было, меняла на картошку. В пищу шли лебеда и крапива. Амалия Филипповна помогала местным жителям копать картошку, доить коров, за это ей кое-что давали из продуктов. Постепенно налаживался контакт с местными жителями. Однажды русский дед Агеев, заколов скотину, принёс и дал кусок мяса Минне. Ситуацию осложняло незнание или плохое знание переселенцами русского языка. Так, мать Минны, Амалия Филипповна, совсем не знала русского языка и была малограмотной. Всё же семья выжила, и, словно наперекор судьбе, Амалия Филипповна прожила долгую жизнь и умерла в 1993 г., в возрасте 97 лет.

В 1943–1946 гг. Минна Христиановна работала на промкомбинате разнорабочей, затем – на кирпичном заводе. В апреле 1945 г. её позвал замуж немецкий паренёк. Она отказалась: ещё не закончилась война, впереди маячило голодное лето. Осенью он снова пришёл с предложением о женитьбе. Минна Христиановна подумала, что всё равно рано или поздно надо будет устраивать жизнь, и согласилась. Так она вышла замуж за поволжского односельчанина Адама Христиановича Кнауба. Он родился в 1922 г. в селе Шефер Красноярского кантона Республики немцев Поволжья. Его родители: мать – Розина Кнауб (урождённая Реклина), отец – Христиан Кнауб.

Единый вихрь истории сделал судьбы Адама Христиановича и Минны Христиановны удивительно похожими, они вписались в одни хронологические и географические рамки: родились в по-

волжском селе Шефер в первой половине 1920-х гг., в 1941 г. высланы в Новосибирскую область, в 1942 г. оказались на спецпоселении в Нарымском крае. 10 июля 1942 г. в Парабельский райисполком и на рыбозавод пришла телеграмма из Нарымского окрисполкома и Новосибирского госрыбтреста о направлении к ним немцев-поселенцев в качестве рабочих гослова. Всего направлялось 2 000 человек, главным образом женщины и дети. Они размещались в разных населенных пунктах, например, в Нарыме и Парабели – по 600 человек, Алатаево – 400, Невальцево и Городище – по 200¹. Среди этих двух тысяч немцев и оказались Адам Христианович и Минна Христиановна.

Весть о выселении Адам Христианович узнал утром от милиционера, который разнёс её по всему селу. На сборы дали 24 часа. Утром следующего дня подогнали подводу: на семью полагалась телега. Переселенцы брали с собой прежде всего продукты, необходимые вещи и документы. Никто не понимал тогда, куда, зачем и на какой срок увозят. Семью Адама Христиановича привезли в Каргат, где она пробыла около недели, затем погрузили на баржу и отправили в Нарымский край. Высадили на острове Запой, что напротив Парабели, отсюда уже расселяли по окрестным деревням. Семью Минны Христиановны отправили в Костарево, а Адама Христиановича – в Вялово. Нарымский край встретил холодом и голодом. Переселенцы вручную корчевали могучие кедрачи, сооружали «землянки», окна в которых затягивали бычьим пузырьём. Внутри жилища стояли лишь топчаны. Многие умирали в таких условиях.

Жизнь между тем продолжалась. В Костарево Адам Христианович познакомился с девушкой по имени Минна. Он был видный парень – гармонист, но она старательно обходила тему о замужестве. Наконец, согласилась. Брак Адама Христиановича Кнауб с Минной Христиановной Христенсон зарегистрирован 11 декабря 1945 г. Молодые долгое время жили у родителей мужа. Затем молодую семью через комендатуру отправили в деревню Кальджа, расположенную в 20 км от Парабели. Там, в колхозе, нужен был кузнец, а Адам Христианович имел начальное образование и занимался кузнечным делом. По мере возможности он оставался верен своей профессии. Согласно записям в трудовой книжке, 24 августа 1942 г. был принят на должность кузнеца в управление «Облместпром». На переезде на-

¹ Чупченко Маргарита. Понять и простить // Нарымский вестник. – 2011. – 2 сент.

стаивали и сами молодые: тесно было жить в небольшом родительском доме. В Кальдже примерно в 1949 г. «помочью» построили дом на краю села. В нём и родились все дети. Молодая семья быстро превращалась в многодетную: в 1948 г. родился первенец – сын Виктор, в 1950 г. – Александр, в 1951 г. – Юрий, в 1953 г. – Валерий, в 1955 г. – Владимир, а в 1957 г. – единственная дочь Екатерина. Поскольку роддом находился в Парабели, у части детей в графе паспорта «место рождения» указана Парабель, а у части – Кальджа.

Отсутствие записи в трудовой книжке Минны Христиановны и Адама Христиановича за часть 1940–1950-х гг. объясняется тем, что оба работали в колхозе, а там давали лишь справки. Минна Христиановна убирала лён на колхозных полях, ухаживала за скотиной. В первые послевоенные годы не стало легче: отменили карточки на хлеб, кое-что стало появляться в магазинах, но выстраивались такие очереди, что можно было простоять весь день и не купить ничего. «Зато сейчас ешь – не хочу, а годы ушли», – заключила в своём дневнике Минна Христиановна. Хотя супруги держали небольшое хозяйство, но за него брали такие налоги, что на долю семью мало что оставалось.

В 1958 г. семья Кнаубов переехала на Кирзавод, расположенный рядом с Парабелью. Здесь она смогла приобрести небольшой домик, состоящий из одной комнаты. Отсутствие перегородок отчасти компенсировала печь, делившая помещение на комнату и кухню. Семья из 8 человек жила в домике, как в бочке. В течение года с помощью братьев Адаму Христиановичу удалось построить новый дом, в котором имелись две комнаты, прихожая и кухня, и в 1960 г. семья вселилась в него. На Кирзаводе в 1958 г. Адам Христианович был определён на должность кузнеца 6-го разряда в Парабельский райпромкомбинат, а с 1974 г. работал кузнецом 1-го разряда. Короткий отрезок времени, с 1966 по 1967 г., трудился слесарем на ремонте кирпичного завода. По личным воспоминаниям, запечатлённым в сочинении внучки, Адам Христианович работал и пимокатом. На Кирзаводе супруги обзавелись скотиной, имелся огород, появились овощи, мясо, сало, молоко и молочные продукты. Дети уже не голодали. Хоть хлеб был чёрным, зато его было вдоволь.

С 25 ноября 1965 г. Минна Христиановна начала работать в отделе культуры Парабельского райисполкома и стала заведующей кирзаводским сельским клубом. Десять лет жизни было отдано любимому делу, и в 1975 г., согласно записи в трудовой книжке, Минна

Христиановна была «освобождена от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию». Теперь в ее жизни гармонично соединились профессиональная деятельность и разнообразие семейных талантов. Природа щедро одарила Адама Христиановича музыкальными способностями: он играл на мандолине, скрипке, гитаре, гармошке, балалайке. Благодаря увлечённости родителей, и прежде всего Минны Христиановны, семья превратилась в мини-оркестр народных инструментов: отец играл на разных инструментах, мать – на гитаре, Юрий – на баяне, Валерий – на бубне, Владимир – на балалайке, Екатерина – на нескольких инструментах, Александр был ведущим басом, и лишь Виктор «струны рвал». Семейный коллектив давал концерты в Томской и Новосибирской областях, участвовал в районных и областных конкурсах и награждался грамотами, дипломами, в том числе дипломом лауреата в конкурсе творческих семейных программ.

Екатерина Адамовна окончила в Парабели среднюю школу, а её брат Александр – лишь 8 классов, так как нужно было работать и помогать семье. Екатерина Адамовна продолжила образование в Томске, где окончила училище, получила специальность в сфере торговли, вернулась в Парабель, где и работала по специальности. Являясь активной участницей художественной самодеятельности, Екатерина Адамовна в 2003 г. стала лауреатом конкурса народной песни областного фестиваля «Томская мозаика». О её волевом характере свидетельствуют десять лет игры в районной команде по волейболу, где она была капитаном, и страстное желание защищать как можно лучше честь района. Муж Екатерины Адамовны – Денисюк Виктор Станиславович. Родился в Алтайском крае, вырос в детском доме в Колпашево. Получил специальность инженера по связи, с 2014 г. находится на пенсии. В этом же году Лидия Яковлевна Кокуркина предложила Екатерине Адамовне вместо неё возглавить центр немецкой культуры. Подумав, Екатерина Адамовна согласилась. Работа с нашей экспедицией стала для неё первым крупным делом на этом поприще.

В семье Денисюков выросли две дочери – Светлана (1974 г. р.) и Эльвира (1983 г. р.). К следующему поколению принадлежат две внучки, Катя и Оля, и внук Саша. Светлана окончила экономическое отделение Томского государственного педагогического университета и работает в Парабели кладовщиком на предприятии нефтяной отрасли. Эльвира получила два высших образования, окончив Том-

ский государственный политехнический университет и Томский государственный университет, работает в Новосибирске финансовым директором на частном предприятии по транспортировке газа.

Александр Адамович Кнауб женат на Марии Флориановне, в девичестве Ибель. Она проработала 40 лет медсестрой в парабельской больнице. Её родители жили в деревне Новая Колония Саратовской области. Были выселены в 1941 г. вместе с детьми на Алтай. Умерли родители в Германии, куда выехали после начала перестройки. В семье Александра Адамовича Кнауба двое сыновей – Евгений (1973 г. р.) и Пётр (1978 г. р.). Евгений окончил Томский государственный политехнический университет и работает в Парабели на нефтепроводе, отвечает за электрохимзащиту. Пётр окончил училище связи и тоже работает в нефтегазовой отрасли – сварщиком на газопроводе. К поколению внуков принадлежат две внучки, Полина и Анна, и внук Павел. В настоящее время семья всех братьев и сестры Кнаубов насчитывает 11 внуков и 15 правнуков. Интересная тенденция – дети постепенно возвращаются на Кирзавод, строят там себе дома.

По разным причинам не состоялось возвращение на историческую родину – в Германию. Адам Христианович Кнауб хотел уехать туда, но Минна Христиановна решение вопроса предоставила детям, а они отказались. Екатерина Адамовна подтвердила, что ей нравится в Парабели. Она побывала во многих местах, но считает, что лучше здешних – нет. Такая красота вокруг – лес, река, и всё есть: ягоды, грибы, рыба, звери. Идёшь по посёлку – тебя все знают, говорят «Здравствуйте!», улыбаются. И жить радостно. А в городе никто тебя не знает, не смотрит в твою сторону, а только мимо или под ноги.

Уехать в Германию собирались и Александр Адамович с Марией Флориановной, ходили на языковые курсы при немецком центре в Парабели, хотя язык знают, причём диалектную разновидность. Александр Адамович не умел писать по-немецки. В Новосибирске сдали экзамен на знание немецкого языка. Получили вызов, но на этом всё и закончилось: дети отказались переезжать. Оба сына. У одного жена – русская, у другого – немка, но отказались оба. Причина – в Германии сложно будет устроиться на работу по специальности.

Так укоренились на Нарымской земле поколения Кнаубов, несмотря на то, что она стала вынужденным и горестным пристанищем для дедов и прадедов. Адам Христианович снят с учёта спецпоселения 29 января, а Минна Христиановна – в феврале 1956 г. Согласно

справке, выданной Управлением внутренних дел Администрации Томской области в 1993 г. на основании закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., Адам Христианович полностью реабилитирован. Он вышел на пенсию 31 марта 1977 г. Награждён медалями «Ветеран труда» в 1980 г., «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 1995 г., юбилейной медалью «Маршал Советского Союза Жуков» в 1997 г. Ему объявлено 6 благодарностей с занесением в трудовую книжку «за образцовый труд и дисциплину». Умер он 29 марта 2003 г. в возрасте почти 81 года. Награды Минны Христиановны – «Медаль материнства» I и II степени и медаль «Ветеран труда» – подчеркнули её заслуги на семейном и трудовом поприще. Она ушла из жизни 7 марта 2013 г.

Немецкие традиции и поведенческие стереотипы сохраняются и на парабельской земле. К специфическим качествам немцев Екатерина Адамовна отнесла чистоплотность, точность и уважение к старшим. Родителей называли исключительно на «Вы». Когда старшие сидели с гостями за столом, нельзя было крутиться вокруг, иначе потом «уши будут, как фарш». Рачительность также отличает немцев. Минна Христиановна всё пускала в дело. Из изношенной одежды или шила салфетки, которые требовались во время работы на кухне, при приготовлении пищи, или рвала её на ленты, из которых вязала круглые половики..

В бытовой сфере этническое своеобразие заметнее всего проявляется в пище. К немецким блюдам отнесены следующие. Во-первых, это выпечка. «Кихель» – «постряпушки» из теста, замешанного на сметане, простокваше, и жаренные на жиру. «Ривелькухе», или «кухе», как обычно называют пирог. Его Минна Христиановна пекла каждую субботу для чая после бани. По субботам на Кирзаводе обязательно убрали в доме и мели перед ним улицу. Минна Христиановна наставляла дочь: «Дома не вымой, а улица чтобы была чисто выметена». К немецким отнесено мясное блюдо из брюшины. Кусочки мяса солили, перчили, раскладывали на листе теста и, обернув им, ставили томиться в русскую печь. Когда блюдо было готово, тесто отдавали скотине, а мясо в холодном виде на блюде подавали на стол. Для приготовления колбас очищенные кишки начиняли мясным фаршем. При этом обязательно использовали приспособление для начинки – «раструб», который крепили к мясорубке. Колбасы коптили или томили в русской печи. Минна Христиановна всю

еду предпочитала готовить в русской печке. Сало по-немецки («Deutschspeck») неделю выдерживали в рассоле. На железные листы клали палочки, на них – сало и ставили томиться в русскую печь. Сохранилось в немецкой кухне и предпочтение, отдаваемое рулетам. Минна Христиановна утром часто потолчёт картошку, добавит яйцо, муку, выкатает всё, свернёт в рулет, нарежет и обжарит на масле. Получался такой вкусный завтрак.

Ещё одной немецкой чертой является любовь к ручной работе, особенно в обработке дерева. Александр Адамович Кнауб – прекрасный столяр и плотник. Его путь к дереву был окольным. Получив в Томске специальность зубного техника, он долгое время работал по специальности. Увлёкся изготовлением фигурок из гипса. Затем перешёл к обработке дерева. Свою мастерскую с удивительным запахом свежей стружки считает «первым домом» и содержит в образцовом порядке. Сначала изготавливал на заказ табуретки, наличники, а сейчас главным образом помогает детям. В настоящее время мастерит три солярные розетки для балкона сыновнего дома. Себе за два года построил прекрасный дом, изысканно отделанный резьбой, ставший без преувеличения украшением всей Парабели. Отец, Адам Христианович, помимо кузнечного дела, также пробовал свои силы и в изготовлении мебели – мастерил столы и стулья. Прекрасным столяром был его младший брат, Богдан Христианович. Он работал в столярной мастерской, и раньше в домах у всех Кнаубов стояла только им изготовленная мебель. Часть этой мебели до сих пор хранится в чулане у Екатерины Адамовны.

Обрядовая сфера немецкой культуры сохранилась главным образом в воспоминаниях. Памятно Рождество, к которому наряжали ёлку. Вечером, 24 декабря, в гости приходили два персонажа. Тётя Соня наряжалась Крискинди: надевала белую одежду, на голову набрасывала белый капроновый платок, скрывающий лицо, как вуаль. Она напоминала белого ангела. В руках она держала сумочку с подарками, предназначенными для послушных детей и детей, рассказывающих стихи по-немецки. Для непослушных предназначались розги. К ним приходил и Йогель-Могель в вывернутой шубе, в козлиной маске с рогами. Он входил с цепью, на четвереньках и спрашивал у родителей о поведении детей. Провинившихся ставил в угол на соль или на горох. Йогель-Могеля ребяташки очень боялись.

На Пасху красили яйца, готовили «постряпушки». Ребяташки клали под кровать шапки или вешали возле печки рукавицы и жда-

ли, что ночью заяц положит в них подарки. Родители не обманывали ожидания детей, но особенно провинившимся вместо подарков клали овес и «ядрышки». Троицу и Масленицу не отмечали.

Религиозность по-разному проявлялась в семье Кнаубов. Бабушка была лютеранкой и в Сибирь привезла молитвенные книги, которые постоянно читала. У деда были атеистические взгляды. Их разделяла и Минна Христиановна, ругавшая детей, если они носили крестики. Когда Александр Адамович с женой купили после свадьбы репродукцию «Сикстинской Мадонны» и повесили её в комнате, она стыдила обоих, заставляла убрать «эту икону». Тем не менее Екатерина Адамовна крестилась в Тогурской церкви по православному обряду. Её дети тоже приняли православный обряд крещения. Детей Александра Адамовича тайно крестили по католическому обряду на Алтае, в селе Волчиха, на родине матери, Марии Флориановны. Раньше на Алтай для совершения обрядов тайно приезжал пастор, теперь это делается открыто.

Проявляя большое внимание к семейной хронике, Минна Христиановна заботливо собирала и хранила фотографии, документы, в том числе и вывезенные из Поволжья, составила подробную родословную, чтобы передать всё это последующим поколениям. Она переписывалась с Иваном Плешаковым из села Степное Саратовской области и высылала ему оригиналы документов, свои воспоминания, тексты записанных ею немецких песен для написания им книги и диссертации и для передачи материалов в местный музей. Благодаря необыкновенному чувству ответственности Минны Христиановны за сохранение исторических источников и памяти о прошлом удалось показать историю семьи и в настоящей статье.

В.С. Ефремова

ЖИТЬ С БЛЕСКОМ В ГЛАЗАХ

(о Кривенко (Фрибус) Марии Германовне)

Родилась Мария Германовна в 1936 г. в Саратовской области, в деревне Фишер Марковского района. Мать, Лидия Давыдовна Тырбах, родилась 17 мая 1911 г., прожила долгую жизнь и умерла в возрасте 97 лет. Отец, Герман Августович Фрибус, 1914 г. р., умер рано, когда ему было около 30 лет. Мария Германовна помнит дедушку, Давыда Егоровича Тырбах, и бабушку, Екатерину Фёдоровну, по материнской линии. Дедушка служил в церкви и слыл человеком одарённым. Как вспоминает Мария Германовна, он играл практически на всех музыкальных инструментах – духовых, мандолине, гитаре. Кроме того, он был хорошим сапожником и мог сшить любую обувь – лакированные туфли, сапоги. У Марии были братья, Витя и Саша, и сестра Роза, которых она вспоминает с огромной любовью.

В деревне Фишер семья жила богато, вела большое хозяйство: 4 коровы, 4 лошади, 18 овец, 40 кур¹, а также гуси, свиньи, козы и даже верблюд. Отец очень любил скотину, он мастерски солил и вялил свиное мясо, окорочка и хранил запасы на чердаке. Домашнее подворье включало сад, огород и бахчу: кроме различных овощей и фруктов выращивали арбузы и дыни. Однажды, когда семья собирала урожай, маленькая Маруся решила взять самый большой арбуз. Как, смеясь, вспоминает Мария Германовна, она была «жадненькая» девочка и, выбрав арбуз, смогла пронести его буквально метр, как он выпал и раскололся. Тут все подбежали, и папа сказал назидательно: «Что, доченька, раскололся арбуз? Садись и ешь его!». С большим хозяйством помогала справляться прислуга – тётя Эмма.

¹ *Кожуркина* Лидия (Фрибус). Листая памяти страницы. История семьи Фрибус // Неленна лишь память: Судьбы российских немцев Парабельского района. – Парабель: [Б. и.], 2012. – С. 33.

Детские воспоминания Марии Германовны связаны и с домашними животными. Как-то она играла в прятки со своими братьями и сестрой и, будучи смышлёной девочкой, хитро спряталась, притаившись в яслях, рядом с которыми лежал и из которых ел верблюд. Дети долго искали её и, не найдя, пожаловались тётке Эмме. В это время Мария сидела в укрытии, подслушивая их разговор, а верблюд жевал корм у неё в ногах. Прислуга зашла во двор, нашла её и обещала всё рассказать отцу. Он любил свою дочку и ругать не стал, однако гулять на улице запретил. Запомнился маленькой Марии и буйный козёл, часто бодающий всех. Так, однажды он забодал Эмму, повредив ей поясницу, после чего женщина всю оставшуюся жизнь ходила переваливаясь.

На момент переселения из Поволжья в 1941 г. Марии было 5 лет. Семья успела собрать часть вещей, которые погрузили и увезли с собой. Среди них Герман Августович привёз несколько духовых инструментов и мандолину. У матери были шикарные платья, часть из них она также взяла с собой. Мария Германовна рассказывает, что когда их увозили, то вся скотина ревела, чувствуя, что творится что-то неладное.

Семью Фрибусов привезли в Новосибирск и поселили на заброшенной даче в пригороде. Германа Августовича определили на работу сторожем и выдали ему винтовку. Маленькая Мария помнит, что на даче росли лук и овощи. По соседству с ними жил Костя Новосельцев, который заведовал базой и с которым у отца сложились хорошие отношения. Костя приносил с базы всевозможные продукты для семьи Германа, благодаря чему она никогда не испытывала трудностей с едой: на столе появлялись и масло, и мясо и прочие деликатесы военного времени. Отец разговаривал с Костей по-русски. Уже в Нарыме, когда отца не стало, дошли вести, что Константин запыл, а потом утонул.

Несмотря на хорошие условия жизни, отец рвался в Нарым, считал, что нужно ехать туда вместе со всеми немцами. Начальник его не отпускал из Новосибирска, отговаривал, предупреждая о суровом климате, о том, что он в Нарыме долго не протянет. Отец не изменил решения, и семья поехала в Нарым. Им дали квартиру в двухэтажном доме, поставленном на затопляемом месте. Семья Фрибус какое-то время жила там. Суровые условия жизни буквально выкашивали её: смерть начала уносить детей ещё во время проживания под Новосибирском, а в Нарыме и вовсе разошлась — умерли все дети,

включая и братишку Костеньку в возрасте около двух лет. Из-за сырости в доме в скором времени заболел туберкулезом отец и через год умер. После его похорон пришли «уполномоченные» и забрали музыкальные инструменты и винтовку отца. Мария помнит, как двое мужчин снимали их со стен, а она плакала и просила оставить эти «ценности». Отец обещал научить дочь играть на гитаре, и она до сих пор грустит-сетует, что так и не научил.

В семье Фрибус говорили по-немецки. Отец до самого последнего дня говорил на родном языке. Постепенно язык стал забываться, но молились в семье по-прежнему по-немецки. Мария Германовна и по сей день помнит одну из молитв на немецком и прочитала её. Мать и отец из Поволжья взяли с собой две Библии, которые Мария Германовна хранит по сей день.

После смерти отца для маленькой Марии и её матери началась трудная жизнь. Они многократно переезжали, их изрядно помотало по окрестностям Парабели. Мать, Лидия Давыдовна, вышла замуж за местного остряка Ивана Васильевича Кундина. Как рассказывала сестра Евгения, остряк просил руки, наставив на мать ружье, пока та не дала согласия выйти за него замуж¹. От того брака родились сестры Лидия, Полина и Евгения и брат Василий.

Мария смогла окончить только 2 класса. В 16 лет пошла на свою первую работу – на лесозаготовку в село Новиково. Валила деревья, обрубала сучья и тут же жгла их. Жить приходилось в бараках. Чтобы физически поддержать дочь, мама отправляла ей колобки, скатанные из картошки с маслом. На лесозаготовку часто приезжал начальник из Парабели с проверкой, чтобы убедиться, что «работа кипит». Зимой Мария проработала, а весной вернулась домой, получив зарплату и премию «за послушание и эффективность» – целых 10 метров ткани. Из этой ткани сшили постельный комплект с пододеяльником. Трудовой стаж Марии Германовны включил 12 лет работы санитаркой, 18 лет в районном финансовом отделе, а также труд на молокозаводе и какое-то время на рыбзаводе.

Несмотря на свой небольшой рост, Мария была видной девушкой, постоянно окружённой поклонниками, особенно когда ей было лет 17–18. У неё были роскошные длинные волосы, которые она заплетала в косу и укладывала ободком вокруг головы. На фотографии, висящей на стене в гостиной, изображена Мария Германовна в возрасте 25 лет. У неё причёска с воздушной укладкой волос надо

¹ Кокуркина Лидия (Фрибус). Листая памяти страницы... С. 34.

лбом, какие нередко можно увидеть на фотографиях немецких женщин тех лет. На другой фотографии она запечатлена в платье из креп-жоржета. «Ни у кого такого не было. Дорогая ткань», – гордится нарядом Мария Германовна. В юности весёлая Мария любила ходить на танцы, где собирались все: русские, литовцы и латыши, местные остяки – народу всегда было много. Кто приходил с аккордеоном, кто – с гармонью, у кого появлялся баян, а кто просто пел. Голос у Марии Германовны красивый, и она любит петь. Иногда её приглашают на мероприятия, проводимые сотрудниками соцзащиты, где собираются люди преклонного возраста, поют и танцуют, но она говорит, что своё уже отплясала. Сейчас Мария Германовна в свободное время в основном вышивает.

В 1958 г. Мария вышла замуж за фронтовика Григория Ивановича Кривенко. Познакомились в Парабели. Свадьбу сыграли скромно. Мария Германовна почти ничего о ней не рассказала, но на провокационный вопрос, был ли на празднике самогон, твёрдо ответила, что подавали чистую водку. При этом ни Мария, ни Григорий её не пили. Первой в семье родилась дочь Людмила, сейчас она живет в Томске, а затем дочь Наталья. Как и отец, Мария Германовна очень любит скотину и даже лет 5–6 с мужем держала её. В 1999 г. муж умер. Сейчас Мария Германовна живет в квартире, которую ей дали как вдове. В связи с переездом она продала свою усадьбу на Учебной улице, о чём сейчас сильно жалеет. Там у неё стояла отличная баня, имелись засаженные всевозможными овощами и кустами 15 соток, новая ограда. Мария Германовна мечтает вернуться жить в собственный домик, но пока такая перспектива отсутствует.

У Марии Германовны было счастливое детство в Поволжье, суровые отрочество и юность, опалённые войной и связанной с ней депортацией в Сибирь, насыщенная трудовая жизнь, как у многих. Но она, несмотря на трудности и лишения, шла по жизни весёлой и задорной, с красивым блеском в глазах, такой она остаётся и сегодня.

В.С. Ефремова

СИЛЬНАЯ НАТУРА

(о Луговской (Шпетер) Екатерине Алексеевне)

Родилась Екатерина Алексеевна 4 апреля 1936 г. в Поволжье, в селе Роледер Саратовской области Красноярского района. Мать, Шпетер Клара Андреевна, умерла в возрасте 85 лет, дату её рождения Екатерина Алексеевна уже не помнит. Отца, Алексея Андреевича, не помнит тоже. Единственное, что о нём известно, так это то, что его забрали из Новосибирска в трудармию, откуда он не вернулся. Росла Катя со своими сестрами, Розой и Марией, без отца. Став взрослыми, они пытались разыскать следы отца, но безуспешно.

Семью Шпетер в 1941 г. сослали в Каргатский район Новосибирской области. Вывозили из села Роледер на лошадях. Произошло это, когда Кате было 4 года. Как вспоминает Екатерина Алексеевна, с собой почти ничего не взяли. Успели только собрать небольшие узелки и в них унесли самое необходимое. Однако и с ним пришлось расстаться, чтобы выжить. Так, добротные юбки матери пришлось во время скитаний променять на картошку, комбикорм, отруби и другую еду.

Примерно через год партию переселенцев привезли ночью на барже и высадили на берегу возле Парабели. Мужчин среди прибывших не было, только женщины и дети. После тяжёлой ночи утром всех развезли на лошадях по округе. Шпетеров поселили в Больших Буграх, недалеко от Парабели. Там, в лесу, стояли бараки, в которых они и жили. Мать работала в Парабели подёнщицей и ежедневно ходила туда и обратно. Когда Катерине исполнилось лет 7–8, мать нашла заброшенную избушку в селе Голещихино, располагавшемся рядом с Большими Буграми. Там и поселились. Как говорит Екатерина Алексеевна, домик был больше похож на курятник.

Екатерина Алексеевна вспоминает и жизнь семьи в землянке в деревне Заполой, также расположенной в окрестностях Парабели. Спали на нарах, из мебели имелась лишь скамья. Стараясь поддер-

живать чистоту в землянке, девочки насыпали на пол песок. Вокруг землянки делали ограду из красных прутьев. Когда прибывал пароход «Пожарский», ограду и песок на полу смывало, и приходилось каждый раз всё переделывать заново¹.

Пока мать работала в Парабели у людей, младшая сестра сидела дома, а Катерина ходила и просила милостыню. Чтобы заработать, нянчила детей, в том числе и местной акушерки. Несмотря на это, она ходила в школу и окончила 5 классов. Время было очень тяжелое. По воспоминаниям, мать с дочерьми ходили полураздетыми, одежды толком не было. Однажды мать принесла «шахтёрские ботинки», пришла к ним голенища из мешка и таким образом смастерила обувь. Ходить в ней «было очень хорошо, тепло», как вспоминает Екатерина Алексеевна, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась.

Старшая сестра Роза устроилась работать на рыбзавод. Спустя какое-то время от рыбзавода ей выделили домик по Комсомольской улице, позднее его снесли. Когда Катерине исполнилось 15 лет, старшая сестра договорилась на рыбзаводе, чтобы приняли на работу и младшую. Обычно в таком возрасте детей не брали, но в данном случае пошли навстречу, и Катерина присоединилась к сестре, включившись в недетский труд. Чтобы выжить, приходилось постоянно работать. После рыбзавода Екатерина Алексеевна устроилась в больницу, ей оформили перевод, чтобы она не потеряла непрерывный стаж. Некоторое время Екатерина Алексеевна работала на полях, на лесозаготовке. Тогда ещё не было бензопилы «Дружба», и положенные 3 кубометра, которые нужно было сдать по плану, заготавливали обычной ручной пилой.

Замуж Екатерина Алексеевна вышла за русского парня – Андрея, 1930 г. рождения. Он вернулся из армии, отслужив четыре года в Германии. Познакомились они на рыбзаводе, год дружили, и Андрей решил жениться на красивой девушке. Ей было на тот момент лет 18–19. Жених хорошо понимал немецкий язык. Екатерина вечерами разговаривала с матерью по-немецки о будущем муже, а он украдкой подслушивал. И лишь спустя какое-то время тайна раскрылась: Андрей сообщил, что понимает немецкую речь. Как вспоминает Катерина Алексеевна, это было совершенно неожиданно для неё. Она пришла домой и сказала маме: «Представляешь, а он-то всё знает!»

¹ *Нетленна* лишь память: Судьбы российских немцев Парабельского района /авт. проекта Л. Я. Кокуркина; ред. текста М. Чупченко. – Парабель: [Б. и.], 2012. – С.12.

Сватовство, по воспоминаниям Катерины, проходило скромно, всего лишь попили чай. Так же скромно отметили свадьбу. Молодым подарили ковёр, матери жениха и невесты – подушки (мать Катерины – ей, а мать Андрея – соответственно ему). На свадебном столе стояла простая еда: толчёная картошка, рыба – никаких изысков. Из традиционных блюд был только пирог с посыпкой – ривелькухе. Первое время молодые супруги жили с родителями мужа. В доме стояли только деревянные кровати, стол и стулья. Матрас у молодой пары был набит соломой, одеяло – байковое. К сожалению, супруги прожили вместе лишь 18 лет, и Андрей Иванович умер.

Со вторым мужем Екатерина Алексеевна прожила полтора года в Каргаске и вернулась в Парабель. При втором муже в семье появилось личное хозяйство – держали корову. До этого в семье Катерины Алексеевны скотины почти не было. Вспомнилась лишь рыжая корова, которая почти не давала молока и которую на что-то променяли.

У Катерины Алексеевны росло трое детей – старшая дочь Любовь, младшая Елена и сын Сергей. К сожалению, Елена умерла в возрасте 17 лет. Старшая дочь работает воспитателем, зять – тракторист. Сын Сергей окончил училище и также работает трактористом. Все они сейчас живут в Парабели. У Катерины Алексеевны семь правнуков.

Родители Катерины Алексеевны говорили с ней по-немецки и по-русски. Она хорошо знает немецкий язык, и сегодня часто употребляет в речи немецкие слова. Дочь также знакома с немецким языком. К примеру, недавно по телефону дочь рассказывала Екатерине Алексеевне, что готовила сегодня, как бабушка, «Kartoffelknepp» – картофельные «кнедли», или галушки и толчёную картошку. А вот сын Сергей не очень хорошо говорит по-немецки.

По вероисповеданию Екатерина Алексеевна – православная, но редко ходит в церковь, больше молится дома. Как она вспоминает, бабушка первого мужа всегда молилась перед едой, утром и вечером. Её мать, Клара Андреевна, тоже была глубоко верующей и всегда молилась на немецком языке.

В семье отмечали Новый год и Пасху. На Новый год стряпали печенье в виде разных фигурок. На кровать стелили белое полотенце и на него выкладывали разную выпечку, чтобы угощать колядующую молодёжь. Сама Екатерина не колядовала, потому что была уже взрослая, а в детстве ей просто было некогда.

Из детства ей очень хорошо запомнилось, как варили суп с курицей и самодельной лапшой, как тонко-тонко катали тесто, нареза-ли и сушили. Старшая дочь поддерживает немецкие традиции, используя при приготовлении пищи рецепты бабушки Клары. Каждый день Любовь сама ставит тесто, печёт хлеб, пироги с капустой и картошкой, сладкие пироги, как и бабушка. Дочери очень нравится готовить.

Родственники Екатерины Алексеевны переехали в Германию, кроме племянника, живущего в Новосибирске. Она ездила к ним в Германию погостить в 2000 г. Ей очень понравилось на немецкой земле, как она говорит, «там всё по-другому». Но, несмотря на то, что визу оформили на два месяца, она соскучилась по детям и уже через месяц вернулась. Родственники в Германии не забывают русский, но родившиеся там дети уже не знают русского языка. Екатерина Алексеевна мечтает переехать в Германию. Её дочь и внуки не против того, чтобы переехать вместе с ней. Категорически против сын Сергей, и Екатерина Алексеевна не решается на отъезд, чтобы не бросать сына. Он же считает: «Где родился, там и умирать», а Екатерина Алексеевна в ответ домысливает: «Там умирать, а у меня ведь тут дети».

Сейчас Екатерина Алексеевна живет в данной ей комхозом половине двухквартирного дома по улице Трудовой. Дом вытянут вдоль улицы, на торце находятся крыльцо и сени. Сразу попадаешь в небольшую прихожую со столом и шкафчиками. Из неё две противоположные двери ведут в маленькую спальню и комнатку, третья – на кухню, из которой попадаешь в большую комнату. К сожалению, в доме у Екатерины Алексеевны не сохранилось старых вещей. Перед домом разбит красивый палисадник с ровными клумбами, на которых цветут колокольчики и распускаются лилии и ирисы. В огороде растёт картошка, есть теплица. Возле дома, напротив крыльца, выстроены дровяник и сарай. Их поставили ещё до того, как сюда въехала Екатерина Алексеевна.

Жизнь Екатерины Алексеевны была нелегкой. Её семья сталкивалась с множеством трудностей. Сейчас подводит здоровье, но, несмотря на это, в свои 78 лет Екатерина Алексеевна по-прежнему красива и не унывает, а её осанка, как и раньше, подчёркивает гор-дую стать сильной натуры.

А.М. Кыргыз

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ (О Мартыновой (Шмаль) Лидии Готфридовне)

Лидия Готфридовна приняла нас душевно и с пониманием. Мы очутились в домашней гостеприимной обстановке и увлечённо слушали историю её семьи, начиная с жизни в Поволжье. Мать Лидии Готфридовны рассказала ей обо всём спустя много лет, после того как немного улеглась боль. Для неё память о жизни в Поволжье согревала суровое прошлое. Мать, Мария Готфридовна, родилась в 1911 г. в селе Шталь Саратовской области Кукусского района. Отец, Готфрид Петрович Шмаль, родился в 1909 г. там же. Родители Лидии Готфридовны в Поволжье жили спокойной и обеспеченной жизнью. У них было четверо детей. Готфрид Петрович работал конюхом в колхозе. На конных соревнованиях в Саратове он занимал первые места. Мария Готфридовна тоже работала в колхозе. Там никто без работы не сидел, все работали. Совхоз был богатый, поля имел большие, не было видать им конца и края. С них собирали много зерна, целые горы. Держали много скотины, разводили фруктовые сады, а вот картошку почти не садили. Только раз в неделю готовили блюда из картошки, а в основном варили из фруктов супы, вареники с вишней и многое другое.

Вывозили семью Шмаль из Шталя в августе 1941 г. Мария Готфридовна только родила четвертого ребенка, ему еще не было месяца. Когда выселяли, сельчанам сообщили, что это ненадолго и вскоре всех вернут обратно. В семье Шмаль думали, что уедут буквально на месяц и вернуться обратно. Вечером, когда уезжали, подошло время дойки, и стоял страшный рёв скотины, а на всю деревню оставалась одна женщина. Она бегала от коровы к корове, не зная, что делать.

Семью Шмаль вместе с другими немцами погрузили в вагоны, в которых перевозили скотину, и отправили. Везли долго и остановились в Новосибирской области, где и расселили. Примерно через год семью перевезли в Томскую область, в село Парабель. Стояла уже глубокая осень. Выгрузили на берегу Оби и велели не отходить

от места ни на шаг. С собой Шмали взяли только сундучок, где хранили «тряпки», и железную плиту. Сундучок был деревянный, красиво оббитый кованым железом. В него положили только самое необходимое, так как не разрешали ничего брать с собой. Бабушка Лидии Готфридовны настояла, чтобы взяли и железную печь, которая вскоре и пригодилась, когда поселились в землянках. Ещё с собой из Поволжья взяли хорошую прялку.

Утром приехал комендант и распределил всех по местам жительства. Семья Шмаль попала на Кирзавод, что находился рядом с Парабелью. Готфрида Петровича тогда уже не было с семьей, его забрали в трудармию. На руках Марии Готфридовны оказалось четверо детей, младшая сестра и мать, всего семеро человек. На Кирзаводе вырыли землянку и жили в ней. Через неделю всех отправили в деревню Басмасово, где заставили ловить рыбу. Мария Готфридовна заявила, что раньше рыбу в глаза не видела, не то чтобы ловить её. Ей ответили, что со временем научится. В Басмасово вновь вырыли землянку. Приближалась зима. Мария Готфридовна умела вязать на спицах и научилась вязать сети. Этими сетями и ловили рыбу на Оби – нельму и стерлядь. Улов был большой, но рабочим разрешалось брать лишь подпорченную рыбу. Что собакам варили, то и им давали.

Зимой Мария Готфридовна отморозила ноги, так как не было тёплой одежды и обуви. После этого она уже не могла рыбачить, и её вместе с семьей отправили в детский санаторий, в 40 км от Басмасово. Там она работала поваром. Главная сложность заключалась в том, что Мария Готфридовна не умела говорить по-русски. В санаторий привозили больных детей со всего района. Заведующая санаторием была очень внимательной и хорошей женщиной, из раскулаченных. Кто кулаки, кто немцы – все были ссыльными в Парабели. С разрешения заведующей Мария Готфридовна сшила детям одежду из списанных простыней. Так потихоньку оживали.

В 1947 г. вернулся из трудармии Готфрид Петрович. Он постоянно переписывался с женой. В письмах наказывал, чтобы Мария Готфридовна ничего не жалела, всё, что было, продавала, только чтобы дети не голодали. Она в Басмасово всё, что привезли с собой, обменяла на еду – куски хлеба, чтобы не умереть с голоду. Там пришлось очень трудно, но в санатории немного перевели дух. После возвращения Готфрида Петровича перебрались в деревню Щука с пристанью «Малые реки». Там построили дом, сначала небольшой, а затем побольше. В семье родилось ещё двое детей: в 1949 г. – сын,

а в 1951 г. – дочь Лидия. Через некоторое время пристань закрыли, и семью перевели в Парабель.

Оттуда в 1964 г. родители с Лидией отправились погостить в Киргизию, где у Готфрида Петровича жили два двоюродных брата. В Киргизии родителям понравилось, и они остались там до тех пор, пока на этом настаивала Мария Готфридовна. Остальные дети по-прежнему жили в Парабели. В Киргизии прожили четыре года. Там немцы активно хлопотали о восстановлении Республики немцев в Поволжье: собирали делегацию, ездили в Москву. Воссоздать республику не разрешили. Отец Лидии Готфридовны отказался возвращаться в Поволжье. Говорил, что там их больше никто не ждёт. Родственники поехали туда и через два года вернулись обратно: там всё было совсем по-другому, не так, как раньше.

Лидия Готфридовна училась в начальных классах в Щуке, потом год жила в школе-интернате в деревне Белка. По возвращении из Киргизии окончила школу в Парабели. Профессиональное образование получила в Томске, окончив училище связи. По его окончании сорок лет работала на почте в Парабели междугородной телефонисткой. За добросовестный и достойный уважения труд Лидия Готфридовна получила награды, ей были присвоены почётные звания: в 1985 г. – почётное звание «Ударник Коммунистического труда», в 1990 г. – медаль «Ветеран труда», в 2001 г. – звание «Ветеран связи Томской области». Телефонисткам предоставлялись льготы, и в возрасте 45 лет Лидия Готфридовна вышла на пенсию, но ещё до 58 лет работала на почте оператором связи.

Муж Лидии Готфридовны, Владимир Михайлович Мартынов, родом из Татарии. Когда он служил в армии на Дальнем Востоке, в Парабели была объявлена Всесоюзная стройка нефтепровода. Из армии он с двумя друзьями отправился в Парабель. Им обещали золотые горы, но на деле вышло всё не так. Парни устроились шоферами, и им дали машины, «как из-под забора», чтобы сами отремонтировали. Только что прибывшим из армии молодым людям нечего было одеть, обуть. Все трое были из одной части, в Парабели познакомились ещё с двумя парнями, так впятером и стали держаться вместе – жить и работать. Договорились, что с одной полочки все одевают одного, затем второго и так далее. Ребята были молодцами и помогали друг другу.

На танцах Лидия Готфридовна познакомилась с будущим мужем, полгода они дружили, а затем и поженились. На сватовство жених никого из родственников не привёл: мать жила в Татарии. Невеста с же-

нихом договорились о женитьбе и пришли к её родителям. Владимир был таким стеснительным, что во время застолья только сидел и молчал. Отец Лидии Готфридовны спрашивает: «Ну, что случилось-то?» – жених же только смотрит на невесту и молчит. Наконец, заговорил, что хотят, мол, пожениться и пришли узнать, как на это смотрят родители невесты. Отец сказал: «Ну, слава богу. Наконец-то!»

Свадьбу сыграли в 1971 г. в доме родителей Лидии Готфридовны. У них в это время был уже большой дом. Его купили, когда вернулись из Киргизии. В ЗАГС молодые ехали на машине «ГАЗ-66», в то время легковых машин в селе не было. Жених приехал за невестой, отвёз её в ЗАГС, а затем в дом её родителей. На Лидии Готфридовне была длинная фата и венок, сделанный племянницей отца – Елизаветой Петровной. Она была женщиной в годах, жила на Кирзаводе и мастерила красивые веночки из бумажных цветов, покрытых воском. Этот венок она сделала в 1958–1960 гг., и он служил всей родне. В 1963 г. старшая сестра Лидии Готфридовны выходила замуж в этом венке, а в 1968 г. его надела жена старшего брата. К венку была прикреплена длинная фата. Выходить замуж в этом венке стало семейной традицией. И у жениха, и у невесты к свадебной одежде были приколоты бумажные цветочки, как того требовал обычай. Кроме того, к костюму жениха была приколоты длинная лента, завязанная бантом. Венок и фату мать Лидии Готфридовны долго хранила в сундучке, привезённом из Поволжья.

На свадебном столе всего было в достатке. Свадьбу справляли осенью, и из Киргизии привезли много помидоров. Они лежали в корзинке в кладовке, откуда их только успевали подавать к столу. Из немецких блюд можно назвать «нудельзуппе» – суп из домашней лапши с курицей. Тесто для лапши делают из муки, яиц и воды. Его тонко раскатывают, скручивают в рулет, разрезают на деревянной дощечке на узкие полоски. Получается длинная лапша, которую нужно высушить. Мать Лидии Готфридовны сушила лапшу на подушках: положит на подушку газету, разложит лапшу, накроет её газетой, а сверху – ещё одной подушкой. Лапша должна полежать так некоторое время и высохнуть. Потом из лапши готовили блюда, хранили ее в мешочках. В магазине лапшу никогда не покупали, а готовили сами.

Семейным блюдом считался «штрудель». Его готовят следующим образом. Сухофрукты моют, помещают в кастрюлю с водой и доводят до кипения. Делают тесто из муки, яиц, соды и воды, как на оладьи, только покруче. Раскатывают, смазывают сливочным

маслом, сверху посыпать сахаром и сворачивают в рулет. Сваренные сухофрукты выкладывают на рулет и запекают в чудо-печке примерно час. На тарелку выкладывают рулет с сухофруктами, смазывают сметаной, сливками или маслом и едят с холодным молоком. Очень вкусное блюдо. Лидия Готфридовна с детства привыкла к маминым блюдам, и сама с удовольствием готовит их своим детям. Она растила племянника, он стал военным и когда приезжает к ней в отпуск, обязательно просит: «Мама Лида, приготовьте мне Ваши блюда». Готовит она и пирог «кухе».

Родители Лидии Готфридовны были лютеранами, а она сама, как и её муж, – православные. Мать Лидии Готфридовны с детства была приучена к Богу. На Волге она полдня училась в светской школе, а после обеда ходила в церковную. Там все ходили в церковь молиться. Мать и своих детей приобщила к Богу. Она вставала рано утром и обязательно начинала день с чтения молитвенника. Тем временем отец топил печь, а мать, помолвившись, готовила завтрак. И вечером, перед сном, она тоже читала молитвы. Когда начались гонения на церковь, у неё хранились «Библия» и молитвенник.

Вскоре после рождения дочери Лидия Готфридовна с мужем поехали погостить в Татарию. Дочери был всего годик. Перед поездкой мать Лидии Готфридовны сшила внучке наряд из длинной фаты, в которой дочь выходила замуж. В Парабели тогда не было церквей, и мать наказала обязательно окрестить ребёнка в Татарии. Свекровь тоже была верующим человеком и прислуживала при православной церкви. Для совершения таинства крещения должна была покреститься по православному обряду и сама Лидия Готфридовна. Она позвонила матери и объяснила ситуацию, на что получила ответ: «Какая разница, какая вера, ведь Бог-то один, не задумывайся и крестись». Так сначала окрестили саму Лидию Готфридовну, а потом её маленькую дочь в том наряде, который сшила ей бабушка.

Мать Лидии Готфридовны умерла в возрасте 92 лет. Умерла тихо и спокойно, от старости. Даже в пожилом возрасте она оставалась энергичной и бодрой. Когда Лидия Готфридовна ездила на дачу, она всегда просила взять её с собой. На даче сразу же бралась за работу. Схватит, например, ведро и начинает сажать картошку. Муж Лидии Готфридовны возмущался и говорил: «Лидия, убери маму с поля, а то вдруг соседи увидят».

Из праздников Лидия Готфридовна вспоминает Пасху. Когда жили в деревне Щука, её отмечали так. Утром отец брал кошку и её лапами

делал заячьи следы на скамейке. Мать красила яйца, готовила выпечку, покупала конфеты. Клала всё это на скамейку и говорила: «Идите, дети, вам зайчик подарки принёс!». Дети выходили и радовались подаркам. Троицу особо не праздновали, но мать Лидии Готфридовны, когда жили в Шуке, рвала веточки берёзы, плела из них венок и вешала его в доме. Дети её спрашивали, зачем это, а она отвечала, что на Троицу обязательно надо так делать. Масленицу вообще не праздновали.

Новый год заменяет Рождество – самый любимый и яркий праздник. За месяц до Рождества начинают готовить подарки взрослым и детям, каждому отдельно. Оно приходится на 25 декабря, но отмечать его начинают с вечера, 24 декабря. Обязательно ставят ёлку. Раньше отец Лидии Готфридовны привозил её из леса. Из взрослых выбирают Санта-Клауса, это и есть Дед Мороз. Раньше его функции исполняла мать Лидии Готфридовны, а сейчас – она сама. В мешок Санта-Клаусу насыпают конфеты. Он наряжается и слушает, как читают стихотворения маленькие дети на русском языке. Наградой служат конфеты. Детей постарше, которые плохо учатся, Санта-Клаус наказывает «цепью». Потом вся семья садится за стол и отмечает Рождество. Пост перед Рождеством не соблюдался, как у русских: братья работали в лесу, и их надо было хорошо кормить, в том числе и мясной пищей.

Сейчас у Лидии Готфридовны двое детей: дочь Евгения родилась в 1973 г., сын Василий – в 1975 г. У Евгении старшая дочь окончила Томский государственный педагогический университет, а сын пойдёт в 11-й класс. У Лидии Готфридовны много родственников в Германии. Так, все четырнадцать детей двоюродного брата отца Лидии Готфридовны уехали из Киргизии в Германию и живут там. Отец Лидии Готфридовны не собирался ни возвращаться в Поволжье, ни переезжать в Германию. Когда жили в Шуке, там жили и работали ссыльные латыши. Им в 1953–1954-х годах разрешили вернуться на родину. Отец подчёркивал, что если бы и немцам в это время разрешили вернуться на историческую родину, это было бы ещё возможно, а в 1964–1965-х гг., когда вышел указ, на Волге уже ничего немецкого не осталось. О Германии он рассуждал так: «Мы там не дома и тут в гостях. Там мы будем второстепенными, и что там делать». Не возникало особого желания поехать в Германию и у Лидии Готфридовны. Её родина здесь, в Сибири, и по Парабели она идёт с гордо поднятой головой, потому что где родился, там и пригодился.

Ю.В. Фаллер, В.В. Шмидт

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЖИТОГО

(о Моор Лидии Христиановне)

Моор Лидия Христиановна, 1927 г. р., уроженка поволжского села Шефер. Родители Лидии Христиановны работали в колхозе, дед сидел в тюрьме, бабушка помогала воспитывать детей и внуков.

В сентябре 1941 г. Лидии надо было идти в 7-й класс в школу, находившуюся в городе Энгельсе или в Саратове, а её с семьёй отправили в Новосибирск. Когда началась всеобщая депортация немцев, то семье Лидии велели отдать всю скотину в общее пользование. На 12 телегах всех деревенских жителей повезли на дорожную станцию, не сообщив никакой информации о дальнейшей судьбе. С людьми в дороге обращались, как со скотом. Лидия не помнит, как отреагировали родители на переселение в Сибирь, помнит лишь, что с собой взяли небольшое количество продуктов и мешок муки. В дороге переселенцы находились больше месяца, по прибытии на место их начали расселять. Сначала семья Лидии жила на квартире в Песчановке, что недалеко от Нарыма. «Хочешь, не хочешь, а тем временем шла Великая Отечественная война, брата хозяйки отправили на фронт». Тем не менее, вспоминает Лидия Христиановна, «относились к нам хорошо, по-человечески». Из Песчановки родных Лидии отправили в Нарым, а после – на лесозаготовку в Борки.

Муж Лидии, Виктор Иванович Моор, был родом из соседней деревни в Поволжье – Ролендорф. Он работал печником. За долгую совместную жизнь Виктора и Лидии у них родилось пятеро детей. Сейчас Лидия Христиановна с внуками живёт в небольшой деревне Кирзавод, расположенной недалеко от Парабели. Её дом полон гостей, и дети постоянно помогают справляться с хозяйством.

Лидия Христиановна – лютеранка, а её дети и внуки крестились уже в православной церкви. В традициях семьи Моор отмечать два Рождества. Немецкое Рождество называют «святым праздником», семья отмечает его 25 декабря. На стол в этот день обязательно ста-

вится пирог «ривелькухе», а на горячее подаётся тушёное мясо с картофелем и капустой. Клёцки с капустой, вспоминает Лидия Христиановна, были любимым блюдом её детства.

Лидия Христиановна покинула Поволжье в сознательном возрасте, она помнит свою деревню, родительский дом. Прожив в Сибири много лет, она хотела узнать, что стало с её малой родиной, отчим домом, но по многим причинам этого сделать не удалось.

На новом месте Лидия Христиановна уже не говорит на немецком языке, да и говорить особенно не с кем. В небольшом населённом пункте Кирзавод, состоящем из нескольких улиц, уже и не осталось немцев. Лидия Христиановна говорит, что за это долгое время всё перемешалось, невозможно вспоминать прошлое – ужас встает перед глазами от того, что пришлось пережить её семье.

М.Ю. Чарышова, А.И. Махнёва

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ*

(о Новосельцеве Николае Артуровиче)

Встреча с Николаем Артуровичем Новосельцевым произвела на нас большое впечатление. Во-первых, мы долго не могли найти его дом, потаённый от взора прохожего. Находящееся у подножия высокого берега строение невозможно увидеть со стороны улицы, идущей по самому краю берега. До жилища сложно и добраться: приходится спускаться по длинной крутой лестницы, ведущей вниз и утопающей в зелени трав и деревьев. Во-вторых, нас поразила удивительная история жизни, которую поведал этот гостеприимный человек.

Николай Артурович родился в 1926 г. (по паспорту – в 1925 г.) в деревне Сабуровка Саратовской области. Деревня располагалась на границе с русскими поселениями. В 1928 г., когда Артуру было два года, семью раскулачили, и она распалась. Отца, Густава Сабельфельда, арестовали поздней ночью, и больше его никто не видел. Старший брат Карл, которому вскоре должно было исполниться восемнадцать лет, опасаясь, что его постигнет участь отца, бежал в Саратов. Мать, Эмилия Сабельфельд, с младшей дочерью Алисой вынуждена была скитаться и просить милостыню в эти тяжелые годы, когда на Волге свирепствовал голод. Николая Артуровича забрали к себе тётя Эмилия и её муж, Артур Франц, и мальчик взял фамилию и отчество приёмного отца, а в паспорте местом рождения стало числиться с. Боаро, где они все вместе и проживали. В детскую память прочно врезался эпизод дороги: везли Николая в обозе, посадив в коробушку, которая по дороге наклонилась, и ребёнок вывалился. К счастью, случившееся вовремя заметили, подняли ребёнка и посадили обратно. В детстве Николай часто болел, но всё же ему удалось окончить пять классов, несмотря на то, что деревня Ное Бруней,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

в которой находилась школа, располагалась в 5 км от деревни Боаро. Ещё два класса мальчик окончил уже в Сибири.

Семья Франц жила в достатке, несмотря на страшный голод в Поволжье. Хозяин работал в колхозе кладовщиком, семья держала коров, коз, имелся и большой огород. Колхоз, впоследствии названный «Коминтерном», был богатым, поэтому его разделили на три самостоятельных, а в степи построили новую деревню Кипль. Дома возводили из сырцового кирпича. В эту деревню и перевели семью Франц.

В 1937 г. семью Николай Артуровича снова постигла беда: приемного отца Артура арестовали, так как во время Первой мировой войны он попал в плен к австрийцам. Николай Артурович и тётя Эмилия остались вдвоём. Оба работали в колхозе, за это им начислялись трудодни, зарплату получали в виде зерна и кукурузы. Было голодно.

О выселении из Поволжья в начале Великой Отечественной войны узнали из газет. Жителям деревни обещали, что разлучать семьи не станут, и все будут жить вместе всем колхозом. В это верилось слабо, как и в то, что смогут вернуться обратно. Николай Артурович вспоминает, что на сборы дали время, разрешили брать с собой одежду, необходимую посуду и продукты. На дорогу разрешили каждой семье заколоть одного поросёнка. Мясо закоптили, напекли постряпушек, засушили сухарей. Собирались долго, и в деревне даже прошёл слух, что будто бы вмешалось начальство и переселение отменили. Однако вскоре ранним утром началась депортация. При въезде в деревню военные поставили стол: здесь оформляли документы переселенцам и осматривали их вещи, определяя, что можно брать, а чего нельзя. Так, было запрещено брать с собой постельные принадлежности. Вывозили на машинах, выделяли одну на две семьи и отправляли в Маркштадт, где депортированных выгружали возле железной дороги. Стоял жаркий день. К вечеру пригнали «телячьи вагоны», всех посадили в них и отправили в Сибирь. Везли долго, около полумесяца, много времени состав стоял на станциях. Здесь примерно раз в сутки кормили горячим супом, а воду набирали на каждой остановке.

Николая с тётей Эмилией привезли сначала в Новосибирскую область, в с. Тяжино, а оттуда – в «Окиманенко», где жили холхы, говорившие иначе, чем русские. Здесь задержались почти на год. Поселили переселенцев в домах раскулаченных, которых было довольно много: много немцев – и много пустых домов. Николай Ар-

турович вспоминает, что жилища были добротными, с застеклёнными окнами и с печкой, которую пришлось топить сырыми берёзовыми дровами. Здесь определили на работу в колхоз. Пришлось вспахать целину, хотя пахотой Николай никогда не занимался. Первый раз плуг отрегулировал бригадир, затем ему были доверены лошадь и телега. Осенью возил картошку, а зимой работал на ферме. Ночью доставлял дояркам сено для личных хозяйств, те расплачивались с ним одним-двумя вёдрами картошки.

Осенью 1942 г. Николая с тётёй отвезли на пароходе в деревню Шпалозавод Нарымского края и высадили на пристани. Оттуда на катере привезли в деревню Алатаево, что находится на реке Кеть. Здесь расселили в клубе. Многих немцев из этой деревни повезли дальше, но Николая с тётёй оставили. Ему и ещё нескольким ребятам предложил работу председатель алатаевского колхоза. Немцев поселили в русскую семью Колотовкиных, в которой и так было много детей. Полагали, что всем вместе легче будет выжить. Через какое-то время Николаю с тётёй выделили небольшой дом.

В летнее время Николай метал сено, пока не вернулись фронтовики, а зимой работал на лесозаготовках. После войны в колхозах стали появляться трактора, и Николай выучился в Колпашево на тракториста, став первым трактористом в деревне. Работа на лесозаготовках памятна особенно. Каждый колхоз должен был поставлять на лесозаготовку в леспромхоз «Пайдуга» по пять лошадей с погонщиками и мужчин-вальщиков. Работников оставляли там на всю зиму, в течение которой женщины подвозили сено для лошадей.

Отношение местного населения к немцам были неплохим, видели, «что не бандиты, работали хорошо», хотя во время спора часто можно было услышать: «Ты – фашист». Однажды на Николая напал с кулаками пьяный фронтовик, но женщины, с которыми парень работал на покосе, защитили его, утверждая в один голос, что он – хороший работник.

На лесозаготовках Николай Артурович проработал пятнадцать зим, здесь и познакомился со своей будущей супругой Верой Николаевной Новосельцевой, взяв её фамилию. Она жила в деревне Большая Пашня, работала в колхозе «Майские дни», отсюда её и отправили валить лес. На лесозаготовке построили клуб, в котором показывали кино и устраивали танцы. Девушки танцевали вальс и краковяк, а парни главным образом наблюдали, высматривая избранниц. Так и Николай Артурович присмотрел себе будущую жену.

Ухаживал за девушкой почти всю зиму. Молодые люди приходили в женский барак, за это начальник лесопункта Михаил Николаевич Мокин называл их «куриными петухами». Тех парней, которые оказывались в бараках девушек после 12 часов ночи, гонял сторож-фронтоник и разбирали товарищеский суд, он мог назначить штраф в размере 50 руб. Однажды чуть не оштрафовали и Николая, но обошлось. В 1949 г. сыграли свадьбу, пригласили знакомых немцев, устроили небольшой ужин. В это время уже можно было купить водку.

После свадьбы супруги некоторое время жили на квартире у бабушки, а затем переехали в деревню Большая Пашня, к родителям Веры Николаевны. Позже они выкупили половину дома за тысячу рублей, что оказалось недорогим по тем временам. Вторым приобретением стала корова. Со временем их совместное хозяйство пополнялось лошадьми, овцами и свиньями. Лишь рыболовством Николай Артурович не занимался: какие немцы рыбаки – в степи родились. Разрасталась и семья, родилось шестеро детей: Николай (1950 г. р.), Любовь (1952 г. р.), Надежда (1954 г. р.), Валентина (1955 г. р.), Светлана (1960 г. р.) и Лариса (1969 г. р.).

В 1954 г. разошлись дороги тётки Эмилии и племянника, она уехала в Алтайский край к сестре, в то время, после отмены спецкомендатуры, семьи старались соединиться. Тётя была католичкой по вероисповеданию, совершала молитвы перед едой, были у неё и книги на немецком языке. Пожив какое-то время на Алтае, она захотела вернуться к племяннику, просила выслать деньги на дорогу, но её желание не осуществилось.

В 1980-е гг. колхоз в Алатаево был ликвидирован, коров отправили на бойню, жизнь в селе затухала. В связи с пошатнувшимся здоровьем супруги Новосельцевы оказались в Парабели: переехали поближе к дочери. В 2002 г. купили дом со всеми хозяйственными постройками, в котором живут и по сей день. Николай Артурович всегда всё по хозяйству делал своими руками. В Алатаево он, например, возвёл все хозяйственные постройки. Хотя силы уже не те, Николай Артурович и сегодня постоянно хлопочет по хозяйству: поставил баню, соорудил колодец с механическим насосом, проложил тротуары, смастерил нечто наподобие мини-теплицы, где греет ноги с целью профилактики от болезней.

За свою долгую трудовую деятельность на сибирской земле Николай Артурович удостоен многих наград: медали «За доблестный

труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», значок «Победитель социалистического соревнования» за 1973 г., юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С родным Поволжьем связывает лишь память. От детских лет остались воспоминания о поволжских забавах. В летнее время у детворы популярны были арбузы и дыни, их не только ели, но и использовали для шалостей. Так, из арбузов делали «страшилки»: съедали мякоть, в корке вырезали рожицу, вставляли свечу и ночью пугали. Еще одной из забав служила игра на гармонии поздней ночью: мальчика-гармониста подвозили на тележке к окну, и он начинал неожиданно играть, вызывая переполох в уснувшем доме.

Оказавшись в Сибири, немцы старались по возможности следовать своим традициям. Праздновали Рождество: ставили ёлку, молоде, как и в Поволжье, ходили славить по деревне, отмечали и Новый год. На Пасху (Остерн) стряпали из муки пасху, красили яйца. Из немецких блюд часто готовили к чаю «кребли» – перевитые полоски из теста, обжаренные в масле. На работе варили галушки с картошкой: крошили картошку в кастрюлю с водой, солили. Замешивали на воде с содой густое тесто, затем отделяли от него кусочки-галушки ложкой и опускали в воду с кипящей картошкой. Когда всё сварится, воду сливали и выкладывали на сковороду с предварительно поджаренным на масле луком. Это блюдо стало любимым для всей многонациональной колхозной бригады.

В.В. Попов

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

(о Перемитиной (Гардер) Ираиде Андреевне)

Ираида Андреевна родилась в апреле 1941 г. в Анжеро-Судженске, в семье Гардер, а в августе того же года всех выслали в Новоникольское Кемеровской области. Родиной для семьи Гардер являлось село Давлеканово в Башкирии. Там они имели свой хутор и крепкое хозяйство: держали лошадей, коров, кур и т.д. У дедушки с бабушкой был большой двухэтажный дом, который построил сам дед Иван вместе с сыновьями. Он построил не только дом, но и хозяйственные постройки, смастерил всю мебель, стоящую в доме. Дедушка был человеком с золотыми руками. Дом был уютным и семейным. Все друг другу помогали по хозяйству и уважали друг друга. Семья Гардер была большая: у дедушки и бабушки росло 12 детей. В семье сохранялись немецкие традиции. В частности, бабушка носила длинную юбку, подбитую для пышности ватой, а дедушка читал молитвенник, напечатанный на немецком языке. В Давлеканово готовили немецкую пищу, но Ираиде Андреевне по рассказам родителей запомнился только «кухе» – пирог.

В 1931 г. семью Гардер постигло несчастье: их раскулачили. Забрали все: землю, дом, мебель, скотину. Дедушка перед отправкой в Анжеро-Судженск успел спрятать только иконы и молитвенные книги, закопав их на заднем дворе. К сожалению, мало информации сохранилось о годах, проведенных в Анжеро-Судженске.

В 1941 г. семью переселили в село Новоникольское Александровского района. Поначалу на новом месте жилось трудно: питались в основном тем, что находили в лесу и на полях. Рвали крапиву и варили из неё суп. Отношение к немцам было плохим: местные жители могли назвать их «фашистами», хотя, наверное, люди понимали, что никакого отношения к фашистам они не имеют. Когда Ираида Андреевна подросла, её отправили учиться в интернат.

Как и все католики, в семье Гардер отмечали Рождество и Пасху. В военное время ничего особенного на праздники не готовили, но когда стало жить немного легче, то начали печь пирожки, булочки. К такому празднику, как Рождество, готовились заранее: срубали ёлку в лесу и приносили домой, где её украшали ленточками. Вставляли пораньше, чтобы приготовить большой праздничный обед: пекли «кухе», пирожки, булочки, варили постный суп и готовили блюда из мяса и рыбы. За стол все садились в праздничной одежде.

Так как до 1954 г. всех депортированных немцев отмечали в комендатуре, то до этого времени Ираида Андреевна не могла покинуть Новоникольское. В 1959 г. она переехала в Нарым, где устроилась работать на рыбозавод и проработала там около 7 лет. В 1960 г. в Нарыме Ираида Андреевна познакомилась со своим будущим мужем – Андрианом Перемитиным. В том же году молодые расписались, а уже через год, в 1961-м, у них родился сын Николай, а затем Александр, Валентин и Андрей. Свадьбу не «играли», просто расписались в ЗАГСе.

На вопрос, хотела бы Ираида Андреевна переехать в Германию, будь у неё такая возможность, она ответила отрицательно, так как все родные здесь и её туда ничего не тянет.

В.А. Ситников

ЖИЗНЬ В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

(о Прокофьевой (Миллер) Эмилии Богдановне)

У семьи Эмилии Богдановны тяжёлая судьба: депортация из Поволжья в суровую Сибирь с её ужасными морозами, голод и жизнь в землянке. Семью сняли с насиженного места на Волге и в короткие сроки выслали. Огород, на котором зрел урожай, так и остался необранным. Отец, Богдан Яковлевич Миллер, был выслан из г. Энгельса вместе с детьми – Фридой (1932 г. р.), Александром (1936 г. р.), Евгением (1938 г. р.) – и женой Марией Богдановной в Новосибирскую область. Затем, в 1942 г., их отправили в деревню Заполой, возле Парабели, где пришлось рыть землянки и питаться чем придётся – травой и лепёшками из гнилой картошки. Мать умерла при родах почти сразу после приезда в Сибирь.

В деревню Заполой из Поволжья сослали и семью будущей матери Эмилии Богдановны – Марии Готлибовны. Под нажимом своей матери она вышла замуж за овдовевшего Богдана Яковлевича. Произошло это в 1944 г., а в 1946-м – родилась Эмилия. В этот же год семья понесла утрату – зимой умерла мать Марии Готлибовны. Во втором браке состав семьи существенно пополнился: родились Виктор (1949 г. р.), Иван (1951 г. р.), Мария (1953 г. р.), Наталья (1954 г. р.), Христиан (1956 г. р.), Богдан (1959 г. р.) и Галина (1961 г. р.).

Жизнь понемногу налаживалась. Семью Миллеров переселили в колхоз «Победа». Здесь у неё появился собственный дом, пускai и небольшой. В 1956 г. немцев-спецпереселенцев сняли с учета комендатуры. Узнав об этом, мать Эмилии Богдановны сразу же захотела вернуться в Поволжье, она всегда говорила: «Там очень хорошо жилось». Она даже выписывала газету «Neues Leben» как память о Поволжье. Однако к этому времени в семье уже росло много детей, и решение о возвращении на историческую родину так и не было принято.

Отношения между родителями и детьми в семье Миллеров во многом определялись суровым временем: когда родители уходили на работу, дети ещё спали, а когда возвращались – они уже спали, поэтому общение с взрослыми было минимальным. Это привело к тому, что дети не знали немецкого языка, хотя дома взрослые постоянно говорили на нём. Сегодня Эмилия Богдановна помнит по-немецки только отдельные слова. Детей воспитывали в строгости и с ранних лет приучали к труду: в Сибири приходилось вручную поливать огромный огород в 40 соток, следить за ним и собирать урожай. Отец давал детям плановые задания – кто и сколько ведер картошки должен накопать. Родители заботились, чтобы все дети окончили школу. За воспитание детей Мария Богдановна была награждена орденом «Мать-героиня» и орденом «Материнская слава» двух степеней. Родители исповедовали католицизм, но детей крестить не получилось – негде было. Повзрослев, дети стали придерживаться православных обычаев и праздников, и многие приняли православие.

В 1956 г. семья решила в очередной раз переехать, на этот раз в Высокий Яр. Здесь Миллеры жили в большом уютном доме, построенном ими на горе. С этой горы дети всего посёлка катались на досках-ледянках. Их обливали водой и оставляли на морозе, пока вода не замерзала. Жили в этой деревне неплохо, у всех соседей были большие семьи, и никто даже не заикался о том, что Миллеры – немцы. В Высоком Яру Эмилия Богдановна выучилась на оператора почтово-телеграфного отделения и стала работать по профессии в разных посёлках.

В мае 1968 г. Эмилию Богдановну направили в село Пудино начальником почтового отделения. Сюда же из армии приехал на похороны матери её будущий муж – Александр Петрович Прокофьев. Молодые люди познакомились. В декабре 1969 г. Александр вернулся из армии, и вскоре сыграли скромную свадьбу. На столе стояли в основном русские блюда, и свадьба справлялась по-русски.

Большинство праздников в русско-немецкой семье отмечалось по русским обычаям. На Пасху красили яйца и ставили выпечку на стол. Новый год отмечали дома, в семейном кругу. Всё же детская память Эмилии сохранила случай, когда в дом буквально ворвались ряженые и начали пугать детей. Миллеры тогда жили в Неваге.

Сегодня Эмилия Богдановна живёт в Парабели, у неё трое детей: Сергей, Павел и Виктория. О немецких традициях в семье напоминают блюда домашнего приготовления. Среди них преобладают

мучные. Нужно отметить, что Эмилия Богдановна сумела сохранить множество рецептов традиционной немецкой кухни.

Пирог «ривелькухе» был и остаётся традиционным украшением праздничного стола. Его готовят с посыпкой, джемом или вареньем. В большом количестве готовилась матерью Эмили Богдановны лапша. Тесто раскатывали и давали ему подсохнуть. Затем его скручивали и на специальной узкой доске с ручкой разрезали. Суп с лапшой варили на мясном бульоне. О пристрастии к лапше свидетельствует то, что доска для её приготовления изрезана так, что потеряла более половины своей толщины. Вареники – тоже постоянное блюдо на столе, их делают в виде треугольников, а для начинки используют творог.

Для приготовления «климпа» берут хлеб, отделяют от корок, крошат и смешивают с маслом и яйцом. Затем формуют шарики и варят их в бульоне. Подают в глубоких тарелках, как суп, наливая вместе бульон и шарики. Когда в семье держали овец, «климп» делали по-другому: заводили тесто, добавляли в него печень, катали шарики и варили в мясном бульоне.

Также любят готовить блюда из картофеля. Самую крупную картошку разрезают на две половины, смазывают маслом, выкладывают на лист и сверху покрывают салом. Выпекают в печке, и за одно застолье можно не раз приготовить это блюдо.

В больших количествах употребляли капусту – её тушили и делали начинку для пирогов. На зиму квасили целую бочку капусты. «Краутен» – это тушёная капуста, приготовленная с мясом из свиных голов. Для блюда раскатывают тесто, сворачивают его в рулет, разрезают на кусочки, которые выкладывали на капусту и оставляют всё томиться на медленном огне. Мясо, капусту и кусочки рулета подают в разных тарелках, и каждый мог брать то, что хочет.

Эмилия Богдановна знает о Поволжье только из рассказов родителей и поездок на Волгу летом. Она родилась в Сибири, создала русско-немецкую семью, но смогла сохранить традиции своего народа, прежде всего кулинарные. Благодаря им культура немцев Поволжья сохраняется и по сей день в Нарымском крае, хотя дети и внуки депортированных в Сибирь всё дальше удаляются от этой культуры и всё больше сближаются с русской.

О.М. Рындина

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД, ИЛИ ОДА МАТЕРИ*

(о Райсе Фёдоре Фёдоровиче)

Фёдор Фёдорович – человек хорошо известный и уважаемый в Парабели. Он 10 лет возглавлял Центр немецкой культуры в селе, много сделал для её возрождения. О своей семье, работе и о себе написал в сборнике «Нетленна лишь память»¹ и по этой причине неохотно назначил нам встречу для беседы. Но как только во время неё речь зашла о матери, Фёдор Фёдорович оживился, потоком полились воспоминания. Чувствовалось, что сын и по сей день в неоплатном долгу у матери, и его рассказ – хотя бы частичное исполнение этого долга.

По мнению Фёдора Фёдоровича, судьба жестоко обошлась с его матерью, Марией Христиановной, и ничего хорошего она за всю жизнь не видела. Родилась в Поволжье, в селе Беккердорф Марковского района, в семье Христиана Финка, росла вместе с младшей сестрёнкой. В 1917 г. на фронт Первой мировой войны забрали её отца. В бою он получил смертельное ранение. Умирая, завещал находившемуся рядом с ним Ивану Петровичу Лиру позаботиться о его жене и дочерях, стать им мужем и отцом. Уверял, что лучшей опоры его семье не найти. Так и получилось. В совместном браке родился сын. Иван Петрович хорошо, ровно относился и к приёмным дочерям, и к родному сыну. В строгости их держала мать – бабушка Фёдора Фёдоровича.

Дочь Мария выросла, пошла в школу, где училась вместе с мальчиком по имени Фёдор Райс. Став взрослыми, оба обзавелись семьями. Мария родила и потеряла двух сыновей, а затем и мужа

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

¹Райс Федор. Сага о сибиряке немецких кровей. История семьи Федора Райса // Нетленна лишь память. Судьбы российских немцев Парабельского района. □ Парабель, 2012. □ С. 37–39; *Он же*. Как все начиналось... Истрия создания Центра немецкой культуры в с. Парабель // Там же. □ С. 40–42.

и в 27 лет осталась вдовой. Фёдор бросил семью и ушёл к ней. Их брак не мог быть оформлен официально, так как Фёдор не развёлся с первой женой. Однако это не стало помехой для новой семьи. Вскоре, в 1940 г., родился сын Фёдор, и всё внимание и любовь матери достались ему.

На Волге родители жили очень хорошо. Колхоз был миллионером, в нём было всё – свиньи, куры, утки. Председатель Финк дважды направлял делегации в Москву на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства. В состав второй делегации включили и мать Фёдора Фёдоровича, но она в это время была беременна и не смогла поехать.

Отец был «великим столяром и плотником». Для своей семьи он построил большой добротный дом. Бабушка вечерами угощала помощников-строителей: доставала из погреба солёные арбузы, открывая 4–6-ведёрные бочки, ставила на стол копчёное сало с хлебом и самогон. Для своей семьи она готовила «шпитцен» – блюдо наподобие компота с галушками. Часто тушила, точнее томила, в печи мясо с картошкой. Чугун, предназначенный для тушения, она привезла из Поволжья в Сибирь, но продала, чтобы приобрести продукты. Позднее, после депортации, в доме Лира разместились местная власть – сельсовет.

С началом Великой Отечественной войны отца забрали в труд-армию, через 2–3 месяца отправили на шахту в Красноуфимск Свердловской области. Сначала он писал родным, а затем перестал. Лишь спустя много лет, в 1967 г., Фёдор Фёдорович узнал обстоятельства его смерти, встретившись с приехавшим в Нарым другом отца. Будучи могучего телосложения и веся более 90 кг, отец выполнял в шахте двойную норму, а паёк получал наравне со всеми. Он буквально сгорел от невыносимо тяжёлого физического труда, в одночасье похудел и умер. Умирало там много народу: по 5–7 человек закапывали в землю ежедневно. Увидев Фёдора-сына, друг проследил: настолько он был похож на Фёдора-отца, разве что в свои 27 лет отец был пошире в кости.

Марию Христиановну с сыном Фёдором, родителями и родственниками депортировали в Сибирь. Везли в «телячьих» вагонах. В пути многие умирали. Удивительно, как выжила бабушка. Сначала немцев расселили в Новосибирской области. Чтобы не раскидали родных, дед всех записал на свою фамилию – Лир. Всех вместе и отправили в один колхоз. Он был крепкий, собирал хорошие уро-

жаи, и колхозники в нём не голодали. Лирам в колхозе нравилось. Однако через год, в 1942-м, семью, как и многих других немцев, погрузили на баржу и повезли в Нарымский край.

Сначала высадили в Берёзовке. О ней у Фёдора Фёдоровича осталось одно сильное воспоминание: большой барак, посередине – печка, а возле неё сидит его мерзнувшая бабушка. Чтобы согреться, она толкала ноги прямо в печку. Вскоре бабушка умерла, и маленький Фёдор запомнил, как дед строгал доски для гроба. В Берёзовке потеряли и родную сестру Марии Христиановны с племянницей. Они отравились грибами. Толком в них не разбирались, а есть было нечего. Пошли в лес, насобирали грибов, отварили их, съели и – умерли. С тех пор мать Фёдора не прикасалась к грибам.

Из Берёзовки направили в Нарым. Высадили холодной порой на берег, в тьму гнуса. Переселенцы сами рыли «землянки» – сооружения с дощатыми стенами, окном и крышей, присыпанные землёй. В одной землянке жили 4 семьи, посередине стояла большая железная печь. Здесь потеряли дедушку.

Напротив Нарыма, на острове, располагался Шпалозавод. Мать с Фёдором переселились туда: работа там была тяжелее, но платили больше. Мать согласилась на тяжёлую работу, чтобы лучше обеспечивать сына. Она буквально тряслась над ним. Дед Иван сказал ей после выселения: «Война будет долгой, ничего не жалея, всё отдай, но сын должен выжить». На Шпалозаводе поселили в бараке на 10 семей. Никаких перегородок не было, и кровати молодожёнов отгораживали пологам. Чудом стало переселение в 24-квартирный дом с коридорной системой и отдельными комнатами для семей. Это было уже «цивилизованное жильё».

Детство Фёдора прошло на Шпалозаводе, а в школу он ходил в Нарыме. Когда Фёдор пошёл в первый класс, он по-русски говорил с акцентом. После 4-го класса обучение вели учителя-предметники. Русский язык и литературу в классе Фёдора вела Ираида Александровна. Хотя среди учеников треть составляли немцы, особую строгость она проявляла именно по отношению к Фёдору: заставляла зубрить правила, стихи, много читать. Даст задание, запрет в классе и – уйдёт. Однажды он сбежал через форточку, люто ненавидя учительницу. Она же сделала своё дело: Фёдор стал лучше всех писать сочинения, исчез акцент. Однажды, на вечере встречи выпускников, он спросил учительницу, почему она была так строга к нему. «Чувствовала, что из тебя может выйти толк», – был ответ.

В Нарыме немцев встретили, как врагов, так как шёл второй год войны и многие семьи уже получили похорожки. Ребячишки бились смертным боем: одни – обзывая «проклятыми фашистами», другие – протестуя.

Обычно спецпереселенцы жалуются на комендантов, но среди них встречались и порядочные люди, например Константин Новосельцев на Шпалозаводе. Когда у Марии Христиановны ухудшилось здоровье, она попросила перевести её на более лёгкую работу. Начальник в грубой форме отказал. Встретивший её комендант остановил, расспросил, а узнав, в чём дело, приказал начальнику перевести мать на другую работу.

На Шпалозаводе на Рождество славили. Этим занимались подростки 8–13-летнего возраста, ребята постарше уже стыдились этим заниматься. Ходили поодиночке. Мать рано будила Фёдора, чтобы он приходил первым и обязательно получал подарки. Она назвала сыну фамилии немцев-лютеран, которых нужно было навестить. Фёдор ходил с сумкой. Входя в сени, громко декламировал текст на немецком языке, который велела заучивать наизусть мать, громко стучал ногой в дверь или бил колотушкой, шумно предупреждая хозяев о своём появлении. Входя в дом, повторял заученный текст с благопожеланиями. Хозяева благодарили за них и дарили конфеты, разнообразную выпечку. Всё это складывалось в сумку. К концу обхода она у Фёдора была всегда полной, и он спешил домой поделиться подарками с матерью. Кто поздно вставал – приходил с полупустой сумкой. Вечером накануне Рождества мать обязательно стряпала.

На Новый год было принято дарить подарки, как на дни рождения. Обычно дарили самые необходимые вещи; туфли нужны – дарили туфли, а также конфеты, яблоки, которые тогда были необычайной редкостью. На Пасху мать стряпала пасху.

Оказавшись в Сибири, немцы стремились заключать браки внутри этнической группы. Два года дружил с немецкой девушкой Эрикой и Фёдор, но затем встретил русскую девушку Валентину. Мать первое время закатывала настоящие истерики, пыталась расстроить их дружбу и брак, но возникшее чувство оказалось сильнее. Вообще, как заметил Фёдор Фёдорович, русские девушки стремятся выйти замуж за немцев, а немецкие парня – взять в жёны русских девушек. Со своей супругой, Валентиной Николаевной, Фёдор Фёдорович неизменно идёт по жизни рядом. У них сын Сергей, военный комиссар Парабельского рай-

она, и дочь Елена, учитель русского языка в Парабельской средней школе, взрослые внук Андрей и внучка Екатерина.

Мать Фёдора Фёдоровича была человеком глубоко верующим, лютеранкой. Перед едой и после обязательно читала молитву. Из Поволжья она привезла в Сибирь молитвенные книги. Последнюю из них Фёдор положил с ней в могилу. Когда начала складываться партийная карьера сына, она сняла со стен все иконы, стала прятать свои религиозные чувства, боясь навредить ему.

Внучку Фёдора Фёдоровича крестили в 1991 г. по православному обряду в церкви, находящейся в Каргаске. В Парабели он не нашёл общего языка с батюшкой, который поставил ему условие – посещать лекции в церкви. Атеистическая натура Фёдора Фёдоровича не могла принять это условие. Хотя его в младенчестве и крестили в лютеранском доме на родине, но с юношеских лет он отошёл от веры. Более того, обучаясь в Омске в партшколе, он с энтузиазмом дискутировал с семинаристами и часто выходил победителем в диспутах. Дело в том, что здания семинарии и партшколы располагались напротив, и учащиеся при любой возможности выкрикивали друг другу провокационные вопросы.

Мария Христиановна так и не примирилась с Сибирью. Когда паром, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврыд, ежегодно ощущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьем.

Фёдор Фёдорович, вся жизнь которого прошла в Нарымском крае, сделал здесь блестящую карьеру: почти параллельно окончил Омскую советско-партийную школу и Томский педагогический институт, был рекомендован на партийную, затем административную работу и в 1997 г. ушёл на пенсию с должности первого заместителя главы Парабельского района. Награждён медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «90 лет ВЛКСМ», «Ветеран труда», «Екатерины Великой» и полагающимися к ней золотыми часами. Фёдор Фёдорович сроднился с этой на первый взгляд неприветливой землёй, укоренился в ней. Он – заядлый рыбак и охотник. Покидать свой край и переезжать в Германию не собирается: «Я обязан этому району, думаю, что и он кое-чем обязан мне». Оставаясь верным своей земле и делам, Фёдор Фёдорович всё же питает надежду, что когда-нибудь жизнь здесь станет не хуже, чем в Германии.

А. М. Кыргыз

ПРИШЛОСЬ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО

(о Поддубной (Глик) Екатерине Павловне)

Мне раньше не приходилось бывать в этнографических экспедициях. То, что мы увидели своими глазами и услышали за время пребывания в Парабели, действительно трогает сердце. Мы пришли к Екатерине Павловне Поддубной, чтобы она поведала историю своей семьи. Хозяйка приняла нас с пониманием и уважением, хотя ворошить тяжёлое прошлое – трудная задача. Родилась Екатерина Павловна в 1936 г. в Поволжье, в селе Раскатовка Красноярского района Саратовской области. Здесь же родились и её родители: мать, Вебер Флора Антоновна, в 1907 г. и отец, Глик Павел Иванович, в 1908 г. В семье росло пятеро детей. Двое умерли ещё в Поволжье, а трое остались: Иван, родившийся в 1928 г., Екатерина Павловна – в 1936 г. и Петр – в 1938 г. Жизнь в Поволжье Екатерина Павловна почти не помнит. Знает о ней только по рассказам матери, которой родина казалась наилучшей землей, где всё родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же и вырастало.

Кате исполнилось пять лет, когда семью в 1941 г. привезли в Сибирь, в деревню Щука, что под Нарымом. В Сибири пришлось очень тяжело. В Щуке каждая немецкая семья рыла себе землянку, чтобы где-то перезимовать. Маленькая Катя ходила с братом по дворам и просила очистки. В ответ кто-то подавал, а кто-то прогонял с крыльца. Мать работала в леспромхозе, валила лес. Ежедневно ей давали 200 граммов хлеба на неё и по 100 граммов на детей. Чтобы дети не умерли, Флора Антоновна отдавала весь хлеб им, а сама ела лепёшки из гнилой картошки, которую дети собирали весной на полях. Её увозили рано утром на работу и привозили еле живую вечером. Потом мать с детьми переезжали в Парабель, где колхоз выделил барак, куда переселенцев загоняли, как скот. Позднее Флору Антоновну и её детей поселили в семью Коваленко. Хорошая была семья, приняла с понима-

нием. Екатерина очень хотела учиться. Она бегала в школу в ботинках на босу ногу даже в 40-градусный мороз. Мать просила не пускать её в школу, чтобы дочь не отморозила ноги.

Отца в начале войны забрали в трудовую армию, из которой он вернулся больным человеком. После возвращения он увёз семью в Рязань, но время было тяжелое, и семья там не прижилась, вернулась в Томск. В Томске Екатерина Павловна работала в аптеке, затем в столовой. Из Томска родители вновь переехали в Парабель, где им дали квартиру. Отец устроился на работу сторожем.

В 1954 г. Екатерина Павловна вышла замуж за Рудольфа Франка. Как сватали, она не помнит. Время было тяжёлое, поэтому особого наряда у невесты не было. Однако Екатерина Павловна помнит, что у невесты должен быть венок, а у жениха – букет из цветов с длинной лентой. Супруги прожили вместе двенадцать лет. Обзавелись домашним хозяйством – курами, свиньями и коровой. Зимой всегда было мясо на столе. У них родились два сына: старший Александр – в 1959 г., младший Андрей – в 1964-м. Старший сын обосновался в Ленинграде, а младший – в Парабели, где работает на пилораме.

После того как Рудольф Франк уехал в Казахстан и не вернулся, Екатерина Павловна вышла замуж за Геннадия Григорьевича Поддубного. У них родилось трое детей: в 1970 г. – Светлана, в 1972 г. – Алексей и в 1978 г. – Владимир. В настоящее время они живут в Парабели и не собираются переезжать в Германию. У Екатерины Павловны растут восемь внуков – четыре внучки и четыре внука.

Третьим мужем Екатерины Павловны стал Григорий Константинович Новопашин. Она в то время работала на стройучастке и от организации получила квартиру, но переехала к мужу, которому дали квартиру на улице имени «Тридцатилетия Победы». В 2005 г. квартиру продали и купили половину двухквартирника по улице Техническая. Квартира нуждается в серьёзном ремонте, средств на который у Екатерины Павловны не хватает. Сильнее всего беспокоит протекающая крыша. На её ремонт местная власть выделила двадцать тысяч рублей, но этой суммы явно недостаточно. Дети по возможности помогают, особенно дочь Светлана, которая работает в пенсионном фонде.

Родители Екатерины Павловны были католиками, а сама она крестилась по православному обряду. В семье отмечали Рождество и Пасху. На Пасху красили яйца, обязательно покупали детям что-нибудь вкусное, так как времени на приготовление праздничных

блюдо не было. Рассказывая о праздниках, Екатерина Павловна отнесла к ним День строителей и День молодёжи. Их отмечали в рабочем коллективе во внеурочное время. Пели песни, и всем было весело.

Мать Екатерины Павловны стряпала «ривелькухе» – пирог с посыпкой из сахара, масла и муки. Галушки по-немецки она готовила так: ставила дрожжевое тесто, делала из него небольшие комочки, давала им подняться и ставила тушиться, кладя поверх моркови. На «штрудель» замешивала тесто, как для лапши, раскатывала его, скручивала в рулет и мелко нарезала. Тушила с картошкой и морковью, добавляя сметану. Готовила ливерные колбасы. Фаршем начиняла вычищенные кишки с помощью трубки, которую крепили к мясорубке. Колбасу отваривали. Готовила блюдо из сваренной свиной головы, предварительно обработав её. Екатерина Павловна вспоминает, что «очень модными у мамы были супы из фасоли». Она выращивала в огороде фасоль, собирала зелёные стручки, нарезала их и отваривала с галушами, подавала со сметаной. Мать Екатерины Павловны часто варила компот из сухофруктов. Любит варить его и сама Екатерина Павловна, она и нас угостила таким компотом. Ни горох, ни фасоль она не выращивает и блюда из них не готовит. Чаще варит суп из квашеной капусты, делает пельмени и котлеты.

Родители Екатерины Павловны похоронены в Парабели, и их могилы прочно привязали и её саму к этим местам. Перед Троицей, в Родительскую субботу, она обязательно ходила на кладбище, поминала родителей. Сейчас здоровье не позволяет этого делать, и за могилками ухаживает дочь Светлана. Екатерина Павловна хорошо понимает, что жизнь в Поволжье изменилась, и желания вернуться туда у неё никогда не было, равно как и переехать в Германию. Родным поневоле стал для неё суровый Томский Север.

В.А. Ситников

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

(о Трифоновой (Вагнер) Павлине Петровне)

Павлина Петровна родилась 3 августа 1936 г. в Ленинграде в большой немецкой семье. Семья состояла из родителей, Павлины Ивановны и Петра Петровича Вагнеров, дедушки Ивана и бабушки, а также детей. Павлина была младшим ребёнком в семье, кроме неё росли братья Осип и Пётр, а также сестра Катя. Вскоре Вагнеры переехали в Поволжье, в небольшой колхоз под городом Энгельсом. Отец был сапожником и портным и имел швейную машинку, которая шила все виды ткани и кожи. Мать работала в колхозе – поваром на культстане. Семья Вагнеров занимала часть двухэтажного дома, нижний этаж был построен из кирпича, а верхний – из дерева. В доме имелись 2 спальни, большая кухня, зал и длинный коридор. Личное хозяйство состояло из 2 коров, которых пасла Павлина, свиней, овец, уток и кур. В саду росли 2 яблони, в огороде – морковь, капуста и картошка. Поскольку родители много работали в колхозе, дома хозяйничали бабушка и дедушка.

Старшие дети присматривали за младшими. Не обошлось и без несчастного случая. Маленькая Павлина спала в колыбели-качалке, которую уронила присматривавшая за ней сестра. Колыбель дважды перевернулась, и девочка ударилась головой, получила травму. Об этом Полина Петровна узнала намного позже, из рассказа сестры. Братья и сестра ходили в школу, где преподавали на русском и немецком языках, и в детский сад, который располагался за стенкой. Сама Павлина Петровна получить образование не успела: в сентябре она должна была пойти в школу, но в августе их депортировали. Когда же она решила пойти в школу здесь, в Сибири, то оказалось, что уже поздно: на тот момент ей было 8 или 9 лет.

В семье говорили по-русски и по-немецки, но по-русски говорили в основном дети, а дед и бабушка – по-немецки, они плохо говорили на русском. Дети воспитывались в строгости, к родителям обращались исключительно на «Вы», с раннего возраста их приобщали к работе, учили не воровать и не убивать. Бабушка и дедушка были католиками по вероисповеданию, в семье все молились и приучали

к этому детей. В Поволжье крестили и Павлину. Рядом с домом стояла двухэтажная церковь, позднее её переоборудовали под клуб, размещавшийся на втором этаже, а первый этаж отвели под зернохранилище. Однако и после закрытия в здание церкви продолжали ходить молиться.

В августе 1941 г. стало известно о депортации. Выселяя, обещали выплатить деньги за дом и скотину, но выплатили только за скот. Семье дали немного времени на сборы, и отец начал сколачивать деревянные ящики для вещей и упаковывать свою главную ценность – швейную машинку. Мать плакала дня три. К сожалению, не успели созреть яблоки, они были ещё кислыми, но всё-таки немного их взяли в дорогу. Вся семья погрузилась на две телеги. Первая была запряжена парой лошадей, имела высокие борта, чтобы люди не выпали, и на ней поехали члены семьи. На второй, запряжённой одной лошадью, повезли вещи. На двух телегах и отправились на станцию. По дороге братья Павлины рвали арбузы с бахчи.

Вагнеров разместили в вагоне для перевозки скота и отправили в Сибирь. По дороге поезд делал редкие и короткие остановки, люди спешили набрать воды. Старики и взрослые рассуждали о том, что их везут на войну сражаться с фашистами. Из-за жары, духоты и нехватки воды начали умирать старики. По приезде в Новосибирск группами выгрузили на неизвестной станции и в сентябре на машинах развезли по колхозам. В дороге многие познакомились, к тому же при переселении старались не разбивать семьи.

В каком-то посёлке, название которого Павлина Петровна не запомнила, забрали в трудовую армию отца и старшего брата Осипа. Условия жизни были ужасные, и Павлине, как самой маленькой, приходилось побираться: ходить по домам и выпрашивать еду. Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента её нередко прогоняли и называли «фашисткой», но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем она чаще и ходила. Бабушка, дедушка, мать и сёстры работали в колхозе: косили сено, жали серпом рожь, пшеницу, копали картошку, иногда с поля им удавалось принести хоть сколько-нибудь картошки. На трудодни давали немного пшеницы, муки, что служило небольшим подспорьем. Пока старшие были на работе, Павлина с братом Петром часто оставались дома одни.

Через три года из трудовой армии вернулся отец, который устроился в колхоз разнорабочим, а ещё через год встретили брата

Осипа. Он выучился на тракториста и тоже стал работать в колхозе. Ещё через год всю семью переселили в Каргат, где ей дали небольшую квартиру. Положение семьи было настолько плачевным, что отцу пришлось продать кержаку свою реликвию – швейную машинку, чтобы купить тёлочку. Из Каргата Вагнеров переселили в Томск, затем – в Парабель, а из Парабели – в деревню Тарск. В ходе постоянных скитаний семья Вагнеров значительно поредела: умерли мать и бабушка, а дедушку потеряли ещё в Новосибирске. После смерти матери отец женился второй раз. Мачеха не любила Павлину и Екатерину и всячески притесняла их. Через три года после смерти отца мачеха уехала в Новосибирск, забрав с собой церковную книгу, написанную на немецком языке и привезённую из Поволжья. Вскоре и сестра переехала в Костылёво, где стала работать дояркой, и Павлина Павловна осталась одна.

В Тарске Павлина Петровна познакомилась со старообрядцем Фёдором, родом из деревни Сенькино. У них родился сын, но мать Фёдора запретила ему жениться на немке. Пришлось растить сына одной, в свидетельстве о рождении она записала его Фёдором и немцем по национальности. До сих пор Фёдор считает себя немцем.

На новое местожительство, в Прокоп, Павлина Петровна приехала уже с полуторогодовалым сыном. Чтобы не чувствовать себя одинокой, она постоянно поддерживала по почте связь с братьями и сёстрами. В Прокопе ей дали квартиру и отправили на сплавачасток, где она пилила лес, срубала сучья, скатывала брёвна для сплава. Из-за постоянного отсутствия дома приходилось нанимать нянек, чтобы присматривали за сыном, поскольку однажды он чуть не устроил пожар. Здесь, в Прокопе, Павлина Петровна познакомилась со своим будущим мужем – Петром. После службы в армии он работал в лепромхозе: летом – на катере, зимой работал в гараже, точил цепи для бензопил «Дружба». Он был русский, из села Голещихино. Мать Петра с пониманием отнеслась к выбору сына и дала согласие на их брак. Молодожёны сыграли скромную свадьбу в Прокопе в конце сентября. На стол поставили окрошку, пироги с капустой, котлеты и картошку. Муж хорошо относился к Фёдору и воспитывал его, как своего родного сына. Вскоре появился второй сын – Дмитрий. Сегодня он живет по соседству с матерью, женат на учительнице. Сын Фёдор сейчас живёт в Томске и работает бригадиром на заводе по производству бетонных плит.

К сожалению, Павлина Петровна забыла немецкий язык, но некоторые традиции своего народа она помнит. Так, Рождество отмечали 24 декабря. Дома ставили ёлку и клали под неё подарки, ходили славить – рядились, обвязывали вокруг ног цепи и шли по домам. На Пасху было принято красить яйца и готовить мучные изделия. Павлина Петровна любила готовить домашнюю лапшу, фаршировала рыбу, но особое пристрастие питает к капусте: из свежей делает салаты, а квашеную тушит.

У Павлины Петровны нелегко сложилась судьба, на её долю выпало много испытаний: голод и холод, постоянное переселение с места на место, изнурительная работа в колхозе и на лесозаготовке с самого детства. Всё это сломало бы другого человека, но Павлина Петровна оказалась сильнее испытаний. Сегодня ей 80 лет, у неё 2 сына, 2 внука и 3 внучки, одна из них уже семь лет живёт и работает во Франции. Односельчане любовно называют её «бабой Полей». Лишь в этом году она попросила сына купить мотокультиватор, а до того вручную вскапывала свой участок. На нём растут картошка и ягодные кусты, капуста и лук. Павлина Петровна сохраняет боевой настрой духа, возится с внуками и сама делает всю работу по дому. Сетует лишь на то, что соседи поставили механические разбрызгиватели на огороды, и из-за этого падает напор воды в трубах. В шутку даже грозились перерезать им шланги для воды. В доме поддерживаются идеальная чистота и порядок. Помогают сыновья: сделали в доме ремонт. В текущем году должны провести газ. Вообще, как считает Павлина Петровна, сегодня нет оснований сетовать на жизнь.

Felix Schmid

GALINA DAVIDOVNA FRAJND

Galina Davidovna (Frajnd) (9.5.1940) Saratowsker Oblast, Marksschtatskij Rayon, Beresowka.

Galina Davidovna hatte 3 Schwestern und einen Bruder. In der Familie wurde nur Russisch gesprochen, sie erinnert sich nur ein bisschen an die deutsche Sprache. Nach der Erzählung ihrer Eltern war das Leben im Saratowsker Oblast gut gewesen. 1941 wurden sie aus der Heimat deportiert, die Vorbereitungen waren allerdings sehr hastig, so dass sie sehr wenige Habseligkeiten mitnehmen konnten. Zunächst kamen sie nach Novosibirsk, von dort aus wurden sie nach Alatajevo gebracht, dort wurden sie einfach am Ufer ausgesetzt und mussten zunächst in Semljankas leben.

In den ersten Jahren war das Leben sehr hart, die Familie musste selbst Kartoffeln anbauen, was jedoch nicht zum Leben reichte, oft mussten sie Gräser essen oder Beeren im Wald sammeln, um zu überleben. Der Vater war in den ersten Jahren nicht bei der Familie, wahrscheinlich also in der Trudarmija, stieß aber später wieder zu ihnen.

Ab 1948 ging sie in die Schule, allerdings nur bis zum Herbst. Im Winter konnte sie nicht in die Schule gehen, da sie keine Schuhe hatte. Ihr Bruder Alexander (geboren 1924–1927) arbeitete in der Kolchose von Alataevo. Zwei ihrer Schwestern starben bereits während der Zeit in Alatajevo, die dritte, Irma Davidovna, die 1937 geboren wurde, lebt bis heute in Alatajevo.

Ab dem Alter von 13 Jahren ging sie arbeiten, musste sich um 16 Kühe kümmern, melken, Mist aufräumen und füttern. Alle arbeiten auf der Farm, sie mussten vier Kilometer den Fluss entlang rudern, um zur Arbeit zu kommen. Galina war Mitglied des Komsomol, allerdings wollte sie nicht, dass später ihre Kinder Komsomolzen wurden, überließ ihnen aber die Entscheidung.

Alexander Davidovitsch, ihr Bruder, wurde circa 1959 Direktor der Kolchose, ab dieser Zeit lebte die Familie wesentlich besser, sie erhielt eine eigene Wohnung. Es gab im Dorf ein kleines Geschäft, in dem man

Brot und Zucker kaufen konnte, was sehr wichtig war. Weiterhin konnte sich die Familie besondere Annehmlichkeiten leisten, wie beispielsweise einen Fotoapparat.

Die Familie lebte im oberen Stockwerk, im unteren lebten Russen. Obwohl die Haushalte getrennt waren, luden sich die Familien von Zeit zu Zeit gegenseitig ein, die Beziehungen waren scheinbar freundschaftlich. Dennoch gab es auch Beschimpfungen durch die örtliche Bevölkerung, die Deutschen wurden als «Faschisten» oder «Nemtschora» bezeichnet.

Zwei weitere Brüder: Fjodor und David, lebten getrennt von der Familie, wahrscheinlich waren sie vorher in der Trudarmija. Nach dem Ende des Sonderregimes kamen sie zu Besuch, sie spachen mit den Eltern noch auf Deutsch. Fedor lebte in Tula, David wahrscheinlich im Krasnojarsker Kraj.

Galina Davidovna lernte ihren Mann auf einer Tanzveranstaltung kennen. Ihr Mann war Russe und ebenfalls Sondersiedler, er lebte in Karasjach, circa vier Kilometer entfernt von Alatajevo. Von Beruf war er Jäger, daher konnte er die Familie ernähren. Er hielt um die Hand von Galina bei ihren Eltern an, die der Ehe zustimmten.

In Karasjach wurde ihr erster Sohn geboren, zu Beginn der 60er Jahre durfte die Familie von Galina Davidovna nach Parabel umziehen. Dort konnten sie sich ein Haus kaufen, ihr Mann arbeitete weiter als Jäger, während Galina Davidovna anfangs im Krankenhaus zu arbeiten. Von ihren drei Söhnen sind mittlerweile schon zwei verstorben.

An Neujahr und an Weihnachten traf sich die ganze Familie bei der Mutter, es gab aber keine speziellen Bräuche, meistens wurde spezielles Gebäck gegessen, so genannten «Kremlkuchen», dazu gab es Tee. Außerdem hatte die Familie eine besondere Art Tworog zuzubereiten.

Die Mutter hatte ein deutsches Buch, in dem sie jeden Abend las und dazu betete. Allerdings brachte sie ihrer Tochter keine Gebete bei, Galina hatte sie nur beim Beten gesehen.

Untereinander sprachen sie eher Russisch, Galina Davidowna hat keine Erinnerung daran, dass die Eltern Deutsch gesprochen hätten.

Galina Davidovna möchte nicht nach Deutschland ausreisen, sie meint, dass sie zu wenig Geld dafür hat.

Феликс Шмид

ГАЛИНА ДАВИДОВНА ФРАЙНД

Галина Давидовна Фрайнд родилась 9 мая 1940 г. в Берёзовке Маркштадтского района Саратовской области. У Галины было 3 сестры и брат¹. В семье говорили только по-русски, поэтому она немного помнит немецкий язык. По рассказам родителей, жизнь в Саратовской области была хорошей. В 1941 г. их депортировали из родных мест, всё произошло очень поспешно, поэтому с собой смогли взять мало вещей. Сначала прибыли в Новосибирск, оттуда семью отправили в Алатаево, где высадили просто на берегу. Поначалу пришлось жить в землянках. В первые годы жизнь была очень тяжёлой. Семье приходилось сажать картофель, которого, однако, не хватало, поэтому, чтобы выжить, они ели траву и собирали в лесу ягоды. Отец в первые годы жил не с семьей, вероятно, он был в армии, вернулся к своим позже.

В 1948 г. Галина пошла в школу, но походила туда только осенью. Зимой она не могла посещать школу, так как у неё не было обуви. Её брат Александр (1924–1927 г. р.) работал в Алатаево в колхозе. Обе сестры умерли в Алатаево, третья сестра, Ирма Давидовна (1937 г. р.), и сейчас живет в Алатаево. В возрасте 13 лет Галина пошла работать и должна была присматривать за 16 коровами, доить, убирать навоз, кормить их. Все работали на ферме, приходилось преодолевать четыре километра по реке, чтобы попасть на работу. Галина была комсомолкой, но не хотела, чтобы её дети стали комсомольцами, однако оставила принятие этого решения за ними.

Александр Давидович, её брат, с 1959 г. возглавлял колхоз. С этого времени семья жила значительно лучше, получила собственную квартиру. В деревне имелся небольшой магазин, где можно было купить хлеб и сахар, что было очень важно. Впоследствии семья

¹ Речь, очевидно, идёт о сёстрах и брате, которых депортировали вместе с родителями (*прим. ред.*).

смогла позволить себе «предметы роскоши», например фотоаппарат. Семья жила на верхнем этаже, а внизу жили русские. Несмотря на то, что хозяйство не было совместным, семьи иногда приглашали друг друга в гости, отношения были дружескими. Тем не менее со стороны местного населения слышались и оскорбления, немцев называли «фашистами» или «немчурой».

Два других брата, Фёдор и Давид, жили отдельно от семьи, возможно, прежде они были в трудармии. После отмены спецрежима они приехали в гости, говорили с родителями по-немецки. Фёдор жил в Туле, Давид – в Красноярском крае.

Галина Давидовна познакомилась со своим мужем на танцах. Её муж был русским и тоже спецпоселенцем, жил в Карасях, что примерно в четырех километрах от Алатаево. По профессии он был егерем, поэтому мог прокормить семью. Он просил руки Галины у её родителей, они дали согласие на брак. В Карасях родился их первый сын. В начале 1960-х гг. семье Галины разрешили переехать в Парабель. Там они смогли купить себе дом, муж по-прежнему работал егерем, а Галина Давидовна устроилась на работу в больницу. Из трёх сыновей двое уже умерли.

На Новый год и Рождество вся семья собиралась у матери. Никаких особых традиций не соблюдали, чаще всего ели специальную выпечку, так называемый кремлькучен (Kremlkuchen). К нему подавали чай. Кроме того, в семье делали особый вид творога.

У матери была немецкая книга, которую она каждый вечер читала и молилась. Однако дочерей она не научила никаким молитвам, Галина за молитвой видела только её.

Между собой родители говорили по-русски, Галина Давидовна не помнит, чтобы они говорили по-немецки.

Галина Давидовна не хочет уезжать в Германию, она считает, что для этого у неё слишком мало денег.

Перевод Ксении Минаковой

С.А. Кротова

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТРУДНОСТИ

(о Целуйко (Пауль) Фриде Яковлевне)

Фрида Яковлевна родилась в мае 1939 г. в деревне Роледер Красноярского района Саратовской области. Её родители, Дина Францевна и Яков Яковлевич Пауль, также родились в деревне Роледер соответственно в 1909 и 1901 г., здесь впоследствии сыграли и свадьбу. В семье Пауль росло пятеро детей. Старшие сёстры были сводными, от первых браков родителей: Мария от первого брака отца, а Эмма от первого замужества матери. Во втором браке родились Фрида Яковлевна, её родной брат Владимир и сестра Лидия. В родной деревне семья жила достаточно обеспеченно. У Паулей были свой дом и большое хозяйство: разводили кур, индюков, гусей, свиней, коз, коров. Всего было в достатке.

Спокойная и размеренная жизнь семьи в корне изменилась с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. Фрида Яковлевна вспоминает рассказы родителей о немедленных и быстрых сборах. В дорогу успели взять немного: швейную машинку, плюшевое пальто мамы, пальто отца, полотенце и ещё какие-то незначительные вещи. Семью отправили в Новосибирск, откуда позже переселили в Нарым, где прожили года два, затем немцев расселили по деревням. Семью Пауль отправили в Нестерово. Самое сильное воспоминание о Нарыме – болезнь Фриды малярией, когда она лежала на русской печки и её всю лихорадило.

В Нестерово отец работал на тракторе, молот зерно на мельнице. Мама тоже бралась за любую работу, чтобы прокормить семью, работала и на хозработках, и на покосе, и в детском садике. Фрида Яковлевна с трудом говорит о тяжёлой жизни в первые годы поселения в Сибири. Особенно ей запомнилось жильё, в котором семье пришлось прожить около 1–2 лет, тогда Фриде было 5 лет. Это была полуземлянка, которую построили сами. Полуземлянка представляла

собой вырытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым предметам мебели относились скамейки, сделанные своими руками.

Затем в Нестерово семье выделили небольшую квартиру, состоявшую из маленькой комнаты и кухни. Мебели было немного: скамейка, стол, своеобразная вешалка из прибитой к стене палки с гвоздями для одежды, прикрытой занавеской. Позже в квартире появилась деревянная кровать с настилом из досок. Кровать украшали наволочки и свесы с кружевной отделкой, выглядывавшие из-под покрывала. Постельные принадлежности крахмалили. Дина Францевна пыталась облагородить скромное жилище. Белила стены разведённой жёлтой глиной-«охрой», которую брали из горы, расположенной неподалеку. Стены приобретали желтоватый цвет. Извести было мало, и то её небольшое количество, что имелось, Дина Францевна разводила и рисовала ею на поверхности стен белые цветочки. Шила занавески из марли, крахмалила их и рисовала на них цветы. Мама была рукодельницей, сама шила одежду.

С пропитанием приходилось тоже нелегко, почти все вещи, взятые с собой в дорогу, были обменены на продукты – брюкву и картошку. В пищу шла крапива, лебеда, весной перекапывали поля с картошкой, пытаясь найти в земле оставшиеся клубни. В это время местное население, главным образом русские, жило хорошо, оно рыбачило, сажало картошку. К немцам относились недружелюбно, нередко обзывали их.

Через какое-то время колхоз дал семье тёлочку, чтобы она обзавелась коровой, но молока не видели, потому что почти весь надой должны были сдавать на маслозавод. Взамен молока с маслозавода возвращали обрат, который и пили. Из небольшого количества оставшегося молока сбивали масло. Чтобы приобрести самые необходимые вещи (спички, соль, керосин), детям приходилось ходить в другую деревню и на базаре продавать масло, яйца. Дети шли босиком и, лишь придя в другую деревню, одевали суконные тапочки,

которые очень берегли, так как больше никакой обуви не было. Ярким воспоминанием для Фриды Яковлевны стало сватовство к старшей сестре. На него сваты принесли в дом невесты кулёк конфет-карамельек. Маленькая Фрида взяла кулёк и вышла на улицу, местные ребяташки быстро разобрали конфеты. Ей самой досталась только одна последняя конфетка. Тогда она в первый раз узнала вкус карамели «Фруктовой» и до сих пор помнит его как что-то необыкновенное.

За хозяйством приходилось следить девочкам. Они готовили еду, убирали в доме, ухаживали за единственной коровой, потому что родители целыми днями работали, стараясь прокормить семью. Фрида Яковлевна вспоминает, что жили очень бедно, одежды было мало, даже в школу не в чем было ходить.

Пищу готовили в русской печи. Это была чаще всего картошка, запечённая с небольшим количеством молока, и хлеб, который делали из тёртой картошки с добавлением горстки муки. Получали муку с помощью зернотёрки, состоявшей из двух жерновов. Также толкли зерно с помощью следующего приспособления: ставили две вертикальные жерди, сверху на них клали ещё одну – горизонтальную, к которой привязывали верёвку, а к её концу прикрепляли пест и ставили под ним ступку с зерном. Пест с помощью верёвки поднимали и опускали в ступку, размельчая таким образом зерно. На трудодни давали горох, зерно. По обычным дням варили горошницу и различные блюда из капусты.

Фрида Яковлевна рассказывает, что, несмотря на тяжёлое время, было место и для праздников. Она помнит, как на Новый год ходили славить по домам, но не рядились. Колядующих угощали печёными калачиками. Стесняясь петь песни, она не выступала вперед, а старалась держаться за спинами сверстников и вместе с ними тоже получала угощение. На улицах на Новый год гуляли и шумели. Из религиозных праздников отмечали Рождество и Пасху. На Рождество пекли фигурное печенье в виде куколок из пшеничной муки. Пост не соблюдали. Перед Пасхой, к Вербному воскресенью, ходили в лес за веточками вербы, которые то распускались к этому времени, то нет. На Троицу рвали в лесу цветы, дети качалась на качелях, к этому дню для угощения пекли калачики. Женщины на тарелочках разносили их, угощая ребяташек. Маленькой Фриде запомнились и вечерки, на которые ходили её старшие сёстры. Если было лето, то молодёжь собиралась на улице. Обязательным участником сборов

считался парень, играющий на балалайке. Зимой собирались во вместительных домах.

Подрости, Фрида Яковлевна уже сама пошла работать, вначале устроилась в семью нянкой, а затем её взяли работать учеником повара в столовую, где она и проработала 35 лет. Хорошо помнит самые старые улицы в Парабели – Советскую и Шишкова.

В Парабели она познакомилась со своим будущим мужем, Петром Целуйко. Семью мужа в 1930-е гг. раскулачили и сослали в Новосибирскую область. Отца расстреляли, и мать осталась одна с шестью детьми. Сын Пётр, отслужив в армии, вернулся в Парабель и работал здесь шофёром. После его возвращения из армии он и познакомился с Фридой, так как жили они в соседних домах. Сначала дружили, а потом и расписались. Замуж Фрида Яковлевна вышла рано, в 18 лет. Пётр Иванович приезжал свататься вместе с другом к её родителям, прося выдать за него дочку. Решение о «выданье» дочери принимал Яков Яковлевич, и за непринуждённым разговором дал согласие Петру, по случаю положительного решения выпили самогон. Свадьбу справили в октябре у родителей мужа, здесь же и поселились. Хоть жили и небогато, но на свадебном столе стояли разные блюда: винегрет, тушёная капуста с мясом, картошка с мясом, пирожки. По случаю свадьбы мама Фриды Яковлевны выгнала две четверти самогонки.

После того как Фрида Яковлевна вышла замуж, она смогла открепиться от деревни Нестерово и полноправно поселиться в Парабели. Первые годы молодожёны жили в доме родителей мужа, где ютились 9 человек – свекровь, братья Петра Ивановича и он сам с женой и родившимся ребёнком. В браке с Петром Ивановичем у Фриды Яковлевны родились две дочери – Надежда (сейчас живет в Тольятти) и Татьяна (в Томске). Обе дочери получили профессию товароведа. На первые накопленные деньги Фрида Яковлевна купила стёганое атласное одеяло и новое пальто. После рождения второй дочери, Татьяны, Пётр Иванович устроился работать на катер.

В 1961 г. семье Целуйко дали отдельную квартиру в помещении бывшей конторы, поделенном на две части, а в 1983 г. за многолетнюю работу райпотребсоюз выделил Фриде Яковлевне квартиру в новом двухквартирном доме. В этом доме она живет по сей день. Хозяйственные постройки на территории усадьбы поставил сам Пётр Иванович со своим братом – это стайка для кур, стайка для свиней и дровенник между ними. Все хозяйственные постройки рас-

положены в один ряд. Сейчас стайки используются как сараи. Также было перестроено крыльцо дома, его перенесли ближе к хозяйственным постройкам, для удобства. Мебель – шкафчики, сундуки, этажерки, комоды – покупали, в Парабели был мастер по её изготовлению.

После отмены комендатуры в 1953 г. родители Фриды Яковлевны переехали к родственникам Дины Францевны на Алтай. Там они получали пенсию в размере 12 рублей. Яков Яковлевич продолжал работать, получил квартиру в Алтайском крае. Там и похоронил супругу, Дину Францевну, в 70-летнем возрасте. Сам же в 1990-е г. уехал с дочерьми Лидией и Эммой в Германию, где умер в возрасте 96 лет. Брат Владимир, как и Фрида Яковлевна, остался жить в Парабели.

Из традиционных немецких блюд в семье Фриды Яковлевны готовили кухне – большой пирог с вареньем, посыпанный крошками, сделанными из масла, сахара и муки. Также пекли рыбные и сладкие пироги, пирожки с капустой, ягодой.

Мать, Дина Францевна, была верующим человеком, её крестили в Поволжье в костёле, своих детей она тоже учила молиться. С собой в Сибирь привезла молитвенную книгу на немецком языке. Фриду Яковлевну также крестили в католическом костеле, но обряд крещения своих дочерей она велела провести в православной церкви. Дома родители говорили по-немецки, но, как призналась сама Фрида Яковлевна, она стеснялась родного языка, старалась не говорить на нём, и поэтому плохо его знает.

Сегодня дом и участок Фриды Яковлевны выглядят аккуратно и ухоженно. Фундамент дома выбелен, забор покрашен, грядки, расположенные симметрично, прополоты. В нескольких местах разбиты клумбы с различными цветами. Для удобрения растений она применяет золу, используя для её просеивания оригинальное сито квадратной формы. В самом доме, хоть скромное убранство, но всё выглядит аккуратно и чисто, что характеризует Фриду Яковлевну как хорошую хозяйку, чистоплотную и аккуратную. Запомнилось и гостеприимство хозяйки. В жаркий день Фрида Яковлевна угостила нас вкусным домашним квасом, который прекрасно утолил жажду. Хотелось бы отметить и искренность собеседницы, к которой мы нагрянули неожиданно. Несмотря на все тяготы и невзгоды, перенесённые в жизни, Фрида Яковлевна осталась добрым и открытым человеком.

В.В. Шмидт, Ю.В. Фаллер

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ

(о Шмидт (Кеммер) Екатерине Михайловне)

Шмидт Екатерина Михайловна, в девичестве Кеммер, родилась в 1936 г. в селе Крафт, что располагалось рядом с селом Шефер, в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья. Отец Екатерины – Михаил Антонович Кеммер, мать – Сусана Иосифовна (девичья фамилия Вагнер), сестры – Елизавета, ныне проживающая в Германии, и Виктория. В 1941 г., как и все немцы, она была выселена вместе с семьей в Сибирь.

Екатерина Михайловна рассказывает, что в семье любили петь, особенно сестры. Пели песни о жизни и судьбе, сейчас так проникновенно не поют. Никаких музыкальных инструментов в семье не имелось, и вся сила исполнения заключалась в красоте живых голосов. Сейчас Екатерина Михайловна не помнит этих песен на немецком языке, но если было бы с кем петь, возможно, что-нибудь бы и вспомнила.

Отец Екатерины был католиком, он и семья были родом из католической деревни. Муж же Екатерины Михайловны – лютеранин, но в семье никогда не возникало трений по поводу веры, жили дружно, воспитывали детей. На момент переезда семьи на Томский Север в Парабели не имелось церкви. Сейчас там построили православный храм Преображения Господня, но Екатерина Михайловна молится по-своему, на немецком языке, и не посещает церковь. Раньше в доме хранили Библию старого издания и книги с религиозными песнопениями. Каждое воскресенье в семейном кругу муж Екатерины, Иван, читал отрывки из Библии на немецком языке, все сидели и внимательно слушали. Муж читал молитвы, а остальные домочадцы пели то на немецком, то на русском языках.

Екатерина Михайловна рассказывает, что сейчас в семье никто не готовит традиционные блюда российских немцев. Раньше же тушили капусту с галушками обязательно из кислого теста. До сих пор Екатерина Михайловна стряпает на Рождество пирог «ривелькухе» для внуков. В «немецком детстве», т.е. в Поволжье, на праздники пекли печенье в виде кукол, домиков, птичек. Персонажа, похожего

на Деда Мороза, Екатерина Михайловна не помнит. На Рождество обязательным атрибутом праздника являлись шапочки, в которые клали подарки. Дети вставали рано утром, заглядывали в свои «подарочные шапочки» и находили в них «конфеточки», таким образом создавалось особое праздничное настроение.

К Троице в семье Екатерины, когда её поселили в деревне Бурундуково, рубили берёзки и ставили у калитки. Избу украшали веточками. В Парабели Екатерина Михайловна не припоминает бытование традиции украшать дом ветками деревьев.

С.А Кротова, В.А. Ситников

ВЕКОВ ПРОНЗАЮЩАЯ НИТЬ

(о Шпомер (Пауль) Марии Эдуардовне)

Мария Эдуардовна с любовью и трепетом относится к истории своей семьи, она кропотливо собирает воспоминания о родных людях. Посетив её дом и пообщавшись с ней, мы были несказанно удивлены тем, насколько богат материал по семейной истории, собранный Марией Эдуардовной, – несколько толстых тетрадей, испи-санных её рукой, с родословными и воспоминаниями о родственни-ках, огромное собрание фотографий. Всё это она бережно хранит для внуков, чтобы помнили своих предков.

Семья Пауль жила в деревне Роледер Саратовской области. Кон-драт Францевич был кожемяком и шил обувь на заказ. С женой Ека-териной Петровной растил четверых детей. В 1938 г. Кондрата Францевича арестовали, осудили на 17 лет, а позднее отправили в трудовую армию.

Вскоре стало известно о том, что немцев Поволжья депортируют в Сибирь. За несколько дней до этого вся деревня видела знамение на небе – картину погрузки сотен людей в поезд, но в тот момент значения его не поняли, а через несколько дней стало известно о вы-селении. Екатерине Петровне пришлось самой заколоть свинью и засолить в дорогу сало. Старались взять как можно больше еды, упаковывали самую необходимую одежду и вещи, которые могли бы пригодиться для обмена на продукты питания. Переселенцев погру-зили в товарный поезд и отправили в село Сумы Каргатского района Новосибирской области.

Затем семью перевезли в деревню Талиновка Парабельского района. Здесь её разъединили – старших дочерей отправили на лесо-заготовку в окрестности деревни Берёзовка. Здесь они корчевали пни, надрывались, работая по пояс в снегу и мокрые насквозь. Бере-менные женщины тоже работали. Если рожаницу не успевали доста-вить в больницу, то роды принимали старые бабки. Екатерину Пет-

ровну с сыновьями оставили на барже, которая тоже отправилась в Берёзовку. Во время стоянки у одной из деревень Эдуард сошёл на берег, чтобы собрать клюкву, так как брат Александр уже опухал от голода. Баржа отчалила, оставив Эдуарда на берегу. Он отправился в деревню и решил заночевать в бане, где его сильно напугала собака, которую запустили местные ребята. Начиналась зима, и его приютила местная бабушка, она же вылечила мальчика от испуга. Эдуард брался за любую работу в деревне, за которую платили бы продуктами. Их собирала бабушка, чтобы потом отдать ему в дорогу. Будущий зять Екатерины Петровны, Генинг Иван Христианович, приехав на обласке за почтой в Берёзовку, встретил её с сыном Александром и отвёз к дочерям в леспромхоз. Здесь Екатерина Петровна работала на сушилке, просушивала одежду для рабочих, получая скромный хлебный паёк. Мать с детьми жила в бараке, где стенами служили тонкие перегородки. В бараке завязывались знакомства, перераставшие в более тесные отношения. Так, тетя Лилия подружилась с Яковом Лиром, а потом он позвал её жить за соседнюю перегородку, так и «поженились».

Дети Екатерины Петровны выросли. В 1953 г. сын Эдуард женился на Марии Павловне Андрушищиной, родом из села Устечко Залещицкого района Тернопольской области. В браке у них родились две дочери – Мария и Надежда. Жена умерла 15 января 1961 г. при родах сына. После смерти Марии Павловны в Нарым приехала её родная сестра Евгения Павловна, такова была просьба, переданная сестре. Евгения Павловна стала воспитывать детей, как родная мать. Вскоре она и Эдуард Кондратьевич поженились, и у них 28 мая 1967 г. родилась ещё одна дочка – Ида. О своём отце Мария Эдуардовна вспоминает с любовью и теплотой. Он постоянно возил детей на свою родину и родину их матери, в Поволжье и на Украину, тратил почти все деньги на дочерей, и поэтому на сберкнижке почти не имел накоплений.

В 1955 г. отпустили из трудармии Кондрата Францевича. Он не знал, где находится его семья, и потому обосновался в небольшой деревне, получая пенсию в 5 рублей и подрабатывая шитьём обуви. Однажды в деревне совершили преступление, и Кондрата Францевича обвинили в нём. Его привезли в районный центр, но не смогли доказать вину и отпустили. В райцентре он случайно узнал, где живёт его семья, и отправился туда. В Берёзовке его ждало известие о смерти жены – Екатерины Петровны.

Мария Эдуардовна родилась 31 августа 1955 г. в деревне Пайдуга Томской области. Училась в школе, окончила Колпашевское медучилище и всю жизнь проработала медсестрой в больнице. В середине 1970-х гг. она познакомилась с Владимиром Ивановичем Шпомером и вскоре вышла за него замуж. В 1976 г. у них родилась дочь Ольга, а в 1983 г. – Алёна. В 2000-е гг. часть родственников уехала в Германию, Мария Эдуардовна и сама хотела перебраться туда, но не сдала экзамены по немецкому языку и осталась жить здесь, в селе Нарым, вместе со своим мужем. Когда в гости приезжают внуки, она, как может, помогает им выполнять задания по немецкому языку.

Мария Эдуардовна рассказывает, что хранительницей немецких традиций в семье была бабушка Катя. Она всегда ходила дома в платье и фартуке. У бабушки был собран узелок на «последний час» – простые чулки, новое ситцевое платье, – который она всегда брала с собой в поездки. Бабушка Марии Эдуардовны разговаривала только по-немецки. Благодаря этому Мария в детстве хорошо разговаривала на немецком языке. Она была своего рода переводчиком между бабушкой-немкой и матерью-украинкой. Со временем Мария Эдуардовна перестала разговаривать по-немецки, и сегодня понимает только отдельные слова и фразы.

Немецкие традиции в семье Шпомер более всего выражены в пище. Так, от бабушки к внучке передался рецепт известного немецкого блюда – ривелькухе. Для его приготовления бабушка тонко раскатывала тесто, а сверху клала толстый слой «посыпушек», сделанных из сахара, масла и муки. Сейчас Мария Эдуардовна добавляет в пирог ещё и варенье. Кроме того, в семье и по сей день готовят «крикельте». Сначала на сковороде жарят картошку с капустой. Затем берут тесто, замешанное на простокваше, раскатывают его, нарезают на полоски. Полоски теста сворачивают и выкладывают поверх капусты, накрывают и оставляют тушиться на медленном огне, чтобы не подгорело. Тесто поднимается, становится пышным и пропитывается капустным ароматом. А вообще-то в семье одинаково любили как украинскую кухню (голубцы и борщ), так и немецкую (пирог с посыпкой «ривелькухе» и «крикельте»).

Что касается религиозных праздников, то отмечали Рождество и Пасху, как по католическому, так и по православному календарю, потому что бабушка Катерина была католичкой, а мать, Мария Павловна, греко-католичкой. Если Пасха совпадала, то отмечали обе в

один день. На Пасху красили яйца, пекли куличи. Кроме этого, мама Марии Эдуардовны отмечала праздник Петра и Павла. Бабушка Катерина была глубоко верующим человеком, она всегда молилась по-немецки перед большой иконой. Всех своих детей и внуков она учила молитве – небольшому четверостишию на немецком языке. Так как мать Марии Эдуардовны была греко-католичкой, то и её крестили в греко-католической церкви, но позже, уже в сознательном возрасте, она перешла в православие.

Нить судьбы прочно соединила с Нарымским краем уже четыре поколения семьи Шпомер, привнесла в неё украинский колорит и продолжает ткать дальше родословное полотно, хранительницей которого и является Мария Эдуардовна.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Рындина О.М.</i> Юдоль российских немцев Парабели	6
<i>Schmid Felix.</i> Deportationen und Sondersiedlungen in Parabel und Narym	19
<i>Шмид Феликс.</i> Депортации и спецпоселения в Парабели и Нарыме	28
<i>Рындина О.М.</i> Современные реалии немецкой культуры	37
<i>Попов В.В.</i> Чёрный хлеб слаще конфет (о Вяловой (Роледер) Розе Ивановне)	44
<i>Schmid Felix.</i> Lidia Friedrichovna Glik	47
<i>Шмид Феликс.</i> Лидия Фридриховна Глик	50
<i>Махнёва А.И., Чарышова М.Ю.</i> Героические женщины (о Дюковой (Пауль) Лидии Павловне)	53
<i>Махнёва А.И., Чарышова М.Ю.</i> Белый пароход судьбы (о Карлове Льве Александровиче)	57
<i>Рындина О.М.</i> Сказание о Кнаубах	60
<i>Ефремова В.С.</i> Жить с блеском в глазах (о Кривенко (Фрибус) Марии Германовне)	70
<i>Ефремова В.С.</i> Сильная натура (о Луговской (Шпетер) Екатерине Алексеевне)	74
<i>Кыргыс А.М.</i> Где родился, там и пригодился (о Мартыновой (Шмаль) Лидии Готфридовне)	78
<i>Фаллер Ю.В., Шмидт В.В.</i> Долгое время пережитого (о Моор Лидии Христиановне)	84
<i>Чарышова М.Ю., Махнёва А.И.</i> Наперекор судьбе (о Новосельцеве Николае Артуровиче)	86
<i>Попов В.В.</i> Большая семья (о Перемитиной (Гардер) Ираиде Андреевне)	91
<i>Ситников В.А.</i> Жизнь в большой семье (о Прокофьевой (Миллер) Эмилии Богдановне)	93
<i>Рындина О.М.</i> Последний пароход, или Ода матери (о Райсе Фёдоре Фёдоровиче)	96
<i>Кыргыс А.М.</i> Пришлось очень тяжело (о Раскатовой (Глик) Екатерине Павловне)	101
<i>Ситников В.А.</i> Суровые испытания (о Трифоновой (Вагнер) Павлине Петровне)	104
<i>Schmid Felix.</i> Galina Davidovna Frajnd	108
<i>Шмид Феликс.</i> Галина Давидовна Фрайнд	110
<i>Кретова С.А.</i> Преодолевая трудности (о Целуйко (Пауль) Фриде Яковлевне)	112
<i>Шмидт В.В., Фаллер Ю.В.</i> Песня о жизни и судьбе (о Шмидт (Кеммер) Екатерине Михайловне)	117
<i>Кретова С.А., Ситников В.А.</i> Веков пронзающая нить (о Шпомер (Пауль) Марии Эдуардовне)	119

Научное издание

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
ПАРАБЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 30.06.2015.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 8,2 +3 вкл.; усл. печ. л 7,6+3 вкл.; уч.-изд. л. 9,2. Тираж 300. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1